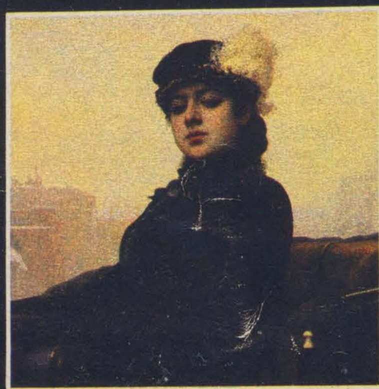
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 23 июнь 1987

ЧУЖОГО ГОРЯ НЕ БЫВАЕТ

ХУДОЖНИК ИВАН КРАМСКОЙ

ПУШКИНСКАЯ ЭПОХА

ВИДЕОТЕКА: ИЛЛЮЗИИ И ФАКТЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 23 (3124)

6—13 ИЮНЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Где это видео! (См. в номере материал на стр. 6—7.)

Фото Игоря ЯКОВЛЕВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

Телефоны редакции: Секретариат —212-23-27; Отделы: Публицистики —212-21-88; Коммунистического воспитания —250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы —212-22-69; Фото —212-20-19; Оформления —212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 18.05.87. Подписано к печати 02.06.87. А 00388. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1503. Заказ № 614.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

НЕ ДОЛЖН

КРЕСТЬЯНИНА-ПЕРЕСЕЛЕНЦА, СРОДНИВШЕГОСЯ ОКОЛО ВЕКА НАЗАД С РАСКАЛЕННЫМИ ДОМНАМИ СТАРОЙ «ПЕТРОВКИ», ЗВАЛИ ВЛАДИМИР ОШКО. ЕГО ВНУК ВЛАДИМИР ОШКО ПРОШЕЛ ЗДЕСЬ, КАК ГОВОРЯТ СТАЛЕВАРЫ, ЗАКАЛКУ ОГНЕМ, ЗАСЛУЖИЛ В ТРУДНЫЕ МИНУТЫ ЖИЗНИ МАНДАТ РАБОЧЕГО ДОВЕРИЯ...

Юрий ОСИПОВ, Павел КРИВЦОВ (фото), специальные корреспонденты «Огонька»

Начну с документов. И пусть их красноречивая лаконичность поможет взять разгон авторскому слову.

Бюро Днепропетровского ОК КП Украины
от Ошко Владимира Петровича
1930 года рождения,
члена КПСС с 1955 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу дать возможность срочно выехать на работу в район Чернобыльской АЭС. Характер работы — любой. Убедительно прошу не отказать.

С уважением (В. П. Ошко)
5.06.86.

Секретарю
объединенного партийного комитета
тов. МОРОЗУ А. А.

Коммунист, член нашей партийной организации, ветеран труда тов. Ошко Владимир Петрович в июне 1986 г. проявил инициативу, обратился в партийные органы с просьбой использовать его на любой работе в непосредственном деле по оказанию помощи людям, пострадавшим при аварии на Чернобыльской АЭС.

Партийная организация Днепропетровского ордена Ленина металлургического завода имени Г. И. Петровского поддержала патриотический поступок тов. Ошко В. П.

Учитывая, что Киевский обком партии поручил тов. Ошко В. П. работать в областном комитете по труду начальником сектора по переселению и трудоустройству населения, эвакуированного из зоны Чернобыльской АЭС, и то, что работа эта потребует определенного времени, просим члена КПСС Ошко Владимира Петровича поставить на временный партийный учет.

Характеристику на члена КПСС Ошко В. П. прилагаем.

Секретарь парткома завода
имени Г. И. Петровского
В. Ф. МАРЧЕНКО
14 августа 1986 г.

Всегда найдется о чем поговорить в цехе с бывшим учеником...

* * *

...К заводу Петровского мы подъехали с тыла. Из-за гор руды выглядывали верхушки домен, все их Ошко знал по имени. На подъездных путях перекликались маневровые паровозы. «Надо оглядываться, здесь это хороший тон»,— наставлял меня Владимир Петрович. Когда подошли к конвертерному, предупредил: «В металлургии много поручней, но лучше за них не держаться». Сам он возвратился к проходной с чистыми руками и по крутым железным трапам взбирался легко — рослый, уверенный в себе.

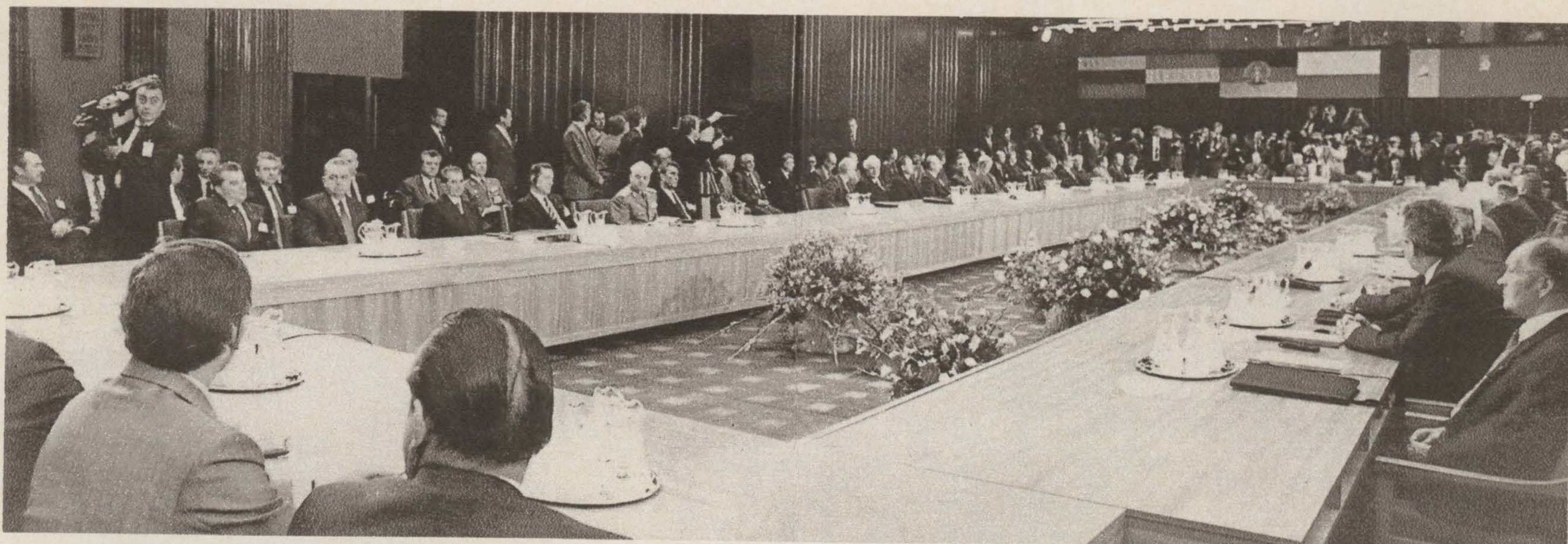
— Идет борьба за выживание,— пояснил мне Ошко на ходу суть реконструкции старейшего металлургического завода, бывшей «Брянки», встречающей ныне свое столетие. Единственному в городе, ему сохранено почетное право гудка, трижды в сутки собирающего рабочий люд к проходной. По этому гудку много лет заступал в смену и Владимир Ошко. Заводчане избрали его депутатом Верховного Совета республики... И вот четыре года назад без лишних расспросов вновь приняли в свою семью после того, как Ошко неожиданно сняли с поста первого секретаря Днепропетровского горкома КПУ.

За что? Формально — за КСК «Богатырь», чья ныне уже непрезентабельная вывеска стыдливо торчит над закрытыми воротами обветшавшего бывшего здания цирка, который давно переехал в новый шикарный «шатер». У ворот — ни души. Зато буквально в двух шагах к водочному окошку прямо в ограде «Богатыря» выстроилась внушительная очередь...

Владимир Петрович с горечью отворачивается. Это ему обком партии поручил в свое время курировать создание комплекса подготовки олимпийского резерва, очень нужного городу,— ведь силачи-чемпионы в Днепропетровске никогда не переводились, а тренироваться по-настоящему им уже много лет было негде. В ходе строительства родилась идея устроить здесь также культурно-спортивный клуб заводской молодежи, где можно и со штангой поразмяться, и на борцовском ковре силами помериться, и в уютном зале хорошую концертную программу посмотреть. Восстановительный центр, тренажеры, современные тяжелоатлетические помосты и оборудование, сауны, концертный зал — все получил «Богатырь». И результаты не замедлили сказаться. Как чисто спортивные, так и оздоровительные. Молодежь потянулась к «Богатырю». И уж, конечно, спиртного духа тогда в округе (еще задолго до Указа) в помине не было.

Увы, мы знаем, что к любому доброму делу любят примазываться темные личности. Начались разного рода махинации, злоупотребления и за кулисами «Богатыря», которые Ошко, доверившись энергичному распорядителю, проглядел. Этой своей ошибки он не отрицает. Отрицает же совершенно категорично какую бы то ни было собственную причастность к махинациям и злоупотреблениям, в чем его глухим намеком пытались обвинить на страницах авторитетного органа печати. (Мы обратились к руководству газеты, в свое время покритиковавшей В. П. Ошко, и получили четкий ответ: «Положились на собственного корреспондента, и он нас подвел. В том, что ныне его нет среди наших сотрудников,— тоже оценка происшедшего...»)

Телефото ТАСС

СОВЕЩАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТАТИВНОГО КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

28—29 мая 1987 года в Берлине состоялось совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

На заключительном заседании состоялось подписание документа «О военной доктрине государств — участников Варшавского Договора».

Совещание, прошедшее в обстановке дружбы и товарищеского сотрудничества, продемонстрировало единство взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

«Военная доктрина Варшавского Договора, как и каждого из его участников, подчинена задаче недопущения войны — как ядерной, так и обычной. В силу самой природы социалистического общественного строя эти государства не связывали и не связывают свое будущее с военным решением международных проблем. Они выступают за решение всех спорных международных вопросов лишь мирным путем, политическими средствами...

Военная доктрина государств — участников Варшавского Договора является строго оборонительной, исходит из того, что в нынешних условиях применение военного пути для решения любого спорного вопроса недопустимо».

(Из документа «О военной доктрине государств — участников Варшавского Договора»)

Велика сила авторитетного печатного слова. Первый секретарь горкома после такой критики и сам не чувствовал себя вправе выполнять ответственные свои обязанности. Приняты были перестраховочные санкции также против КСК, в результате которых он быстро пришел в упадок (выступления «Советского спорта» и местной прессы с тех пор мало что изменили к лучшему).

Сегодня ясно: в те времена Ошко был многим не по душе. Ведь как и сколько раз жулье разных рангов пробовало втереться, вкрасться, заползти к нему в доверие и сколькие нечистые на руку или на помысел получили жесткий отпор, возненавидев партийного секретаря и возжаждав отомстить ему! Некоторые из этих людей уже осуждены сегодня на разные сроки, иные находятся под следствием, но брызги из расплесканных ими океанов грязи нет-нет да проступают и на чистом...

Не хочу вдаваться в подробности: они могут увести наш рассказ в сторону. Главное здесь — судьба коммуниста Ошко, а не разговор о тех, кто получил и получит по заслугам от нашего правосудия. Судьбы человеческие переплетаются между собой, и из всех сплетений хочется проследить одну нить.

* * *

Когда-то давным-давно выпускник Днепропетровского металлургического института, секретарь обкома комсомола Владимир Ошко, к удивлению друзей и недругов, решил вдруг пойти на работу в мартеновский цех подручным сталевара. «Считаю, что прежде чем руководить, надо самому потрудиться в рабочем коллективе»,— заявил он. Полгода ходил в обком партии, просил отпустить на завод. Ему предложили работу в институте, аспирантуру. Отказался. Предложили место начальника смены. Не соблазнился. И настоял на своем.

Трудности его не пугали. Еще мальчишкой встал он под открытым небом к станку эвакуированного в Ташкент отцовского завода, был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». На строительстве комсомольской домны получил первый орден — «Знак Почета». Второй — Трудового Красного Знамени — за целину. Теперь там есть совхоз «Днепропетровский», а дома у Владимира Петровича хранятся пожелтевшие карты с маршрутами ударных студенческих отрядов...

И все же испытание «горячим» цехом потребовало от молодого специалиста собрать волю в кулак. Что толку третьему подручному сталевара от диплома инженера! На основе одних книжных знаний печь не поймешь. А как можно руководить людьми, не умея делать то, что будешь требовать от них?

Сперва из сотни лопат с бокситом и магнезитом у Ошко в печь попадало не больше пятнадцати. Выбираю наугад несколько записей в общей тетради с прогоревшей обложкой — дневнике Владимира Петровича тех лет:

«11.1.62. Вторично острое растяжение спинных связок. Болею. В цехе много ручного труда. Руководители старые, притерпелись. Что надо (далее следуют двенадцать пунктов предложений.— Ю. О.), Жаннуля каждый день натирает мне спину. Бурчит. Есть основания. В первый месяц заработал 98 рублей, а сейчас и того меньше. Говорит, нужно бросать эту работу, так как спина моя не выдержит. Со спиной и правда опозорился. Но сталеваром буду...

8.5.62. Продолжаю лечиться. На работе достается — началась жара, у меня организм еще не приспособился к мартену. М. К. хитер и опасен. Болтлив, язык «народный», в смысле — вульгарный. Следует отдать должное, точно знает рабочих по имени и отчеству, осведомлен о каждом их шаге, но... давит как-то эта осведомленность. Страшно любит слушать гадости о людях. А это верный признак: плохой человек.

12.4.63. Ленин говорил: грубость у людей появляется от неумения руководить. Почувствовал здесь, как важно относиться к человеку со вниманием.

25.4.63. Работаю мастером смены. Научился варить сталь не хуже других. Чего я добился за это время? Уважения к себе, к своему достоинству. Ощущаю себя честным, ясно идущим по жизни человеком. Это, по-моему, хорошо. Постараюсь в таком же духе воспитать дочек».

К огнедышащим печам Владимир Ошко возвратился только в пятьдесят с гаком — еще один из главных его уроков...

Но и раньше, руководителем городской партийной организации, он любил приходить к товарищам по профессии, в рабочие коллективы именно тогда, когда сложное решение вызревало, формировалось, должно было быть разъяснено тем, для кого оно принималось и кому адресовалось в первую очередь,— труженикам. Образ этакого приподнятого над массами, некритикуемого, вещающего начальника был не то чтобы чужд — враждебен всей системе мировосприятия коммуниста Ошко. Он и вправду на деле всегда считал должность рабочего главнейшей из всех, формирующей и испытующей. Так он наставлял детей своих, друзей своих. Так он поступал сам. Будучи партийным руководителем, Владимир Петрович гордился званием рабочего человека и всегда говорил об этом. Перестав быть секретарем горкома, попросил дать возможность поработать именно в рабочем коллективе, на рабочем месте. Тогда иные восприняли это даже как вызов, тем более что и вопрос о своем снятии с должности Ошко, по сути, сам поднял. Он не считал себя правомочным выполнять обязанности партийного руководителя, пока хоть тень подозрения будет над ним. «У металлургических печей всегда светло, я хочу быть сейчас у людей на виду»,— сказал он. А то ведь предлагали идти директором завода «Вторчермет», доцентом в родной металлургический институт, где незадолго перед тем он блестяще защитил кандидатскую диссертацию, имеющую, по единодушным отзывам специалистов, большое практическое значение. Опять, как в молодости, избрал Владимир Петрович нестандартное, нелегкое, но единственно приемлемое для него решение, ибо, объяснял мне, горячась, «не мог, не вправе был отступить на удобные запасные позиции».

В детстве, до войны еще, бесстрашно пробовал он одолеть полуторакилометровую ширину Днепра и не успокоился, пока не добился своего (не раз обессиленного втаскивали его на середине реки в лодку рыбаки). Упорно копил спортивные разряды, стокилограммовой штангой и круглогодичными утренними заплывами в Днепре перемогая усталость «сплошной лихорадки буден» комсомольской, затем партийной работы. Все это пригодилось ему в Хельсинки, на Всемирном фестивале молодежи и студентов — там плечом к плечу с другими советскими делегатами давал Владимир Ошко спокойный и внушительный отпор фашиствующим молодчикам. Все это помогло выстоять у мартена: тогда, молодым, с поврежденной авральной загрузкой печи спиной и отказом перейти на более легкую и притом вышеоплачиваемую работу в цехе подготовки, а особенно теперь, когда и спина, и возраст, и — главное — десятилетия кабинетной работы, ох, как дали себя знать!

Не мне и не здесь, пожалуй, оценивать его партийную работу, но реакция коллектива цеха, дружно поднявшегося на защиту Ошко, весьма показательна. Я читал протоколы того нашумевшего партсобрания, копии обращений сталеваров за десятками подписей в обком, ЦК Компартии Украины, в «Правду» с просьбой разобраться, взвесить, понять.

У парторга цеха, схлопотавшего тогда выговор за самочинное партсобрание в защиту Ошко, я спросил с глазу на глаз, что лично он думает о бывшем первом секретаре горкома. «Владимир Петрович для меня был и остается примером настоящего коммуниста»,— без колебаний произнес наказанный парторг. Сход-

ПУТЬ К БЕЗЪЯДЕРНОМУ МИРУ

В МОСКВЕ ПРОХОДИЛ VII КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ «ВРАЧИ МИРА ЗА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ»

Всякая война с точки зрения медика — это болезни, эпидемии, страдания и горе. С мыслями о том, как предотвратить расползание страшной и непоправимой ядерной эпидемии, собрались в Москве медики из более чем 50 стран мира. Верные клятве Гиппократа, врачи открыто предупреждают о нависшей над миром угрозе.

— Мы собрались в Москве поговорить о новом мышлении в ядерный век. Собственно, девизом нашего конгресса взяты слова Альберта Эйнштейна о том, что потребуется новая категория мышления, если человечество хочет выжить. Нельзя сохранить мир без доверия между людьми, между лидерами государств больших и малых, в конце концов без понимания того, что все люди очень похожи друг на друга! — говорил в интервью председатель советского комитета «Врачи за предотвращение ядерной войны» и председатель оргкомитета конгресса академик **М. И. КУЗИН.**

Предельно откровенным был диалог. Открытые дискуссии затронули практически все вопросы, волнующие не только врачей. И здесь хочу отметить особенность московского форума: помимо медиков в нем приняли участие учителя, социологи, преподаватели вузов и колледжей, психологи, писатели, религиозные деятели, космонавты, банкиры и артисты. Оправдала ли себя такая практика? Прошу ответить на вопрос литератора из Великобритании Николаса **ХАМФРИ**, который блестяще провел дискуссию по теме «Культура и гонка вооружений»:

— Медики помогают нам, очищают наш разум, но мыслить мы должны уже сами! В ближайшей перспективе предстоит разрушить образ врага даже в его метафизическом смысле, то есть когда военные прорабатывают «воображаемое нападение». Кажется, в романе Стейнбека «Гроздья гнева» есть слова о том, что, если хочешь заслужить чье-то уважение, дай ему возможность помочь тебе. Добро и благородство, обмены не только туристами, но и простыми людьми, сближение культур, знание языков — все это поможет нам...

Четыре дня работал форум. Более двух с половиной тысяч участников собрал он. Принятие заключительного документа «Во что мы верим» показало, что общая платформа найдена, идея о безъядерном мире реальна и, значит, медикам удалось довести до сознания мысль об участии каждого в борьбе за мир без войн, за дружбу и взаимопонимание.

Владимир **КОВАЛЕВ**,
фото Игоря **ГАВРИЛОВА**

ные мнения высказывали члены бригады Ошко, сменный мастер, рабочие других цехов. На заводе, где никому не спрятать свою истинную суть, в Ошко не сомневались.

Разговаривая о нем в Днепропетровске с различными людьми, я неоднократно слышал любопытную характеристику — «революционный романтик». Эти слова порядком девальвировались за последние годы и ныне обретают, должны обрести новый, глубокий смысл. Ведь в пору подлинно революционных перемен всех сфер нашей жизни без революционных романтиков нам не обойтись.

Конечно, наивно полагать, что не было промахов и упущений у человека, никогда не бегавшего от ответственности и много бравшего на себя. Имелись и издержки волевого стиля руководства, когда, например, прорабы получали нагоняи на планерках у первого секретаря горкома. Но было и другое. Обновляли как-то театр Шевченко и решили установить застекленные «фонари» в высоком потолке. Один из директоров заводов «сработал» эти самые фонари к сроку, и надо было мыслить, как Ошко, чтобы предложить, как это он сделал: «Давайте подарим сейчас букет жене, воспитавшей такого мужа!» И сам отвез пышный букет. Директор потом признавался, что запомнил этот букет больше всех прогрессивок и премий...

Набирающая темп перестройка требует от иных ответственных руководителей мужества при расставании со своими постами. Трагедии тут, в сущности, никакой нет. Должности, в том числе и партийные, у нас не закрепляются в «пожизненное владение». Человек деятельный, добросовестный всегда найдет себе применение. И все же утрата привычного положения для многих тяжела. Судьба Владимира Петровича Ошко являет пример иного рода.

Хочется в этой связи напомнить вот о чем. Развернувшуюся сегодня непримиримую борьбу с головотяпами, бюрократами и им подобной публикой кампанейщиной делать нельзя; противника надо одолевать, зная его и всякий раз стараясь, чтобы не были задеты люди честные; пусть ошибающиеся, но способные ошибку признать, не стремящиеся к личной выгоде ни в чем — прежде всего радеющие о пользе дела. И ненаказанный жулик, и несправедливо униженный честный человек — общая обида, допущенный сообща дефицит справедливости, который подлежит устранению.

Время наступает интересное, время поиска. В первых рядах были и есть добровольцы. Такие, как Ошко.

Перестройка создает среду, почву, климат для творческого роста людей. «Изучать людей, искать **умелых** работников. В этом суть теперь; все приказы и постановления — грязные бумажки без этого». Так писал в феврале 1922 года В. И. Ленин.

Вполне откровенно поведал мне Владимир Петрович о ряде своих «партизанских действий».

— Иногда приходилось и обойти кое-какие параграфы. И тут же объявлялись чиновники, будто специально подкараулившие тебя. Отвечать я не боялся... Есть, конечно, другой, более правильный путь: не обходить параграфы, которые мешают, а с каждым из них бороться. Это я тоже делал по мере сил. Но если всякий раз ждать, пока поднятый тобою общий вопрос решится в общем масштабе, конкретного дела не сделаешь...

Вот почему средства на строительство в Днепропетровске метро, столь необходимого далеко растянувшемуся вдоль реки городу, Владимир Петрович выбивал самолично, вплоть до Госплана СССР. И маститых московских метростроевцев чуть ли не на коленях уламывал. И экспериментальную установку по выплавке особо качественной нержавеющей стали на основе разработанного им метода внедрял не только на «Петровке», но и на остальных городских заводах-ветеранах, которым грозит сворачивание доменного производства.

Житейские блага? За годы «на верху» не нажил себе Ошко ни дачи, ни машины, ни арабских мебельных гарнитуров, конфискованных у его хулителей. Видел я, как живут они с женой, видел, как живет в малогабаритной двухкомнатной квартире семья их дочери. И зятя-горняка пристроил Владимир Петрович не в кабинет управления, а проходчиком в метро, приобщил, так сказать, к своему любимому детищу.

Таким он был всегда. И писал в дневнике:

«Я лично делю людей на две неравные группы. Одна, очень большая — активная. Она возводит дома, выращивает хлеб, пишет книги (хорошие), рискует жизнью, поднимаясь в космос. А другая, маленькая, если и трудится, то все равно не отдает того, что требует, и не только требует, а берет от Советской власти, из общего котла как можно больше... Пожиратели. Ненавижу.

Часто смотрю на груды старых ржавых машин, на погнутые колеса, отслужившие свой век детали. Когда гудит гудок, они, кажется, вздыхают, будто тоскуют по работе... Лом идет в печь, и рождается новая сталь, чтобы вернуть железу способность снова быть нужным.

Нужно всегда высказывать свое мнение. Это порой больно. Но это и честнее, чем сделки с совестью (если промолчишь). Говорить свои мысли прямо — это партийно».

На склоне лет мудрец Гете обронил созвучную нам сейчас мысль: «Мир идет к своей цели не так-то быстро, как мы думаем и как бы мы того хотели. Всюду возникают и противоборствуют некие демоны торможения...»

Долго еще будем мы все вместе крушить их, уходить от апробированных стереотипов, реконструировать собственную психологию. Ибо иного выхода у нас попросту нет. И потому особенно требуются перестройке люди самоотверженные и честные, которых надо находить и беречь. Кроме того, важно еще вот что. За судьбой Ошко, за другими схожими судьбами — разговор о человеческом факторе, о людях творимой сообща перестройки. Разговор о том, насколько важно понять, кто вредит общему делу, а кто делу необходим.

* * *

Накануне нашего отъезда из Днепропетровска Владимир Петрович пригласил нас с собой на день рождения к своей школьной учительнице, той самой Кате Чернете, которая тогда, после войны, будучи чуть старше голодных учеников ее шестого «Б», «непедагогично» позволила себе перейти с ними на «ты», подкармливала их вечерами дома последним куском хлеба и учила не только литературе, но и жизни. Они по-прежнему собираются у нее всем классом, не реже раза в месяц. Было в классе двадцать восемь человек, стало ныне сто двадцать восемь — жены, мужья, дети, внуки. И все дружат, все нежно заботятся о Екатерине Лаврентьевне.

Я украдкой наблюдал за теми, кто сумел прийти в это воскресенье в пригородный домик старой учительницы. Было тепло, весело. Гости вспоминали организованные Ошко совместные экскурсии в отпуска и на выходные, смотрели любительский фильм о своей последней поездке — в декабристскую Каменку. Владимир Петрович остался заводилой класса, и на его голос дружно поворачивались поседевшие головы школьных друзей и подруг. В конце вечера он взял гитару и спел, а затем предстал на импровизированной сцене в костюме пушкинского Алеко...

Расходились поздно. Владимир Петрович нес на руках уснувшую внучку. Жанна Павловна и зять Валерий пробовали забрать у него девочку, но тщетно.

Утром он улетал обратно в Киев и не знал, когда удастся вновь вырваться домой.

Днепропетровск — Москва.

ЧЕЙ ИНТЕРЕС НА ПЬЕДЕСТАЛЕ?

ВЗГЛЯД АВТОМОБИЛЕСТРОИТЕЛЕЙ ТОЛЬЯТТИ НА ПРОЕКТ ЗАКОНА О ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ

Уважаемые товарищи! Раскройте газеты за 14 марта. Вчитайтесь в волнующие неформальные строки Обращения Центрального Комитета нашей партии к советскому народу.

«Центральный Комитет обращается к мужеству СОВЕТСКОГО НАРОДА. Ломка закостенелых форм, методов, привычек дается нелегко. За перестройку надо бороться, перестройку надо защищать. Здесь нужны упорство, твердость, принципиальность. Требуется и характер и самоотверженность.

Не раз мужество, выдержка, стойкость советского народа ложились на чашу весов истории, принося победу. Партия уверена, что так будет и сейчас».

Жизнь требует, чтобы все советские люди проявили эти качества. От всех нас зависит, будет ли реализована перестройка или она пойдет вспять. Если мы не проявим мужество, упорство, принципиальность, победы не будет, будет поражение.

Ни один коммунист не должен быть в стороне от этой борьбы. Нельзя занимать выжидательную, нейтральную позицию. Историческая ответственность за судьбы 287 миллионов человек требует сознательной активности от каждого члена партии, и в первую очередь от тех, кто руководит трудовыми коллективами, занимает ответственные посты в партийных организациях, является депутатом или общественным деятелем.

Свою позицию в развернувшейся борьбе за перестройку по основным, принципиальным вопросам коммунист-руководитель должен определять не только интересами трудового коллектива, не региональными интересами, не интересами своего кресла, а прежде всего гражданскими, общенародными интересами. Выгодно ли обществу, не противопоставлены ли общенародным интересам эгоистические интересы отдельного коллектива — вот критерий поступков коммуниста-руководителя.

К сожалению, этим принципом руководствовались и руководствуются далеко не всегда. Это одна из причин затухания темпов экономического развития страны в течение длительного периода, чему все мы свидетели.

Работая на крупнейшем промышленном предприятии страны, мы оказались в эпицентре экономической жизни, и нам отчетливо видны аномалии и негативные явления в управлении народным хозяйством.

Мы считаем, что эти явления противоречат природе социалистического общества. Значит, нужно направить интеллектуальные усилия общества на поиск объективных, не подвластных нам законов. Развитие общества подошло к такому этапу, когда познание этих законов является объективной необходимостью. Новое должно родиться, и роды эти надо облегчить. Долг каждого из нас — определить и сформулировать условия, при которых может быть реализован скрытый пока интеллектуальный потенциал общества.

Всякие комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма, даже на самом высоком уровне, ничего результативного дать не могут, пока существует бесхозяйственный механизм, совершенствовать который бессмысленно. Многое надо создавать заново. И аргументов в окружающей нас жизни более чем достаточно. За последние десятилетия мы много раз пытались совершенствовать хозяйственный механизм, только чем больше вносилось иных «усовершенствований», тем хуже работала экономика.

Субъективные попытки найти выход из экономического тупика, преодолеть застойные явления при всем их благородстве обречены на неудачу именно из-за своей субъективности.

Примером таких неудач может служить проект Закона о государственном предприятии.

Нам совершенно ясно, что проект Закона во многом продолжит стимулирование приписок, ресурсоразбазаривание и интенсификацию затрат. Закон в предложенном виде будет тормозить внедрение новой техники и, главное, предоставит законные возможности беспрепятственного получения денежных купюр из Госбанка за имитацию трудовой деятельности. Закон будет направлен не на эффективное использование общенародной собственности и ее расширенное воспроизводство, а лишь на ее потребление, главным образом непроизводительное.

Закон не стимулирует создание прибавочного продукта, так как предприятие после перевода на самоокупаемость и самофинансирование имеет возможность методом махинаций (не преследуемых уголовным правом) получать значительную долю прибыли. Совершенно очевидно, что последствия функционирования несовершенного Закона приведут к еще большим негативным явлениям, чем это имеет место в настоящее время.

О возможных негативных последствиях в феврале—марте сего года нами были предупреждены редакции ведущих газет и Академия наук СССР. Никаких ответов не последовало. Полагаем, что многие критические замечания, особенно принципиального характера, противниками перестройки блокируются. И логика противников перестройки нам понятна — чем хуже, тем лучше.

17 апреля сего года на совещании в парткоме нашего автозавода было сказано о всех негативных последствиях одному из авторов проекта Закона, члену-корреспонденту Академии наук СССР тов. Лаптеву В. В., который приезжал в Тольятти. Тов. Лаптев ни одного довода опровергнуть не смог и только сказал, что научная мысль у нас действительно отстала.

Особо следует подчеркнуть, что коллективные интересы предприятий в проекте Закона противопоставлены общенародным в скрытой, завуалированной форме.

В проекте Закона права предприятий действительно расширяются. У предприятий перестают изымать в бюджет свободный остаток прибыли. Напротив, четко установленная доля с каждого рубля прибыли остается в распоряжении предприятий. Вводятся стабильные нормативы по фонду зарплаты и материальным ресурсам. Это, естественно, гарантировало позитивное отношение предприятий к такому документу.

А одобрение проекта Закона со стороны крупных, уважаемых предприятий не давало повода для сомнений. Но ведь предприятия рассматривали этот документ под углом зрения выгодности его предприятию. Анализировать проект Закона с гражданских, общенародных позиций от предприятий не требовали.

Рождение документа в таком виде, как нам кажется,—одно из следствий догматического мышления, поразившего наше общество. Типичным продуктом догматизма в реальной жизни является стереотип неизбежности окрика за собственное, не согласованное с вышестоящей инстанцией мнение.

Что касается нас, мы решились преодолеть этот стереотип и убедительно просим:

1) высказаться в поддержку приостановления утверждения Закона о государственном предприятии (и сделать это побыстрее);

2) поддержать наши усилия по созданию условий для неформального поиска и формулирования объективных экономических законов, по которым развивается наше общество.

Мы переживаем период, когда начала появляться возможность перехода действительно от громких, но пустых слов к реальному делу; когда можно пытаться преодолеть безразличие, апатию, формализм.

Мы не можем не использовать пусть робкие, но ростки активности наших людей, мы должны попробовать раскрыть истинные возможности нашего общества. Мы уверены, что в порядочности и активности людей заложена огромная созидательная сила.

Но из всех нас надо вытравливать примитивную, зачастую унижающую человеческое достоинство психологию давно дискредитировавших себя административных методов управления. И то, что для этого потребуется и мужество, и упорство, и принципиальность, несомненно.

С глубоким уважением
члены КПСС
Л. ГОЛЯС, зам. начальника производственного управления АвтоВАЗа; В. СМИРНОВ, начальник отдела методологии и организации хозрасчета АвтоВАЗа; Л. САНЫШЕВ, начальник управления Металлоснаб АвтоВАЗа; А. БОРИСОВ, зам. начальника управления технического развития АвтоВАЗа; В. СИВЯКОВ, зам. начальника транспортного управления АвтоВАЗа; А. СИГАЛАЕВ, зам. начальника управления по ремонту и обслуживанию оборудования АвтоВАЗа; Н. БЕЛАВИН, и. о. начальника управления технического развития АвтоВАЗа; Е. ДОКУТОВИЧ, зам. директора прессового производства АвтоВАЗа; П. ЧЕЧУШКИН, зам. директора металлургического производства АвтоВАЗа; Б. ГАВРИЛЕНКО, начальник чугунолитейного комплекса АвтоВАЗа.

P. S. Аналогичной точки зрения во время доверительных бесед придерживается преобладающее большинство наших коллег. Но, к сожалению, не решаются высказать ее публично, считая, что это принесет им или личные неприятности, или затруднит их работу, которой они преданы. Мы уважаем их нелегкий труд и с пониманием относимся к их опасениям.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вот пример, как будет действовать Закон, если он войдет в силу.

После утверждения Закона любая прибыль (и плановая, и сверхплановая) делится по заранее утвержденным долгосрочным нормативам на три части: заводу, министерству и бюджету. И чем больше общая сумма прибыли, тем больше достанется заводу.

Рост фонда зарплаты находится в прямой пропорции от роста товарной продукции (по заранее утвержденному долгосрочному нормативу).

Таким образом, Закон создает сильнейший стимул для борьбы за более высокую прибыль и за увеличение товарной продукции.

Как всем производственникам хорошо известно, и дополнительную прибыль, и дополнительную товарную продукцию можно получить двояким путем:

1) действительно напряженным трудом, 2) имитацией труда.

Существуют десятки способов законной имитации труда. Рассмотрим один из них: искусственную кооперацию. Предположим, машиностроительный завод выпускал какую-то специальную установку (например, термическую печь). Вот два варианта изготовления термической печи. Первый вариант — без дополнительной кооперации. Второй вариант — с искусственной дополнительной кооперацией.

Таблица 1 (в руб.)

Вариант	Наименование предприятия	Стоимость покупных	Себестоимость	Прибыль 10%	Оптовая цена
I.	Завод № 1 объединения А	15 000	50 000	5 000	55 000
II.	Завод № 1 объединения А	15 000	30 000	3 000	33 000
	Завод другого объединения	33 000	40 000	4 000	44 000
	Завод № 2 объединения А (или завод № 1 того же объединения А)	44 000	60 000	6 000	66 000

Таблица (основные экономические показатели) (в руб.)

Наименование	I вариант	II вариант	Разница (II вар. — I вар.)
Товарная продукция	55 000	143 000	88 000
Фонд зарплаты (при нормативе 50% от роста товарной продукции)	6 000	$6\,000 \times \frac{143}{55} \times 0{,}5 = 7\,800$	1 800
Прибыль	5 000	13 000	8 000
в т. ч. — заводам (50%)	2 500	6 500	4 000
— министерству (5%)	250	650	400
— бюджету (45%)	2 250	5 850	3 600

Во втором варианте (при наличии искусственной кооперации) за физическое изготовление одного и того же изделия Госбанку придется выдать дополнительно 1800 руб. по фонду зарплаты и 1200 руб. по фонду материального поощрения (при нормативе ФМП, например, 15% от всей прибыли $8000 \times 0{,}15 = 1200$ руб.).

Таким образом, сумма «законных» хищений денежных купюр из Госбанка составит $1800+1200=3000$ руб., что равно $\frac{3000}{6000} \times 100\% = 50\%$ первоначального фонда зарплаты.

Отраслевое министерство и Минфин против этой бессмысленной кооперации возражать не будут. Напротив, от этой антихозяйственной операции на их счетах суммы денежных средств возрастут на 400 и 3600 руб. соответственно. И это только от одного изделия, на одном заводе.

Из этого одного реального примера видно, что в бессмысленной кооперации и в соответственно лишних перевозках, а в конечном счете в обмане государства заинтересованы все: предприятия, отраслевые министерства и, наконец, министерства финансов.

Если проект Закона в потенции содержит возможность преступления, он по этой причине не имеет права на существование.

ОБСУДИМ?

Римма ЛИХАЧ

КОМНАТА + КОМНАТА = КВАРТИРА

В Москве тридцать два района. Город постоянно строится, люди выезжают из старых в новые дома. И в каждом районе после выезда нередко остаются незаселенными комнаты и даже квартиры...

Возникает идея — предложить исполкомам районных Советов столицы эксперимент: «плюс комната».

Сейчас много пишут об изыскании скрытых резервов. Но какая уж там скрытность в нашем «квартирном» случае? Пустые комнаты, квартиры на виду — глаза, можно сказать, мозолят. И мороки с ними хватает. А между тем это и есть резерв.

Райисполкомы, как правило, систематически недополучают полагающейся им новой площади. Особенный голод на трехкомнатные квартиры. Очередники ждут переселения в них по пять-шесть лет. А что, если вместо пассивного ожидания заняться обменом, выделяя для этого одну из осиротевших, за выездом комнату или однокомнатную квартиру, не заселенную тотчас из-за их малой комфортности. Разумеется, выделяя на конкретный срок, оформляя как смотровой ордер, и, конечно, если очередник согласен на это. Право просто ждать своей очереди за ним сохраняется.

Думается, подобная возможность заметно сократит ожидание новоселья. В городском бюро обмена в электронно-вычислительную машину заложено почти пятнадцать тысяч адресов, из коих люди хотят разъехаться. В Мосгорисполкоме числится более полутора тысяч пустующих комнат. Вот вам и «скрытые» возможности.

Я побывала в двух районах — Ленинском и Ленинградском. Может быть, мне просто повезло, но все, с кем я говорила, к предложению отнеслись заинтересованно. Правда, тут же ссылались на тех, кто тормозит пуск освободившейся жилплощади в оборот. Взять, например, ПЖРО, то есть производственно-жилищное ремонтное объединение. У него всегда не хватает рабочих, чтобы побыстрее привести в порядок квартиру, только что сданную жильцом, конечно, оплатившим ее ремонт. Комнаты «висят» за ремонтниками по нескольку месяцев!

А вот история моего собственного переезда. Мы уже сидели на узлах, когда к нам пришли муж с женой, получившие смотровой ордер. Наша бывшая квартира им глянулась. Тогда новоселы решили взять на сумму, внесенную нами, обои, краски и сделать ремонт сами. Хозяйка даже радовалась: выбрала обои по вкусу! Может быть, в ПЖРО в тот раз и нарушили какую-то инструкцию — и правильно сделали! Не пошли на поводу у бумаги. Действовали по обстоятельствам. Видимо, настало время вписать в соответствующий циркуляр: «По желанию заказчика ПЖРО имеет право...» и т. д. Дело быстрей пойдет!

Но как все же с «коммуналками» покончить?

Беседую с заместителем председателя Ленинского райисполкома Борисом Ивановичем Тюняевым. Впечатление — человек не обременен комплексом бюрократической значимости, точен в суждениях. Но сначала цифры: в районе 8600 очередников, на учете в бюро обмена 1500 заявлений. На вопрос, как он смотрит на возможность проведения эксперимента «плюс комната», Борис Иванович ответил:

— Предложение стоящее. Наш район в старой Москве, здесь в основном квартиры коммунальные. Хотя, честно говоря, боюсь. Выступите, и к нам повалят люди. А возможности у нас ограничены. Повторяю, старый жилой фонд...

— Вы сказали, что у вас есть девяносто две комнаты в обороте. Значит, что-то делаете?

— Например, освобождается комната в трехкомнатной коммуналке. Мы эту полупустую квартиру предлагаем бюро обмена включить в цепочку для «просто меняющихся», а не для очередников. При этом требуем, чтобы в результате обменных комбинаций нам вернули освободившиеся метры, но уже в виде отдельной квартиры.

— А если бюро обмена подключить к подбору квартир для очередников?

— Удобный вариант, он сулит немало выигрышных комбинаций. Но это не входит в обязанности работников бюро. Нужно их материально заинтересовать!..

Запомним это соображение и позже к нему вернемся.

— Для того чтобы вся освободившаяся жилплощадь не выпадала из поля зрения исполкома, считаю необходимым изменить систему учета. Сейчас мы регистрируем освободившиеся метры только в том случае, если человек получил новую квартиру от нас. Если же люди выезжают в кооперативную квартиру или в квартиру, предоставленную на работе, мы можем об этом и не узнать. Бывает, ДЭЗы прячут — особенно хорошую — квартиру, используют ее в своих интересах. А как бы надо? Выезжая, граждане должны прежде всего поставить в известность районный отдел учета и распределения жилплощади. И только получив, скажем, открепительный талон, что ли, оформлять выписку далее...

В отдел учета и распределения жилплощади Ленинградского райисполкома я шла с более радужными мыслями: там достаточно новостроек.

Начальник отдела — Владимир Игоревич Клоницкий. Разговаривать с ним было интересно, чувствовалось, что он человек смелый.

Цифры: на очереди 4822 семьи, не заселены 113 квартир! Но они распределены, а 35 — свободны. В прошлом году район получил 275 трехкомнатных квартир вместо 600. Около половины жилплощади добавилось за счет выезжающих очередников. В бюро обмена пять тысяч заявлений.

— Главная социальная проблема на сегодня — дать отдельную квартиру каждой семье. Что мы для этого делаем? Освобождается, например, одна комната в коммуналке, и оставшимся жильцам мы подбираем отдельные квартиры. Идем даже на превышение метража. Выделяем, скажем, одному человеку однокомнатную квартиру. Правда, из малокомфортного фонда. Люди все равно довольны! А мы убиваем двух зайцев — ликвидируем коммуналку и высвобождаем площадь для многодетной семьи. Таким образом в прошлом году мы изыскали десять четырехкомнатных квартир. А ведь практически мы такие не получаем...

— Как относятся к этому в Моссовете?

— На словах — за. Но как доходит до отчетности, тут меня вроде как на дыбу! Куда, мол, разбазарил пятьсот квадратных метров площади? А то, что мы ликвидировали коммуналки, обеспечив тем самым отдельными квартирами очередников, остается за гранью отчета. Сидишь и думаешь: как дальше-то поступать?.. Работать на отчет или для людей? Время настоятельно требует менять критерии оценки работы исполкомов. Необходимо пересмотреть многие устаревшие, консервативные положения...

В. И. Клоницкий так и поступает.

Действительно, надо признать: новому подходу мешает формализм. Пришла пора дать право райисполкомам распоряжаться всем жилищным фондом. Ограничение их самостоятельности из страха «как бы чего не вышло» делу не помогает.

Владимир Игоревич согласен:

— Получив право распоряжаться старым жилым фондом, эксперимент «плюс комната» можно развернуть широко, вплоть до высвобождения всех коммунальных квартир. Прежде всего необходимо подкрепить реальной финансовой заинтересованностью контору, которая будет этим заниматься.

Вот мы и вернулись к мысли Бориса Ивановича Тюняева о стимулировании работников.

Бюро обмена — хозрасчетная организация, а подбором вариантов для обмена пока в общем-то не занимается. Выполняет функции регистраторов, с того им и «капает» за то, чтобы поставить на учет, за выписку ордера.

А каково же мнение на все эти проблемы Управления учета и распределения жилплощади Мосгорисполкома?

В беседе с заместителем начальника управления Львом Николаевичем Матеровым на основной вопрос предложения «плюс комната» для обмена я ответа не получила. Такая идея здесь никогда не возникала и не рассматривалась.

Но, похоже, предпосылки вернуться к нашему разговору есть. Так, 15 мая этого года принято решение Мосгорисполкома за № 1209 «О состоянии и мерах по ускорению заселения жилплощади, освобождающейся за выбытием граждан». В нем много пунктов, перечислять кои нет смысла, это, как говорится, их ведомственные заботы. Но по части усиления контроля за сданной жильцом площадью в ДЭЗ, на слабость которого сетовал Б. И. Тюняев, могу сообщить: разработаны весьма жесткие меры. Так что лазейка — прикарманить квартирку для комбинаторов — закроется.

Далее: в Главмосжилуправлении создается единый финансово-лицевой счет для исполкомовского фонда. Все сведения об освободившейся жилплощади в городе будут поступать в электронно-вычислительную машину, и она станет выдавать распечатку данных для организаций, занимающихся заселением и эксплуатацией домов.

Вот тут-то можно вернуться к разговору о предоставлении исполкомам райсоветов прав полностью ведать распределением жилплощади. Равно как и право окончательного решения жилкомиссии также должно быть за ними. Это позволит им смелее проводить переселения и обмены. Вплоть до предполагаемого нами эксперимента «плюс комната!». Моссовету, полагаем, следует больше прислушиваться к требованиям и мнению райсоветов — это они осуществляют Советскую власть на местах.

Думается, видимо, пришла пора смелее вводить практику хозрасчетных отношений в жилищных делах, вплоть до перевода отделов учета и распределения жилплощади на хозрасчет.

Объем работы жилотделов увеличится? Так штаты и оклады не пересматривались более тридцати лет!.. Хозрасчет позволит увеличить штат, повысит материальную заинтересованность сотрудников. Мне рассказывали, что больше пяти лет работы там они не выдерживают. Представляете, что значит провести прием при теперешней остроте квартирных дел? Каждый приходит со своей трагедией. И плач, и гнев — все бывает. Вот люди и уходят с работы... А если привыкают, черствеют, тогда появляются время от времени взяточники — самое страшное...

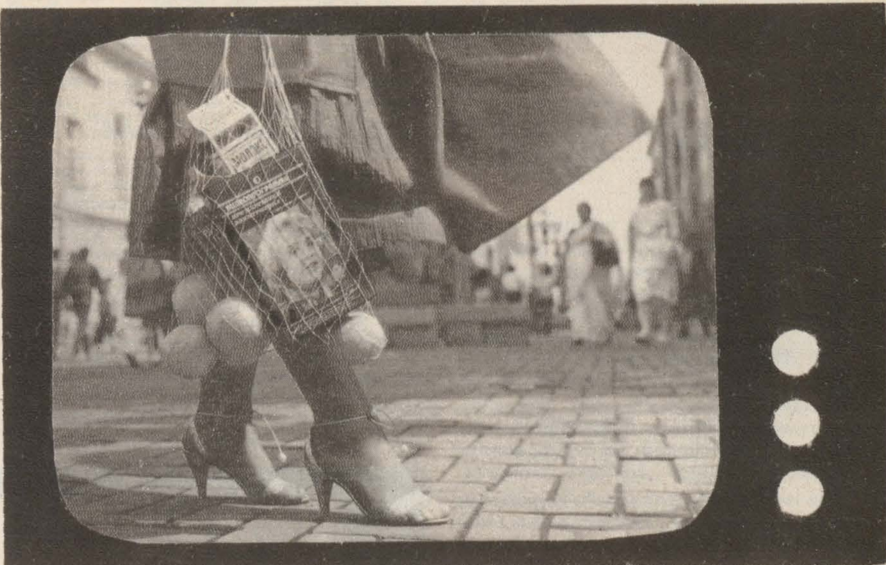
Да, настоятельно требуются перемены. Может быть, стоит пойти дальше — объединить отделы учета и распределения жилплощади с районными бюро обмена? Сконцентрировав тем самым все жилищные проблемы в одном месте. Кстати, в Киеве идет эксперимент: заинтересованные в перестройке дома или получении будущей стройплощадки министерства платят исполкомам по договору семьдесят пять рублей за отселение каждой семьи. Львиная доля денег поступает в госбюджет, а пять — десять процентов идет на поощрение работников, производивших сложную, кропотливую работу переселения. Не перенять ли этот опыт? Реорганизация назрела, и не столь уж сложная. Зато в выигрыше от нее будут и граждане, и государство.

Можно представить выгоду, если реализовать все, о чем говорилось выше. Пожалуй, немало очередников обретут отдельные квартиры. Сколько новоселий!

Сегодня проблема жилья — болевая точка не только на карте Москвы, ею болеют многие и многие наши большие города. Хозрасчет будет живительной нитью, которая поможет решить эту проблему.

Людмила ВАСИЛЬЕВА

ГДЕ ЭТО ВИДЕО?

В НОВЫХ БОТИНКАХ ПО СТАРЫМ СЛЕДАМ

Быстроногие москвичи замирают на Арбате по многим причинам. «Офонаревший», он действительно несколько ошарашивает. Но привыкают ко всему. Привыкли и к этим арбатским светильникам безвестной эпохи. Главное, что он остался на месте.

И вот в этой самой московской «мекке» есть совершенно современное заведение — видеосалон «Арбат», где можно взять домой (напрокат) кассету или посмотреть в небольшом зале ленту из фонда видеотеки и даже по собственному выбору небольшой компанией увидеть ленту здесь же, в «Арбате», в специальной кабине.

Поначалу картина рисуется весьма идиллическая. Любую ленту в любое время, хотите — в салоне, хотите — дома, ну и так далее. А на самом деле?

Феликс Иванович Перепелов, директор всесоюзного производственно-творческого объединения «Видеофильм», созданного в сентябре 1986 года, подтверждает, что и на самом деле так.

— Сейчас репертуар составляет свыше 600 лент: здесь и классика, исторические ленты, современные, детские... Среди самых последних поступлений в видеотеке — «Покаяние», «Плюмбум, или Опасная игра», «Крик дельфина», «Выкуп», «Новые амазонки», ну и еще ряд фильмов.

В планах нашей хозрасчетной организации — выпускать оригинальную продукцию. На киностудии Довженко сдан недавно первый кассетный фильм «Воспоминание». В ленту вошли отрывки из спектаклей театра на Таганке, проб к фильмам, записи концертов, любительские съемки — все, что удалось найти с участием Владимира Высоцкого. На протяжении всей ленты (80 минут) с экрана звучит его голос. В фильме говорят о Высоцком Вознесенский, Ахмадулина, Евтушенко, Рождественский, Окуджава, Камбурова.

Сейчас в работе двухсерийная лента — «Театр Михаила Жванецкого», с участием Р. Карцева и В. Ильченко, С. Юрского, других актеров. По сценарию Г. Боровика и В. Кузнецова готовится сериал о террористической деятельности ЦРУ. Снимается на видео рок-опера А. Градского «Стадион», посвященная известному чилийскому певцу Виктору Харе.

В программе выпусков — сериал «Театр Георгия Товстоногова», потом — «Страшная месть» по Н. Гоголю. Болельщиков футбола должна заинтересовать картина «В атаке Олег Блохин». В фильме «Барды наших дворов» примут участие юные и талантливые поэты.

Существует договоренность и о сотрудничестве с ТВ, которое предоставит 50 часов своих программ.

Здоровый оптимизм, который был вселен этим интервью, развевается в первой же видеотеке. Число копий — две-три, так что взять интересующий фильм не так-то просто. Но, к сожалению, и 600 названий — это, как оказывается, не так уж и много.

Сделаем небольшое отступление и вернемся в 1985 год. Всесоюзное объединение «Союзкинофонд» Госкино СССР — первое занявшееся созданием репертуара и популяризацией видео. Тогда пошли самым коротким путем — переводом фильмов на видео (поскольку к тому моменту видеофильма как такового не было вообще ни одного). И второе, что было сделано, и тоже очень важное,— открыты видеотеки в ряде городов. Уже к концу этого года их число должно подойти к шести десяткам, а потом откроют еще столько же. Предполагается и строительство видеосалонов с залами и кабинами. Там можно будет посмотреть фильм всей семьей или с друзьями. Зал на четыре, пятьдесят, сто мест. То есть почти как кинотеатр. А чтобы уж совсем все было понятно, то и фильмы там будут показывать те, что шли или идут (в крайнем случае будут идти) в кинотеатрах. Заманчиво? Ничуть!

Это типичная, запрограммированная ошибка кинопроката. Особенно для больших городов. Тем более что стоит проекционная аппаратура для больших экранов (до трех метров по диагонали) тоже не дешево. Но ее тем не менее покупают, равно как и планируют открытие таких залов. Где гарантия, что лента соберет хотя бы то число зрителей, которое даст возможность окупить перевод фильма на видео? Единственная гарантия — это любопытство зрителя. Да, он пойдет смотреть «Покаяние», «Легко ли быть молодым?». Но назовите хотя бы третий фильм, который сегодня заставит зрителя встать в очередь в кассу (разве что «Новые амазонки»). Этого, третьего фильма в прокате нет. И, как трезво оценивает ситуацию Союз кинематографистов, еще года два не будет.

Строительство подобного типа видеосалонов с большим экраном в районах Севера, в поселках, где работают вахтовым методом, тоже, как показывает практика, пока проблематично. На недавнем «круглом столе» по вопросам видео, который проводило Госкино РСФСР, начальник Управления кинофикации и кинопроката Госкино РСФСР В. В. Марков привел грустный пример: эта чуткая аппаратура не выдерживает перепадов температур, выходит из строя, и уже из-за одного этого видеосалон оказывается нерентабельным. Видимо, и там резоннее использовать обычный видеомагнитофон.

Но «обычный» видеомагнитофон ВМ-12—по сей день большая редкость. В том году их будет выпущено сорок тысяч штук, за пятилетку более полумиллиона. «Но нельзя же производить видео для тех, у кого нет видеомагнитофонов»,— не раз задавал вопрос Ф. И. Перепелов, директор «Видеофильма». Напряжение частично сняли—теперь видеомагнитофон можно купить по безналичному расчету, а кассеты «по безналичке» взять напрокат. Правда, удается это пока самым энергичным, да и то не всегда. Всего очень мало. В силу этих обстоятельств и амортизация видеофонда очень мала. А «Видеофильм»— организация хозрасчетная, и, естественно, она заинтересована в том, чтобы не только вернуть израсходованные деньги, но и начать приносить доход.

Все это придет, если будет увеличен видеофонд.

Что есть в кассетном фонде — ленты от Эйзенштейна до Бондарчука и сегодняшних дней. А скоро еще будет Далида, Леонтьев, в течение пятилетки появятся кассеты «Арсенала», «Автографа», Б. Окуджавы, Ю. Кима, А. Розенбаума. Но нет и в планах «Машины времени», «Алисы», нет видеоэквивалента журнала «Бурда».

Необходимо увеличение фонда за счет видеопрограмм, переводов спектаклей и фильмов на видео, более активного создания спецпрограмм — для школьников, спортсменов и т. д. Конечно, сыграет свою положительную роль и появление в видеотеках лент мирового кинематографа.

То, что мы абсолютно незнакомы с современным мировым кинематографом, рождает прибыльный промысел домашних платных показов. Причем смотрят там далеко не шедевры мирового кино. Чаще всего это типичная белиберда, которую можно отнести лишь к китчу, а не к искусству. Таким образом, создается конкуренция видеотекам и видеосалонам. Домашний показ пока пользуется и большим успехом, и большим доходом. И все меры пресечения привели к тому, что «домушники» лишь больше законспирировались и соответственно подняли цены. А зритель видеосалона как не видел фильмов Фасбиндера или Бертолуччи, так и не видит... И поскольку насыщение домашних видеотек идет разным путем, то и возникает вопрос: какие фильмы можно смотреть?

Ведь просмотр некоторых из них уголовно наказуем.

Советским законодательством предусмотрена уголовная ответственность за изготовление, распространение или рекламирование порнографических сочинений, печатных изданий, изображений или иных предметов порнографического характера (ст. 228 УК РСФСР), а также за изготовление, распространение, демонстрацию кино- и видеофильмов или иных произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости (ст. 228[1] УК РСФСР).

Для этого назначается экспертиза, в которую входят представители Всесоюзного научно-исследовательского института киноискусств, выявляя содержание в этих фильмах культа насилия и жестокости, и отделение сексопатологии Института психиатрии имени Ганнушкина Министерства здравоохранения РСФСР — наличие порнографии.

Но ведь, согласитесь, не с каждой же картиной бегать во ВНИИКИ или в Ганнушкина? Тем не менее эта проблема существует по сей день и не имеет конструктивного решения. Равно как и не существует каталога фильмов, где согласно советским законам были бы сделаны соответствующие примечания. Я полагаю, вы улыбаетесь; каталог с «клубничкой» сам по себе будет кое-кому интересен!

Словом, нужны хорошие фильмы...

Сложный, говорят, вопрос: западные прокатчики не все хотят продать, цены высоки и т. д. Но ведь и мы не все хотим смотреть, что покупают, так что «Совэкспортфильму» следует стать бескомпромисснее в своих поступках и оценках. Для этого достаточно приехать в любую видеотеку и послушать диалог, вполне реально оценивающий их работу.

— Что есть?

— Смотрите каталог, а списки новых на стене.

— Простите, а вот те фильмы, о которых писали в «Правде», что, их нет?

— Вы что, своим глазам не верите? У вас же каталог в руках!..

— Но это ветхий завет! К тому же здесь нет французского, итальянского, американского кино!

— Слушайте, вы не в Госкино, а в видеотеке. Понимаете — видеотеке. Вы же в библиотеку не приходите скандалить, что там нет Набокова! Ну и мне сцены нечего устраивать!

Они расстались на том, что он в третий раз взял сыну сборник мультиков. А чтобы он взял, если бы у него не было ребенка?..

Репертуар, мягко говоря, не манит, хотя для районов труднодоступных, где раньше не было и кинотеат-

ра,— это частично решает проблему. Но только частично. Потому что нельзя человеку показывать пол-яблока и уверять, что вторая половина невкусная...

Но это, так сказать, «факты из биографии» репертуара. Пусть они и не радостные, но подтверждающие, что «идет работа». Но так ли она идет и то ли делают, что нужно, не знает никто. Поскольку в данном случае повторяют схему западного видеорынка.

Социологи давно сказали, что основной кинозритель — это молодой человек, чаще все-таки девушка, в возрасте от 14 до 19—21 года. И вкусы у 14- и 20-летних весьма разные. Вряд ли стоит обманываться и предполагать, что кино- и видеозритель одинаков. Равно как и рассчитывать, что претензии к большому кино и к кассетному одинаковы. Но каковы они, насколько близки или различны, никто толком не знает. Все происходит на уровне интуиции, причем и то далеко не у всех. Да и темпы, которыми появляются видеофильмы, тоже не обнадеживают. Ведь аппаратуры для съемок видеофильма у нас практически нет. Для того чтобы создать видеофильм, снимают обычной техникой (а она тоже не «ах»!) и переводят затем на видео. В то время как снимать сразу специальной техникой примерно вдвое (!) дешевле, чем кинотехникой. Да и быстрее. Да и просто переводом всего кинофонда на видео проблему не решить. Необходима специальная студия, которая дала бы возможность сконцентрировать усилия, объединить аппаратуру, а заодно и подготовить специалистов.

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮЗИОН

Когда речь заходит о видео, то говорят, естественно, обо всем сразу: о кассетах, ценах, магнитофонах, «строгостях» и т. д. Потому что проблемы видео на сегодняшний день не решены. А те усилия, которые предпринимают «Видеофильм», и Минэлектронпром, и ряд других организаций, сродни усилиям пловцов, догоняющих океанский лайнер, и поэтому по крайней мере наивны.

...Чуть больше десяти лет назад известная японская фирма «Сони» предложила видеомагнифотон с кассетой «Бетамакс» и пленкой шириной около 13 мм. Год спустя другая фирма — «Виктор» — поступила аналогичным образом, с той коварной разницей, что кассета (названная «Ви-эйч-эс») ее видеомагнитофона была несколько шире. Это должно было привести к конкуренции и привело. Впрочем, наших зрителей перипетии этой войны мало касались. Наш «Электроника ВМ-12» появился много позже.

Пока мы решаем свои видеопроблемы, в Стране восходящего солнца решают свои. На «слете производителей» видеотехники 127 крупнейших компаний приняли решение перевести видеоленту на единый формат — 8 мм. Эта унификация позволит в несколько раз уменьшить размер кассеты да и сам видеомагнифотон. По оценкам специалистов, уже через пять лет этот формат станет основным. Возможно, всеобщий переход на новый формат и собьет цены на теперешнюю пленку (а мы ее закупаем, свою мы начнем производить лишь в 1995 году). Надеяться на это, конечно, заманчиво, как на всякое удешевление, но абсолютно бесперспективно, поскольку мы тем самым останемся в видеообозе. Шансов, что сможем конкурировать с японскими фирмами, пока нет никаких. Ни по качеству, ни по количеству.

Глубокомысленное молчание специалистов электронной промышленности обескураживает. Цена видеомагнитофона действительно велика, как ни крути. Но, видимо, можно найти вариант и выпускать приставку или найти иное техническое решение. Ведь не может быть, чтобы эта проблема не была разрешена на этом уровне. Она должна иметь свой исход!

Почему остается неодолимым барьер ведомственной обособленности? За производство видеомагнитофонов отвечает Минэлектронпром, кассетами нас обеспечивает (вернее, будет) Минхимпром, видеопрограммы дает ВПТО «Видеофильм» Госкино СССР.

Не исключено, что развитие видеоаппаратуры осложняется тем, что спрос населения на этот товар, несмотря ни на что, все еще находится в стадии формирования. Мы так мало знаем о модификациях «Электроники» и уж совсем ничего, чем конкретно отличаются модели. Да и как это возможно, если этих самых моделей попросту нет на прилавках. Соответственно невозможно и прогнозировать, сколько надо и каких именно моделей. Не случайно «Электронику» не считают массовой продукцией — высока цена, да и реализация не показательна.

То есть необходимы усилия всех заинтересованных лиц, чтобы дело обрело реальные очертания в оптимальные сроки. Молодые специалисты из Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению спроса населения на товары народного потребления и конъюнктуры торговли готовы принять в этом самое активное участие.

ПРОГНОЗ НА ЗАВТРА

Уж коль мы столкнулись с такой реальностью, то надо искать выход сегодня. Потому что завтра может быть просто поздно.

Резонный вопрос: как выйти из этого положения? На Кубе, например, создано что-то вроде клуба видеозрителей. Каждый, кто захочет воспользоваться видеофондом, должен сделать взнос в виде кассеты, которая поступает в общественное пользование. Таким образом, возник общенациональный кассетный фонд, который может составить конкуренцию частным коллекциям. Что же касается платы за видеозаписи по индивидуальным заявкам, то их делают в государственных студиях на кассетах заказчиков.

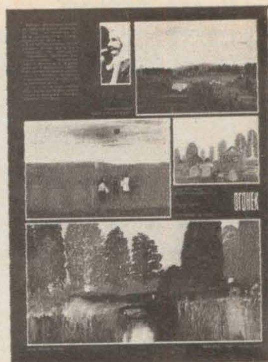
Практичный вариант, если учесть, какое количество кассет находится в домашних коллекциях.

И перезапись кассет, и платные домашние просмотры не кончились. Частники оказались скромнее, а потому незаметнее...

Победить их можно и нужно. Увеличив число видеомагнитофонов и создав богатый, яркий видеофонд. Это частично бы разрешило вопросы молодежного досуга. Видеомагнитофоны нужны в кафе, барах, дискотеках, на спортплощадках, в библиотеках, клубах и т. д. В больницах, наконец! Главный врач детской Филатовской больницы как-то сетовал, что необходимы специальные телевизионные передачи для больных малышей, особенно когда им приходится подолгу лежать прикованными к постели. Но нужна не телевизионная передача, а видеопрограмма. Это и дешевле, и удобнее всем.

...Но пока мы имеем то, что имеем. И благие призывы кажутся несколько неудобными на сегодняшний день. Поскольку еще Шота Руставели сказал: «Если действовать не будешь, ни к чему ума палата...»

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ТЕТЯ ЛЮБА

Владимир МОРОЗ

Летом 1984 года я жил на Волге. Уединился в деревенском доме на полгода и приводил в порядок свои дневники прошлых лет... И все-таки настал такой день в это лето, когда моя размеренная, тихая жизнь была нарушена: один местный житель сказал, что хочет повести меня к его давней знакомой, очень любимой им крестьянке. «Ей надо помочь. Купите что-нибудь из собранного, выращенного и сделанного ее руками. Если вы купите у нее грибы, поможете ей материально...»

Сначала мы ехали разбитым проселком до пристани Белый Городок, потом катером до причала Селищи.

Войдя в дом, я залюбовался. Крайне скромное жилище было ухожено. Я зову это «эстетическим порядком» (самое обыденное, непритязательное, даже убогое любовным отношением к нему волшебно преображается). Взгляд мой приковали стены, на которых висели небольшие картинки, некоторые в рамках, под стеклом, другие — просто приколотые булавками: «это я просто природу изобразила», «это домик моего отца», «это двор курочек», «это отдых задумчивых решений», «это вечная пара на прогулке», «это дом вдовы солдата, прощай». Я почувствовал, что передо мною художник. Чистый, с детской душой.

Когда я спросил тетю Любу, не отдаст ли она на каких-то условиях понравившиеся мне картины, она только спросила, зачем они мне. Я сказал: «Чтобы люди видели». «Тогда бери». Деньги тетя Люба взяла только за грибы — слышать ничего не хотела о плате за картины. «Смотри, рассержусь»,— грозила пальцем и топала ногой.

Я был отпущен («Ангел мой... ангел мой...») с двумя ведрами грибов, половиной (около 30) гуашей и с мыслью, что я сделаю все для тети Любы, чтобы она не остановилась в своем новом деле: привезу для нее все, что прежде всего нужно художнику, где бы он ни жил. Она же, видя мое замешательство, сказала: «Ничего, привезешь что-нибудь — вот мне молоко сухое надо, сахар — только не песок, а чтобы щипчиками колоть, чай. Только чего не надо — не вези, не приму».

Следующие несколько дней, перебирая отданные мне тетей Любой гуаши, ставя их по очереди под стекло, показывая их своим близким, я все больше убеждался, что вижу работы истинно народного, что в первую очередь означает — самостоятельного художника. Позже один художник скажет на выставке Майковой в Москве: «Оказывается, настоящие аристократы — это крестьяне».

Меня стала мучить мысль: почему я попросил не все, а только половину гуашей,— во-первых, они могут пропасть по случайности, во-вторых, так же легко, как мне, тетя Люба отдаст их другим, и тогда, возможно, никто не сможет увидеть их все вместе. Я увязал несколько грунтованных холстов на подрамниках, собрал кисти, льняное масло, растворители, лаки и двинулся к тете Любе.

Я не давал ей никаких наставлений, не объяснял, чем и как пользоваться. Ей как будто все было ясно.

Чтобы не вызывать ее гнева, я, наученный первой встречей, не стал предлагать плату за оставшиеся гуаши, которые, конечно же, она охотно мне отдала, но незаметно для нее положил деньги на потолочную стенку шкафа, а ей сказал об этом уже за калиткой (мол, оставил на жизнь).

Дальше? Привозил холсты, краски, время от времени кисти...

Осенью прошлого года завез ей машину дров на зиму. Принять их, не расплатившись, она наотрез отказалась: «Я этого не люблю».

Иной раз она забрасывала меня «ругательными» письмами — чего не еду забирать картины, мешают ей жить, то юбкой за них зацепится, то платком, в избу войти нельзя, урон ей нанес: не могла москвичку пустить на лето, все холстами завешано, жить не только двоим, одной нельзя.

Так и выходило. Приезжал за 10—15 холстами написанными, а ей привозил 10—15 чистых. За все наши встречи только раз или два она спросила меня: «Что нехорошо, скажи, ангел мой, может, что не так?» Я сказал, что все так. Любой свой совет я считал неуместным (и этот обет не вмешиваться в ее работу даже считаю своей главной заслугой). Бил родник, на который можно было только зачарованно смотреть...

В связи с этим не могу не сказать, что, как всегда при чем-то хорошем, бескорыстном, нашлись и здесь соблазнители — люди, не понимающие истоков истинного творчества, которое являет нам Майкова, и стали ее сбивать: мол, надо продавать картины как можно дороже. Получите за них много денег, то сможете и работника нанять: чтобы дрова колол, за водой ходил... И это совет крестьянке! Прожившей жизнь в труде и сохранившей благодаря этому в чистоте тот «родник», из которого так щедро изливалось ее искусство.

Теперь тетя Люба иной раз озадачивает меня: «Не буду рисовать, ни к чему это». В другой раз говорит: «Буду, увлекла меня живопись».

Искусство тети Любы и традиционно, и уникально. Как я уже сказал, она народный художник. Традиционность народного искусства в том, что оно выражается ясным, по-детски простым языком, кратко, открыто и вместе с тем говорит о самом важном в жизни. Традиционность его еще и в том, что оно скорописно (скорописью отмечено все народное, живописно-прикладное искусство, включая и позднюю иконопись). Уникальность же ее творчества в том, что народное искусство обычно почти целиком уходит в роспись, резьбу, вышивку, игрушку, а у Майковой оно вылилось в картину, так называемую станковую живопись, которую она создала сначала водяными красками на бумаге, потом масляными красками на картоне и холсте...

Отношение зрителя (а в столице уже прошло несколько выставок) к искусству тети Любы выражается поразительным единодушием: тетя Люба покорила москвичей.

К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
И. Н. КРАМСКОГО

«НЕ УСТУПАТЬ НИ ШАГУ ЗЛУ...»

«Крамского я не могу не уважать глубоко и как человека вообще и как учителя, принесшего мне громадную пользу и имевшего большое влияние в моем развитии».
И. Е. РЕПИН

«...Жизнь Крамского известна всем. Во-первых, есть его биография, во-вторых, есть его собственные записки, но я, как товарищ, не могу не вспомнить этого высоко трудолюбивого, дорогого человека, готового пожертвовать всем не только для успеха искусства, но и для блага кого бы то ни было из товарищей. Это был человек самопожертвования, несмотря на ограниченные средства и непрестанную работу (он нарисовал до 3000 голов). Это была непрерывная работа...»
Н. Н. ГЕ

«...Начиная с Иванова, творца «Явления Христа народу», и продолжая до настоящего времени, все наши истинно значительные художники постоянно давали самые несомненные доказательства того, что для них имеет значение не одна кисть, а и мысль, что их сильно интересуют и волнуют явления современной и прежней жизни, что искусство для них — не изящная какая-то каллиграфия, а истинное выражение глубоко тревожащего их чувства и мысли, что создания их — не результат одного только технического, благоприобретенного в школе уменья, а конечный вывод вдохновения, долгих сознательных дум, сомнений, взвешивания. Крамской принадлежит к числу таких художников. Вся его жизнь служит тому доказательством».
В. В. СТАСОВ

«...Вся деятельность Крамского сводится к призыву: «Вперед без оглядки» к жизни, подальше от мертвенных формул. В этом именно его великое значение, громадная его заслуга перед русским художеством, а за ним и вся заслуга наших художников шестидесятых и семидесятых годов. Их роль сводится к тому же: к окончательному и сознательному порешению с преданием, с рутинной школой, с формализмом, и, в то же время, к полному страсти и интереса стремлению к жизни».
А. Н. БЕНУА

«Крамской сделал все, что ему положено было. Сделал в размер своего дарования, всегда сдерживаемого сильным контролем необычайного ума. Он был столько же художник, как и общественный деятель. Роль его в создании Товарищества передвижных выставок была первенствующей. Очень требовательный к себе, он был гораздо снисходительнее к своим друзьям-художникам. Благородный, мудрый, с редким критическим даром, он был незаменим в товарищеской среде. Его руководящее начало чувствовалось во всем, что касалось славы и успеха Товарищества того времени».
М. В. НЕСТЕРОВ

И. Н. КРАМСКОЙ. Начало 60-х годов XIX века. Фото Михаила ТУЛИНОВА.

Известный русский фотограф-художник Михаил Борисович Тулинов неоднократно фотографировал своего земляка — Ивана Николаевича Крамского (некоторые фото сохранились до наших дней). Крамской же исполнил не менее двух портретов Тулинова (в 1867 и 1868 годах). Первый из них до 1941 года хранился в картинной галерее имени художника в Острогожске. Пропал он в дни Великой Отечественной войны. Второй портрет исчез очень давно. Пока что мы располагаем лишь фотокопией портрета 1867 года да наброском, который может быть подготовительным к портрету.

В 1887 году И. Н. Крамской скоропостижно скончался. В. В. Стасов обратился к Тулинову с просьбой написать воспоминания о друге-художнике. Просьба была немедленно выполнена. Красочно и лирично поведал Тулинов о молодости Крамского. Вскоре не стало и фотографа-художника. Его прекрасные снимки живут вместе с нами, напоминая об истоках нашего Отечества.

Валерий БЛЮМФЕЛЬД

Без Ивана Николаевича Крамского невозможно представить ни передвижнический реализм, обозначивший вершинные достижения русской живописи второй половины XIX века, ни — шире — всю демократическую художественную культуру России.

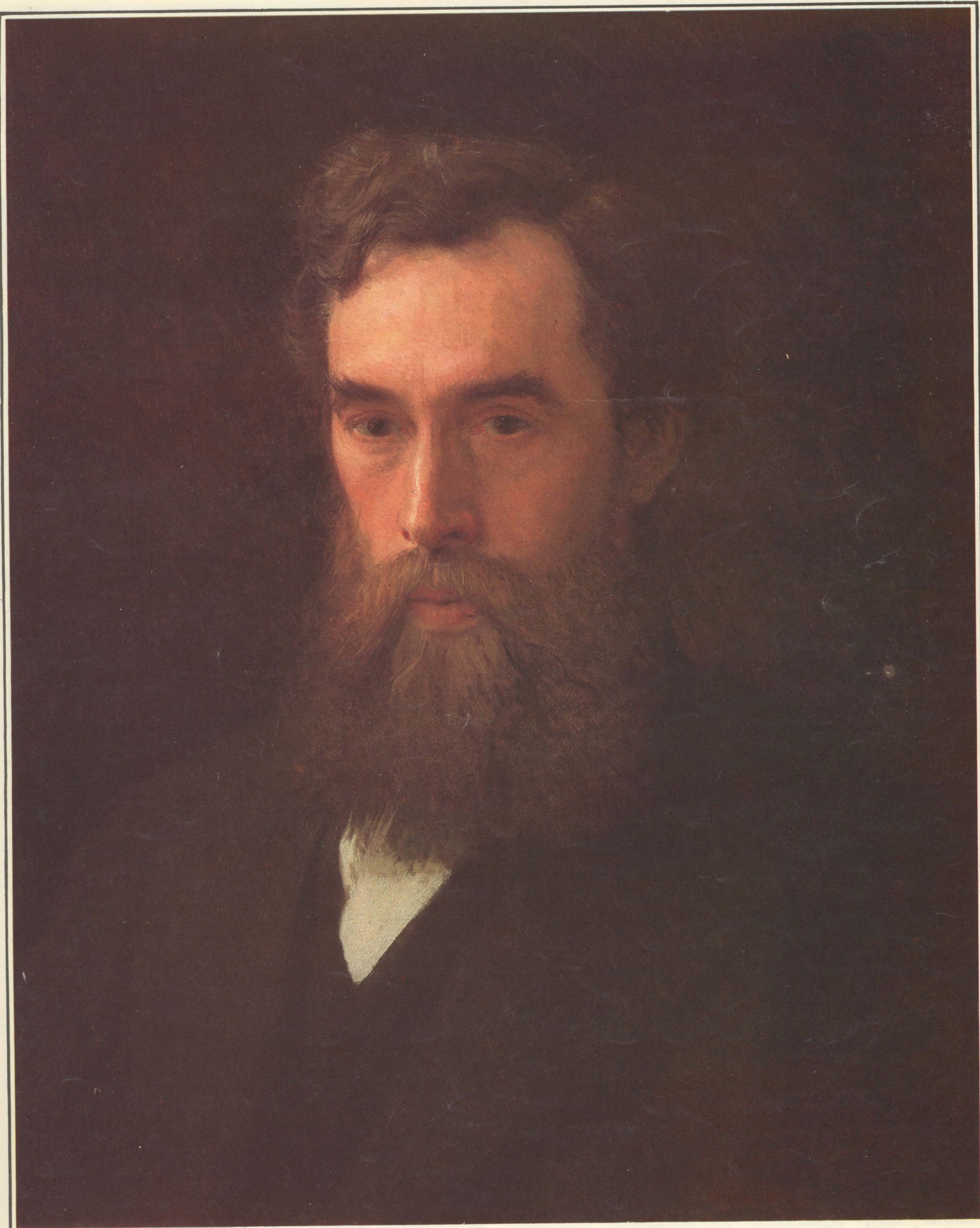
Крамской играл определяющую роль на всех этапах развития передовой русской живописи 1860—1870-х годов: и в момент исторического «бунта четырнадцати» протестантов против Академии художеств в 1863 году, и в создании знаменитой петербургской Артели — первой не зависимой от официальных кругов организации русских художников, и в учреждении Товарищества передвижных художественных выставок. По существу, Крамскому принадлежала выработка стратегии и тактики Товарищества. Он по праву был идейным лидером, совестью и мозгом передвижничества.

Сила интеллекта, редкий организаторский талант и темперамент прирожденного общественного деятеля, которым был наделен Крамской, дали основание некоторым из современников (затем эта мысль неоднократно повторялась историками) утверждать, что Крамской сделал более для искусства, чем в искусстве, что он был художественным деятелем по преимуществу.

Но чем глубже становится историческая перспектива, тем все более очевидно, что в развитии русского искусства Крамской — это особый творческий мир, самостоятельный художественный метод, собственный — в общих рамках передвижнического реализма — стиль.

Оправдание художественного творчества, по Крамскому,— в безбоязненном всматривании в человека, в раскрытии «глубоких драм человеческого сердца», что, по убеждению художника, «и есть действительное искусство в его настоящем значении и высший его род». Искусства, играющего жизнью и собственным мастерством, быть не должно. Оно внеэтично. Сформированный шестидесятыми годами, Крамской навсегда подчинил свое творчество тому, что называл «серьезными интересами» жизни.

По складу дарования Крамской был художником, чьи замыслы рождались в напряженной работе внутреннего зрения. Поэтому для него всегда с особой остротой стояла проблема адекватного живописного воплощения замысла. Он хотел выразить то, что видел, чувствовал, вне условных представлений о стиле. Для него «искусство до такой степени заключается в форме, что только от этой формы зависит и идея». Отчетливее, чем кто-либо из его соратников, Крамской понимал, что работа над формой есть прояснение содержания. На всех этапах пути замыслы художника ставили его перед необходимостью решения все новых живописных задач, порою далеко опережавших то, что могло быть достигнуто в рамках современной Крамскому эстетической системы. Нередко ему казалось, что он в тупике; его творческий путь на-

И. Н. КРАМСКОЙ. 1837—1887. ПОРТРЕТ П. М. ТРЕТЬЯКОВА. 1876.

НЕИЗВЕСТНАЯ. 1883.

сыщен ощущением катастрофичности, постоянным напряжением творческой воли.

Через всю жизнь Крамского прошла работа над портретом. Нередко она тяготила его, он чувствовал себя сосланным в поденщину заказной портретописи, загубившей, как ему казалось, его истинное и совсем иное предназначение. Но по природе своего дарования Крамской был истинным портретистом и при этом — особого склада. Его творческие усилия неизбежно и неизменно сосредоточивались (даже в самых обобщающих, отвлеченных замыслах) на передаче того, что он называл «выражением лица».

Своеобразие и самостоятельность Крамского-портретиста сказались уже в его самых ранних и, по сути, экспериментальных работах в технике соуса, первые из которых появились в 1860 году, когда он еще учился в Академии и рисовал своих друзей сначала на вечерах у себя дома, затем на еженедельных «четвергах» Артели. Возникшая в середине столетия эстетика фотографии должна была увлечь его отказом от идеализации, возможностью с максимальной зоркостью вглядываться в модель. Эти черты навсегда вошли в понимание Крамским художественной правды.

Тяга к обобщению — одно из органических свойств художественной личности Крамского. Свое призвание он видел в создании произведений, несущих в себе общечеловеческий смысл. Природу своих творческих побуждений сам он определял как стремление к «олицетворению абстракта», созданию некоего художественного «иероглифа», передающего важнейшие нравственные коллизии бытия. С этим связано настойчивое, не покидавшее Крамского на протяжении всей жизни тяготение к картине. Картина, понятая как воплощение общезначимой психологической ситуации, всегда оставалась для него наиболее высокой и внутренне необходимой творческой задачей.

Двадцатилетним юношей, впервые увидев «Явление Христа народу» Александра Иванова, потрясенный Крамской сформулировал для себя представление о том, чем может и должно быть искусство в его высшем проявлении: «...настоящему художнику предстоит громадный труд закричать миру громко, во всеуслышание все то, что скажет о нем (мире.— **Я. Б.**) история, поставить перед лицом людей зеркало, от которого бы сердце их забило тревогу...» Первым решением художественной задачи подобного масштаба стала для Крамского картина «Христос в пустыне» (1872).

Появление картины на 2-й Передвижной выставке в 1873 году вызвало долго не утихавшую полемику. Крамского неоднократно просили пояснить его произведение. Комментаторы Крамского чаще всего вспоминают его слова из письма-ответа В. М. Гаршину о том, что он хотел запечатлеть драматическую ситуацию нравственного выбора, тот неизбежный момент в жизни каждого человека, когда приходится решать — «пойти ли направо или налево, взять ли за господа бога рубль или не уступать ни шагу злу». Эти слова невозможно понимать прямолинейно. Для Христа, изображенного Крамским, колебаний и выбора не существует. Для него нет альтернативы, нет возможности отступления от своего трагического пути. Крамской пишет не столько момент сомнений, сколько собирание внутренних сил. Это картина о нравственной предопределенности человеческого существования, о том, чего стоит человеку жить по совести при абсолютной невозможности для него поступать иначе.

В 1870-е годы Крамской — ведущий русский портретист. Его искания связаны с общей логикой развития русского реализма, пришедшего к воссозданию динамики психологического процесса, к раскрытию «диалектики души».

Художник работает в различных жанрах портрета — от этюда до парадной композиции, но всегда ищет и ценит возможность прямого контакта с моделью. Крамской оставался равнодушен к нередко раздававшимся упрекам в однообразии и повторяемости его композиционных решений. Его внимание неизменно сосредоточено на лице модели. Погружаясь в сложность чужого существования, он вырабатывает живописный язык, способный передать сокровенные глубины ощущений. Через неуловимую игру светотени, мягкость пластики, «незаметность», по его выражению, рельефа, «волнующиеся и движущиеся линии и формы» он пытается воспроизвести подвижный мир человеческой души.

Своим стремительным взлетом в 1870-е годы Крамской-портретист во многом обязан П. М. Третьякову, с которым его связывала в эту пору духовная близость, общность эстетических и жизненных взглядов. Свидетельством того остался камерный, не предполагавшийся для публичного показа портрет основателя галереи, в котором за внешней замкнутостью, строгостью облика живет сердечное тепло и подлинная одухотворенность.

Лучшие из портретов Крамского 1870-х годов созданы в осуществление давнего масштабного замысла Третьякова, над которым в начале 1870-х годов работал В. Г. Перов, а в 1880-е — И. Е. Репин: создания портретной галереи выдающихся деятелей русской культуры, прежде всего писателей.

Центральным творением Крамского 1870-х годов явился портрет Л. Н. Тол-

Продолжение на вкл. 3—4.

ФИРМА «ВНЕДРЕНИЕ»

Александр МИХАЙЛОВСКИЙ

При слове «пэтэушники» зачастую возникает образ беспокойной стайки вчерашних восьмиклассников, не принятых в девятый за недостаточную успеваемость, дурное, по мнению учителей, поведение. Ребят, которые увлекаются «роком», «брейком», «степом», сыплют словами молодежного жаргона, поплевывают себе под ноги оттого, что недавно начали курить...

ЧУЖОГО ГОРЯ НЕ БЫВАЕТ

Алексей Глотов учился в московском среднем профессионально-техническом училище № 75 по довольно редкой специальности «художник — исполнитель оформительских работ». Когда поступал, возраст имел уже не легкомысленный — двадцать два. Рождение первой дочери совпало по времени с рождением идеи изобретения.

Слушали с другом Пашей Корчагиным сообщение о землетрясении в Мексике и тут же под впечатлением услышанного, перекрикивая и вырывая друг у друга карандаш, набросали эскиз медицинского лагеря быстрого развертывания из стандартных грузовых контейнеров, корпуса которых можно расставить в любой местности, стыкуя и комбинируя из них разнообразные помещения. Двери раздвигаются, образуя отверстия размером с проемы вагона метрополитена,— готова система комнат высотой в два с половиной метра и ровным полом. Лагерь составляется из контейнеров, как из кубиков.

Через некоторое время в лагере появились электростанция, котельная, склад медицинского оборудования, запас продуктов и материалов — все необходимое для жизнеобеспечения людей, вдруг потерявших кров. Система должна быть автономной и экологически чистой, решил Алексей.

В Доме науки, техники и передового опыта друзья потребовали немедленного внедрения изобретения, потому что другого такого лагеря на свете нет. На них смотрели как на невоспитанных мальчиков, показывали образец оформления авторского свидетельства и терпеливо объясняли, что надо провести патентный поиск.

— Крючкотворы! — не понимая мудреных слов, шумел Павел.— Там люди гибнут без медицинской помощи, страдают без крова, а вы в тепле бумажки перебираете!

Изобретателей вывели из учреждения и указали им в сторону Дома культуры медицинских работников, где проводит консультации патентовед.

— Принципиально нового здесь ничего нет, обычный промобразец,— повертел эскизы в руках консультант.— Не морочьте вы мне голову, парни, идите в свое ПТУ... Не хотите? Ну, дерзайте сами, дело ваше.

Тогда Корчагин взял телефонный справочник и принялся обзванивать организации, которые могут заинтересоваться разработками.

— Мы учащиеся московского ПТУ, которые сделали гениальное изобретение! — убеждал он.

Должностные лица улыбались, покоренные целеустремленностью и симпатичным сочетанием имени и фамилии «пэтэушника».

Во ВНИИ вагоностроения упорного изобретателя ждала удача.

— Приезжайте,—сказала начальник патентного отдела института Л. Лазовская,— дам вам нужные для работы каталоги.

Старший научный сотрудник того же института И. Барков провел патентный поиск, который подтвердил, что предлагаются принципиально новые решения. Игорь Васильевич научил оформлению заявок на изобретения, с ребятами занимался охотно; по тому, как быстро они впитывали науку, видел: знания нужны для конкретного дела.

Начальник управления внешних сношений Исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца В. Милюков заметил:

— Такого лагеря в мире еще не бывало. Успех вашего дела зависит лишь от того, хватит ли сил и упорства довести разработку до конца,— и помог записаться в Центральную научную медицинскую и Патентно-техническую библиотеки; руководитель Политехнической, посмотрев эскизы, сократила обычные формальности и разрешила заниматься, а в Государственную публичную научно-техническую без справки так и не допустили: «Идите отсюда, ребята, библиотека для серьезных людей».

Жили в жестоком цейтноте. Были разработаны оригинальный стыковочный узел, система тентов, ходовая часть, стала возможной вертикальная стыковка контейнеров, лагерь получил плавательный бассейн на базе тех же модулей-контейнеров...

Детально, с точностью до метра и получаса расписана процедура развертывания лагеря, ведения поисковых работ, транспортировки и направления потоков пострадавших, организации оказания первой помощи, дальнейшей госпитализации и лечения.

«Хвостов» в учебе у ребят не было, но пропусков набралось столько, что в отчетной ведомости они фигурировали как злостные прогульщики.

— Вот что, птицы высокого полета! Имейте в виду, падать больно будет,— предупредила их заместитель директора Л. Яценко на политаттестации за несколько недель до выпуска.

— Ты, Глотов, левша и цвет не так видишь. Сознайся, кто за вас работает,— говорил преподаватель рисования.

Но работали по-прежнему много. Одну за другой оформляли заявки на изобретения. Проект лагеря демонстрировался на международном семинаре по прогнозированию землетрясений и планированию мероприятий, направленных на смягчение их последствий, проходившем в Душанбе; чуть позже ребята выставили свою работу в Музее архитектуры в Москве.

Но...

— Корчагин — преступник и осужден,— сказала директор СПТУ № 75 И. Усачева.

Год назад Павел сцепился с дружинниками, заподозрившими его в «попытке познакомиться» с девушкой на улице. Спустя некоторое время они признали, что несколько погорячились, однако драться с дружинниками нельзя ни при каких обстоятельствах — это ясно. Суд назначил Корчагину наказание в виде лишения свободы сроком на два года условно.

— Хочется, чтобы этот инцидент не стал прецедентом,— пожелала на прощание судья.

...Они не ангелы, не пай-мальчики. Но почему-то именно в них чужая беда, чужая боль нашла отклик, задела.

— Павел, как изменились ваши взгляды за два года работы над изобретением и как изменились вы сами?

— Любил и люблю кино, дискотеку, рок-музыку. Вел себя очень раскованно. Пожалуй, слишком. Мне пришлось взглянуть на мир со скамьи подсудимых, я был виновен. Сильное впечатление произвело чтение приговора. Теперь не то чтобы только на зеленый свет хожу и на воду дую, но стал серьезнее, собраннее. Кроме того, работа требует сосредоточенности.

Нам много говорили о бесполезности нашей затеи и даже поругивали; не думайте, что нам это доставляло удовольствие. Считаем своим долгом довести разработку «до ума», добиться внедрения, потому что это нужно людям.

— Алексей, у «металлистов», «рокеров», «панков», «фанатов» стремление самоутвердиться, как и у вас...

— Их самоутверждение потребительское, за чужой счет; они ничего не создают. Я очень люблю синтез-музыку, но она для меня не является смыслом жизни. В нормальном человеке рано или поздно просыпается желание творить, создавать — утверждать себя таким путем. Как именно это происходит — не знаю. Знаю только, что молодым людям нужно доверять больше для того, чтобы они быстрее находили свое место в обществе, не оставались до двадцати пяти лет «мальчиками».

...Окончание дневных занятий в училище. Разбегайся, ребята, учебе на сегодня конец. Чем занимаемся, чем заполним часы досуга? Да мало ли, ведь живем-то раз...

Глотов и Корчагин идут вдвоем, что-то горячо обсуждают. Их работа продолжается.

От редакции:

Алексею Глотову и Павлу Корчагину вручены дипломы фирмы «Внедрение».

БОРЬБА ЗА ПРАВО ПИСАТЬ ПЛОХО

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Бенедикт САРНОВ

Как-то попалась мне в букинистическом магазине тоненькая ветхая книжечка. На желтовато-серой, выцветшей от времени, грубой бумажной обложке бледным, тоже, видать, потускневшим от времени шрифтом было оттиснуто: «К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе». Глянув в оглавление, я увидел, что это — стенограмма совещания, которое состоялось в Отделе печати ЦК РКП(б) 9 мая 1924 года. Дела, стало быть, давно минувших дней. И все-таки я решил эту книжицу купить: как-никак, профессия обязывает. Но едва только я раскрыл ее и начал читать, как мне сразу же стало ясно, что в руках у меня оказалась настоящая драгоценность. Я проглотил эту маленькую книжку, что называется, взахлеб — с живым, отнюдь не «историко-литературным» интересом, словно речь на этом давнем совещании шла о сегодняшнем, обжигающе злободневном.

Книжечка оказалась поразительная. Самое поразительное в ней было то, что за шестьдесят с лишним лет она ни капельки не устарела. И, боюсь, не скоро еще устареет.

Но прежде надо рассказать по порядку, что это было за совещание и чем оно было вызвано.

Группа писателей-попутчиков, как их тогда называли, обратилась в ЦК партии с жалобой на литераторов, группировавшихся вокруг журнала «На посту». Те буквально не давали этим самым попутчикам житья. Они ретиво и въедливо разоблачали их как чуждых пролетариату и новой революционной действительности. При этом свое мнение они довольно беззастенчиво выдавали за мнение Коммунистической партии.

Имена писателей, подписавших это письмо, сегодня известны каждому. Большинство из них составляет ныне славу и гордость нашей литературы. Достаточно сказать, что среди них были Сергей Есенин, Алексей Толстой, Михаил Зощенко, Осип Мандельштам, Максимилиан Волошин, Исаак Бабель, Михаил Пришвин, Борис Пильняк, Валентин Катаев, Николай Тихонов, Вениамин Каверин, Всеволод Иванов, Вячеслав Шишков, Вера Инбер, Мариэтта Шагинян, Ольга Форш.

Имена даже самых видных «напостовцев» решительно ничего не скажут современному читателю, они давно и прочно забыты: Г. Лелевич, И. Вардин, С. Родов... Но в то время это были люди известные. В шуточной поэме Багрицкого «Не Васька Шибанов», ходившей тогда по рукам, о них было сказано так:

Блистают средь грозных походов
Лелевич, и Вардин, и Родов!

В той же поэме говорилось, что «тройкой» этих отважных бойцов

В баталии остервенелой
Разгромлен Волошин, затравлен
Пильняк,
Булгаков, Ахматова, Белый.

Какую же цель ставили перед собой эти «отважные бойцы», занимаясь травлей лучших русских писателей?

Цель эта очень ясно выявилась на том самом совещании.

Из доклада И. Вардина:

«Нам нужна ком. ячейка. Нам нужна большевистская фракция в литературе. Такой ячейкой, такой коммунистической фракцией является группа пролетарских писателей. Говорят, что среди них нет гениев. Верно, нет гениев. Это еще молодая гвардия. Да и вообще было бы нелепо от класса, только что вышедшего из подполья, на другой день после гражданской войны требовать гениальных писателей. Но группа, на которую партия может опереться при проведении своей политики, такая группа существует. Такой группой является Всесоюзная Ассоциация Пролетарских Писателей (ВАПП)».

Из выступления С. Родова:

«Если бы мы здесь решили подходить к литературе только с той точки зрения, насколько то или иное произведение талантливо или неталантливо, нужно было бы собираться не здесь... Может быть, в Академии Художественных наук... Вопрос стоит совсем по-другому. Здесь дело идет о литературном движении класса. О литературном движении, которое уже началось... Мы считаем, что задача сегодняшнего совещания — хотя бы в первую очередь поставить вопрос о том, что партия во что бы то ни стало должна овладеть литературным движением рабочего класса, а уже остальные вопросы, вопросы литературно-художественной критики или какие-либо другие мелкие вопросы, которые мы можем разрешить на соответствующем совещании, такие вопросы следует поднимать лишь после окончательного разрешения основного вопроса».

Если перевести все это на обыкновенный человеческий язык, получится примерно следующее:

— Да, мы, пролетарские писатели, и по части таланта, и по части мастерства уступаем писателям-попутчикам, прошедшим отличную литературную школу. Но зато свое право писать хуже, чем они, мы выстрадали, во-первых, своим пролетарским происхождением, во-вторых, своей идейностью, чистотой и непогрешимостью своих истинно пролетарских взглядов. Поэтому партия должна закрепить за нами это право, осуществляя руководство литературой *ч е р е з н а с*. А еще лучше — предоставив это руководство *н е п о с р е д с т в е н н о н а м*.

Несмотря на то, что сторонники этих взглядов составляли в ту пору явное большинство и были очень активны, поддержки они на том совещании не получили. Руководители Коммунистической партии о настойчивых притязаниях вапповцев отзывались в общем-то иронически. Приведу только несколько строк из выступления А. В. Луначарского.

«Нельзя ставить вопроса о литературной политике,— говорил Анатолий Васильевич,— не считаясь с особыми законами художества. Иначе мы, действительно, можем уложить неуклюжими политическими мероприятиями всю литературу в гроб, и притом в евангельский повапленный гроб, произведя это последнее слово от выражения ВАПП. В самом деле, не ясно ли каждому с первого подхода, что произведение искусства политическое, не обладающее, однако, художественными достоинствами, совершенно абсурдно...

Но поверните вопрос обратно. Перед нами произведение художественно гениальное, но политически неудовлетворительное. Допустим на минуту, что писатель калибра Толсто-

го или Достоевского в наше время написал гениальный роман, политически нам чуждый. Я понимаю, конечно, что условия борьбы, в случае полной контрреволюционности такого романа, могли бы заставить нас, скрепя сердце, задушить его, но это было бы очень жаль. Если же контрреволюционности такой не было бы, а был бы только не совсем приятный уклон или, скажем, аполитицизм, то мы, конечно, должны были бы дать жить такому роману».

Короче говоря, было решено дать писателям-попутчикам возможность жить и работать. А писателям «идейно непогрешимым», но художественно несостоятельным в праве писать плохо было вроде бы отказано.

Но они не унимались. И продолжали бороться за это свое священное право. И не без успеха. Пока, наконец, 23 апреля 1932 года не было принято постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». В постановлении этом ЦК признал необходимым ликвидировать Ассоциации пролетарских писателей (АПП) и другие литературные группы и объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти, в единый Союз советских писателей. А еще два года спустя состоялся Первый Всесоюзный съезд советских писателей, на котором было торжественно объявлено, что не будет больше никаких «попутчиков» и «пролетарских», не будет больше деления на законных и незаконных, кровных сынов и пасынков — все советские писатели отныне родные дети единой советской литературы.

Писатель Леонид Соболев начал свою речь на съезде словами, которые с тех пор не уставали повторять и цитировать.

«Партия и правительство,— сказал он,— дали советскому писателю решительно все. Они отняли у него только одно — право плохо писать».

Эти слова повторил в своей речи на съезде (22 августа 1934 года) А. М. Горький.

«К этому следует прибавить,—продолжил он,— что партия и правительство отнимают у нас и право командовать друг другом, предоставляя право учить друг друга. Учить — значит взаимно делиться опытом. Только это. Только это, и не больше этого».

Казалось, вопрос был исчерпан и снят с повестки дня.

Но борьба за право писать плохо, а также за право командовать (две эти претензии, как заметил проницательный Алексей Максимович, всегда выступают вместе, так сказать, единым фронтом) — эта борьба продолжалась и продолжается по сей день.

Любители командовать и командными постами защищать свое право плохо писать у нас никогда не переводились. И надо отдать им должное: они постепенно отвоевали себе это право. И без боя (а может быть, даже без настоящей войны, в которой будет еще много атак и арьергардных боев) это свое с таким трудом завоеванное право не отдадут.

Сейчас они, конечно, уже не высказываются с таким очаровательным простодушием, с каким это делали вапповцы и рапповцы. Те, как я уже говорил, не прочь были признать, что пишут плохо, гораздо хуже, чем писатели-попутчики. Нынешние в этом ни за что не признаются. Но система аргументации у них совершенно та же.

Борьба идет не только с живыми, но и с мертвыми. Несколько лет назад руководитель Московской писательской организации провозгласил с трибуны (речь эта была опубликована), что наши литературоведы слишком большое внимание уделяют таким писателям, как Булгаков, Цветаева, Бабель, Пастернак, Ахматова. Писатели и поэты эти действительно замечательные, говорил он, и мы правильно поступили, вернув их книги читателю. Но следует помнить, что они никогда не были колонновожатыми нашей литературы. Колонновожатыми (слово-то какое!) были Горький и Серафимович, Маяковский и Есенин, Фурманов и Фадеев...

Нелепость этого разделения не только в том, что писатели вообще не маршируют колоннами («Ди ерсте колонне марширт»). И даже не в том, что в число «колонновожатых» почему-то попал Есенин, которому при жизни да и после смерти тоже крепко доставалось от тогдашних руководителей литературы, авторитетно решавших, «кому быть живым и хвалимым, кто должен быть мертв и хулим».

Нелепость и даже злокачественность такого деления — в самом стремлении разделить писателей на овец и козлищ, «чистых» и «нечистых».

Конечно, деление это придумал не тот руководитель. Он лишь дал ему новое словесное (идеологическое) оформление.

Тем не менее, хоть и не оформленное словесно, деление такое подспудно существовало всегда. (Одно время бытовала даже такая формула: «Важен не талант, а направление таланта». Были в ходу и другие, совсем уж пикантные термины. Так, например, удостоенных чести называться самыми верными помощниками партии Н. С. Хрущев однажды назвал автоматчиками. Но это словечко надолго не прижилось.)

Как легко можно догадаться, это упорное стремление делить всех деятелей нашей культуры на «своих» и «чужих» — отнюдь не бескорыстно. Оно не бескорыстно уже само по себе. А еще и потому, что от такого деления только один шаг до создания официально принятой и утвержденной иерархии, своего рода литературной табели о рангах.

Вскоре после первого писательского съезда вышла в свет забавная книжица — «Парад бессмертных. Художественно-оптимистический альманах «Крокодила». Среди множества эпиграмм, пародий и фельетонов, из которых состоял этот сатирический альманах, было ироническое предложение ввести для писателей знаки различия в петлицах. Гость с разовым билетом — один кубик. Гость с постоянным билетом — три или четыре кубика. Делегат с совещательным голосом — одна шпала. Делегат с решающим — две шпалы. Член мандатной комиссии — три шпалы. Член редакционной комиссии—ромб. Член секретариата—два ромба. И т. д.

Тогда (в 1934 году) на эту тему еще шутили.

Сейчас об этом говорят уже не в шутку, а совершенно всерьез. Вот совсем уже недавно нам пришлось услышать горькую жалобу одного маститого писателя на критиков, которые имеют нахальство критиковать даже тех, кто носит Золотые Звезды Героев Социалистического Труда и высокие звания народных художников, артистов и проч. «Зря, что ли, нам давали эти высокие награды!»

Высокие награды давали, быть может, и не зря. (Хотя во времена, которые мы теперь называем периодом застоя, бывало всякое.) Но даже если исходить из того, что все награды были получены по заслугам, надо все-таки ясно понимать: награды даются за то, что человек совершил. То есть за прошлые его заслуги. Никакая награда не может быть защитой от критики на будущее.

Это относится ко всем сферам человеческой деятельности. Но к писателю, к художнику — в большей мере, чем к кому бы то ни было.

Вот небольшой отрывок из воспоминаний Юрия Олеши об Алексее Николаевиче Толстом:

«— Послушайте,—сказал Толстой,— когда я подхожу к столу, на котором лист бумаги, у меня такое ощущение, как будто я никогда ничего не писал; мне страшно — такое ощущение, как будто придется сесть писать впервые... Как я буду писать, думаю я, ведь я же не умею!..

Передо мной,— заключает это воспоминание Олеша,— время от времени встает такой образ (видеть который не мешало бы каждому молодому писателю): вот он, Алексей Толстой, подходит к белеющему листу бумаги — со своей трубкой в чуть отведенной в сторону руке, мигая и со сжатым ртом... Тревога на его лице! Почему тревога? Потому что он не уверен, умеет ли он писать!

Это он не уверен — Алексей Толстой, умевший создавать то, что история относит к чудесам литературы!»

Олеша не зря, конечно, говорит, что нарисованную его воображением картину не мешало бы видеть каждому молодому писателю. Но я думаю, что еще в большей степени ее не мешало бы держать перед своим мысленным взором каждому маститому, каждому увенчанному, каждому, кто удостоился громкой славы и высоких наград.

В известном смысле положение знаменитого, всенародно известного писателя (художника, артиста) гораздо труднее, чем положение молодого, начинающего. Ведь он должен каждой новой своей работой, каждым новым художественным свершением подтвердить свое право на славу, на громкое имя, на читательский (или зрительский) успех.

Один старый актер рассказывал мне, что в годы его юности молодых студентов театральных училищ пускали во время спектаклей Большого театра на сцену, за кулисы, откуда они могли слушать Шаляпина, Собинова и других корифеев тогдашней оперы. И вот однажды он своими ушами слышал, как Шаляпин перед выходом, прислушиваясь к овациям, доносящимся из зала, отчетливо пробормотал себе под нос:

— Погодите хлопать, черти! Может, еще и не спою!

Нельзя сказать, чтобы Шаляпин был так-таки уж совсем равнодушен к овациям и аплодисментам. Но он не хотел, чтобы аплодировали его имени. Он хотел, чтобы аплодировали его голосу, его артистическому дару, его художественному гению. А для этого (он прекрасно это понимал) есть только одно средство: всегда быть в форме, как говорят спортсмены.

Нынешним «корифеям» театра, литературы и кинематографа наивный страх Шаляпина, что он, может быть, еще и «не споет», вероятно, покажется кокетством. Или уж по меньшей мере дикой и странной причудой. Они не сомневаются, что аплодировать им будут всегда, независимо от того, «в голосе» они ныне или «не в голосе». По их мнению, только так и должно быть: коли награды эти даны им пожизненно, стало быть, и овации, и аплодисменты тоже полагаются им пожизненно. Так сказать, по чину.

Весьма красноречиво свидетельствует об этом такой случай, имевший место сравнительно недавно. Один писатель, обладающий самыми высокими литературными чинами и званиями, отдал в толстый журнал, в котором он, к слову сказать, всегда печатался, свой новый роман. Но в журнал этот пришел к тому времени новый редактор, и вопреки прочно установившейся традиции роман был писателю возвращен. Нет-нет! Роман не отвергли. Об этом не могло быть даже и речи! Просто вернули его автору, как говорят в таких случаях, «на доработку», сопроводив почтительным письмом, в котором излагались замечания и пожелания редакции.

Автор романа от такой «неслыханной наглости» был просто вне себя. О том, что ему и в голову не пришло подумать над замечаниями редакции, даже и говорить не приходится. Он немедленно отдал свое сочинение в другой журнал, где оно было, разумеется, принято с распростертыми объятиями. А журнал, посмевший вежливо отклонить его роман, он тотчас же публично объявил крамольным, сошедшим с единственно правильной, столбовой дороги и вступившим на опасный путь, грозящий нашей литературе неисчислимыми бедами.

История литературы знает случаи, когда даже гении вынуждены были уступать притязаниям редактора. (Достоевский по настоянию Каткова выкинул из «Бесов» главу «У Тихона», которой очень дорожил.) Спор и даже конфликт автора с редактором — дело естественное.

Само собой, автор может и не согласиться с суждением редактора. Может отстаивать свою правоту. Может даже, не сойдясь с редактором, отдать свое сочинение в другой печатный орган, где его лучше поняли и оценили. Все это в порядке вещей.

Но тут ведь совсем другое! Писатель, о котором идет речь, был оскорблен в лучших чувствах вовсе не потому, что замечания редакции показались ему неверными, не потому, что он был с редактором в чем-то несогласен. Просто он не привык к такому обращению. Все, что бы ни выходило из-под его пера, всегда «с колес» отправляли в типографию. И намекали при этом, что счастливы, что читатель с нетерпением ждет его нового шедевра. Естественно, что такое подобострастное отношение к его творчеству стало восприниматься им как некая постоянная, раз и навсегда полагающаяся ему привилегия. Полагающаяся, так сказать, по рангу. И немудрено, что покушение на эту привилегию подействовало на него, как потрясение всех основ.

«С писателем такого ранга так поступать нельзя!», «О писателе такого ранга говорить в таких выражениях непозволительно!» — все эти формулы прочно въелись в сознание наших литературных генералов. Кто пооткровеннее, говорит о золотых звездах и званиях. Кто поделикатнее, прибегает к другой терминологии. Вот, скажем, Какая-то (имярек) посмела сказать что-то непочтительное о Таком-то (имярек). А ведь Такой-то — совесть нашей литературы! Как же можно? Как посмела Какая-то так говорить о Таком-то!

По видимости это негодование звучит благороднее, чем охранительный пафос, призывающий не задевать критикой носителей золотых звезд и высоких званий. Но в основе его — все то же кастовое, ранговое мышление.

Ну, допустим, Такой-то — действительно «совесть нашей литературы» (хотя на этот счет могут быть разные мнения). Но даже и такое звание не дается писателю пожизненно. Каждой новой своей книгой подтверждать право на столь высокое звание — это, пожалуй, даже труднее, чем подтверждать свои права на звания героя или лауреата.

Николая Васильевича Гоголя тоже — и не без некоторых к тому оснований — называли совестью нашей литературы. Это, однако, не помешало Белинскому обозвать его «проповедником кнута, апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия, панегиристом татарских нравов».

Скажут: это же не кто-нибудь, а сам Белинский!

Но, во-первых, это для нас с вами Белинский — непререкаемый автори-

тет. (Да и то не во всем.) А во-вторых, старая формула «Что позволено Юпитеру...» — дескать, Белинскому можно, а другим нельзя,— это ведь тоже не что иное, как проявление все того же субординационного мышления.

Впрочем, если пример Белинского и Гоголя кажется не вполне убедительным, можно привести много других.

Лев Николаевич Толстой, как известно, тоже почитался совестью нашей литературы. Это не помешало, однако, Николаю Шелгунову назвать «Войну и мир» романом «социально вредным» и пожелать, чтобы имя автора такой книги было «вычеркнуто из списка».

«Мы не отрицаем в графе Толстом таланта для описания солдатских сцен,— писал Шелгунов,— но думаем, что мировая философия не его ума дело».

«Анну Каренину» Суворин назвал «ароматным представлением царства одеколона».

«...Сам Толстой,— писал он,— недалеко ушел от своих героев. В своем новом романе он продолжает вертеться с любовью все в том же «тюлево-ленто-кружевном» кругу, где «обыкновенно говорят всякий вздор».

Ткачев свою статью об «Анне Карениной», которую он выразительно озаглавил «Салонное художество», закончил таким выводом: «Гора родила мышь, да и не живую, а мертвую».

Нельзя сказать, что все эти обидные и несправедливые наскоки таки-таки уж совсем не огорчали Льва Николаевича. Вероятно, огорчали. (Хотя думаю, что больше всего огорчало его непонимание, а не развязная резкость тона.) Но как бы то ни было, ни самому Толстому, ни многочисленным его поклонникам даже в голову не приходило, что можно воззвать к властям предержащим или хотя бы даже к общественности, требуя оградить «совесть нашей литературы» от критических нападок, запретить критикам писать о Толстом в таком непотребном тоне.

Во времена Толстого понимали, что критика — любая, самая нелицеприятная, возможна в литературной жизни. У нас часто говорят, что критик должен выражать не свою личную точку зрения, а объективную, то есть как бы общепринятую. Но ведь эта самая общепринятая точка зрения может сложиться лишь в результате столкновения и даже борьбы разных точек зрения, индивидуальных, личных, субъективных, в том числе и несправедливых.

Дело ведь в общем-то простое: кто в себе уверен, не боится никакой критики. Он выдержит любые нападки, любые наскоки. Боится критики лишь тот, кто видит в ней посягательство на полагающиеся ему «по чину» почести, награды, овации. Иначе говоря, лишь тот, кто в глубине души опасается, что без соответствующих указаний и предписаний встречать и провожать овациями его, пожалуй, не станут...

Рассказывают, что все неприятности и беды, обрушившиеся вскоре после войны на Анну Ахматову, начались с того, что на вечере поэзии в клубе писателей при ее появлении зал встал.

Об этом рассказали Сталину. И он будто бы спросил:

— Кто организовал вставание?

Даже если история эта выдумана, следует признать, что выдумана она неплохо. Анекдот этот выражает самую суть созданной Сталиным общественной атмосферы. Вернее, атмосферы, в которой нет и не может быть никакой общественности, никакой общественной жизни.

Пора понять: эпоха организованных вставаний уходит в прошлое. Хочется надеяться, что навсегда.

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Я всегда считал, что поэзия — это открытие мира. И совершается оно в течение всей жизни. В поэзии ничего нельзя выдумать и в то же время невозможно скопировать жизненную правду. Поэтический мир существует как бы параллельно миру реальному, не противопоставляя себя ему. Природа родной мне Украины и России, самый воздух Киева, «матери городов русских», и воздух нашего «срединного града» Москвы — вот что мне кровно дорого, что составляет сущность моего «я». Это, собственно, есть мой Космос, проникновению в который я посвятил все свои книги, в том числе и книгу «Звездные сонеты», вышедшую в начале нашей космической эры с предисловием первого космонавта Земли — Ю. А. Гагарина.

ЛИЦА

Читаю лица, будто книги.
В них нет ни прозвищ, ни имен,
лишь отпечатки, складки, сдвиги
и наслоения времен.

В них — вековые тайны рода,
столетий изначальный код,
характер целого народа
в них неизменно предстает.

Отцов и матерей приметы
в их повторяются чертах,
как отраженные предметы
в двух сопряженных зеркалах.

И возникают вдруг, сверкая,
почти забывшиеся сны
откуда-то из зазеркалья,
из самой старой старины.

При этом кажется нередко:
в минувших бурях сохранен
язык родимый, говор предков
в самом лице запечатлен.

Читаю лица, будто книгу,
среди вседневной суеты
и в них разгадываю мигом
страницы зла и доброты.

Иные проплывают мимо,
не задевая чувств моих,
зато всегда лицо любимой
читаю, как любимый стих.

**В МОСКВЕ,
НА ЕСЕНИНСКОМ БУЛЬВАРЕ**

Однажды, в тихий час осенний,
в своем березовом краю
нас усадил Сергей Есенин
под светлой кроной на скамью.

Мы никогда не забывали
испытанных грозою дней,
а в те минуты на бульваре
они припомнились ясней.

Припомнились пути былые,
друзей ушедших голоса,
и, словно камушки морские,
увлажнены твои глаза...

Лилась поэта речь живая
размеренно и горячо,
и сам он, бронзой отливая,
шел с пиджачком через плечо.

Вся Русь, что в буре и пожаре
взметнулась к звездам от сохи,
читала на его бульваре
по памяти его стихи.

Кустарник шевелил губами,
слух навострили этажи...
Сказала ты: «Какая память!»
«Нет,— отвечал я,— это — жизнь!»

**Я СНОВА
В БЕРЕНДЕЕВЫХ ЛЕСАХ...**

Я снова в берендеевых лесах,
где раньше походил уже немало.
В лесных купавах тонет
каждый шаг,
в шатровых елях солнце
задремало.

Бывало, здесь я лыжи навострю
на раннюю студеную зарю
и поплыву дорожкой заревою.
Закутанное в теплые снега
томилось время, маялась пурга,
пока лыжня не проросла травою.

Знакомой стежкой прохожу опять.
Иная даль.
В ветвях — иные шумы.
Не чаял я, что буду здесь топтать
зеленую подкладку
белой шубы!

ГОРОД НА ДНЕПРЕ

Хорошо нам в безмолвной беседе
постоять на ажурном мосту,
но прогулку на велосипеде
я прогулкам иным предпочту.
Полети,
мое сердце,
к Подолу,
по кварталам со мной колеси,
где у храмов потуплены долу
светоносные очи Руси!
Там,
проведшей незримые веси
и невиданные города,
посох свой устремил в поднебесье
неподкупный
Сковорода.
От подножья Подольского спуска,
чтоб взглянуть за речной окоем,
по дорожкам кремнистым и узким
подымусь с двухколесным конем.
Будто сердце совсем не устало,
будто снова — мальчишечья прыть.
Хорошо бы теперь,
как бывало,
вновь «саженками»
Днепр переплыть!
По каким-то законам Вселенной,
их надежно и свято храня,
этот город всегда, неизменно
возвращает
в детство меня.

БЕРЕСТА

Дерев на Руси не исчислить,
береза светлей всех и чище.
Белеет в разлившейся сини
чистейшая прелесть России.
А что там слепит белизною
под маковкой резною?
Лепилась стена, как из воска,
стену покрывала известка,
суха и бела, как береста.
И, струги таща свои волоком,
волхвы уходили на Волхов.
Желтели под вереском кости,
пророчил Велес на бересте:
пусть души уйдут от ловитвы,
богам не нужны молитвы.
Богам нужна правда и совесть.
Как в полночь ни плакали б совы,
как Див ни сулил бы погибель,
не вымучить правду на дыбе.
Пусть храмы в обличии старом
блестят под лазурью льняною,—
они отливают недаром
березовой белизною.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Под сводом темной мастерской,
где книг и рукописей горы,
его сработаны рукой
и механизмы, и приборы.

А в монастырской тишине
его картина на стене
давно мазков последних просит.
Среди миланской суеты
он многих жителей черты
в альбом свой для нее заносит.
Как передать ему живей
игрою света и теней,
игрою легкой светотени
игру сомненья и страстей,
недоуменья и волнений?..

Под сводом темной мастерской,
где горы книг нависли круто,
изображен его рукой
воздушный купол парашюта
и крылья, рвущиеся ввысь,
опережающие годы...
А нам всего превыше — кисть,
создавшая лик Джоконды!

ВЕРА

Что-то дробно дожди зачастили
опять,
по-недоброму жаркие дни
затмевая.
Что-то ласточки начали низко
летать,
и скворцов незаметно растаяла
стая.
Даль во мгле. Но, как символы
веры моей,
и пески, и обрывы, и взгорья —
все те же.
Не уснула береза от сонных
дождей,
и осина свою не утратила свежесть.

И чем дольше с ее голубого ствола
смотрит черный зрачок
опустевшей скворечни,
тем возврат обновленья,
гнездовья, тепла
все отчетливей и неизбежней.

В редакцию пришло письмо. «Обращаемся к вам в связи с положением, создавшимся в музее А. Н. Скрябина. В течение многих десятилетий Москва обладала живым, действенным культурным центром — музыкальным музеем А. Н. Скрябина. С 1942 года его возглавляла Т. Г. Шаборкина, всю свою жизнь посвятившая творчеству Скрябина и его музею. Здесь же работали М. А. Скрябина, позднее И. И. Софроницкая. Каждый, кто входил в стены музея, попадал в неповторимую атмосферу творческого мира Скрябина; каждый посетитель, даже если он был один, сопровождался по экспозиции, для каждого звучала музыка. Каждый месяц проводились вечера и концерты. С 1963 года музей Скрябина находится в подчинении музея истории и реконструкции Москвы. Пока во главе его стояли люди, отдавшие ему десятки лет своей жизни, это подчинение не сказывалось отрицательно на жизни музея. Теперь, после кончины Т. Г. Шаборкиной, ухода на пенсию И. И. Софроницкой, положение резко изменилось. Над музеем нависла беда. Она пришла сюда вместе с новым директором, человеком, не имеющим никакого отношения к музыке, к творчеству Скрябина, не заинтересованным в скором открытии экспозиции для широкой публики, в продолжении сложившихся за десятилетия традиций. Остановилась научная работа...

Так дальше продолжаться не может. Однако авторитетные организации, и прежде всего руководство Музея истории и реконструкции Москвы, в чьем ведомстве находится музей А. Н. Скрябина, считают, очевидно, иначе, и эта позиция вызывает чувство неподдельной тревоги.

Нам кажется, что единственным разумным выходом из создавшейся критической ситуации может явиться передача музея А. Н. Скрябина в ведение Министерства культуры СССР и подчинение Центральному музею музыкальной культуры им. М. И. Глинки, тем более что этот вопрос уже поднимался».

С. Рихтер, Н. Дорлиак, Т. Николаева, С. Аверинцев, А. Михайлов, Е. Пастернак — всего 15 подписей.

ТИПИЧНЫЙ КОНФЛИКТ

Мы встретились в редакции с авторами письма. Была приглашена и Лидия Никитична Соловьева, директор Музея истории и реконструкции Москвы, в чьем ведомстве находится музей А. Н. Скрябина. Ничего не меняя в стенограмме, передаем разговор так, каким он был и каким остался на магнитофонной пленке.

Е. Б. Пастернак, научный сотрудник ИМЛИ АН СССР.

Разговор о судьбах скрябинского музея, который мы сегодня ведем, не прост. Опыт жизни подсказывает: мемориальные музеи, как живое олицетворение памяти о человеке, находятся в идеальном творческом состоянии до тех пор, пока ими занимается круг родственников. Когда же по естественным или неестественным причинам музей переходит в чужие руки, судьба такого музея часто становится угрожающей.

Т. П. Николаева, народная артистка СССР, профессор.

Даже в дни конкурса имени Чайковского в июне 1986 года музей не был открыт для членов жюри, участников, лауреатов и его гостей, съехавшихся со всех стран мира и со всех уголков нашей страны. Впервые за сорок лет в день рождения Скрябина двери музея остались закрытыми. Только что я вернулась из большой гастрольной поездки по маленькой Швейцарии, и мне рассказывали, что в Лозанне отныне будет регулярно проводиться конкурс имени Скрябина. Услышать это было и радостно и обидно, потому что в нашей родной Москве, в доме Скрябина жизнь остановилась...

И. М. Жуков, пианист, лауреат Международного конкурса имени М. Лонг — Ж. Тибо в Париже.

В этой истории прежде всего удивляет и поражает, что жизнь нас ничему не учит. Сколько же у всех нас перед глазами страшных примеров ломки того, что накапливалось десятилетиями и вошло в сокровищницу культуры как несомненное ее завоевание. Скрябинский музей никогда не был просто музеем, он всегда существовал как д о м Скрябина. Здесь витал особый дух. Здесь всегда царила совершенно неповторимая атмосфера. И вот приходит новый человек. Нет преемственности, нет желания сохранить то, что сохранялось десятилетиями. Все разрушено одним махом, без особых усилий...

Г. С. Кухарский, музыковед.

Можно вопрос? Лидия Никитична, по каким критериям в музей назначали директора? Что-нибудь с музыкой его связывает?

Л. Н. Соловьева, директор Музея истории и реконструкции Москвы.

Тамара Викторовна Рыбакова, директор скрябинского дома, работала в нашем головном музее и опыт музейной работы имеет. К сожалению, с подбором кадров вопрос не простой...

А. В. Михайлов, литературовед, кандидат искусствоведения.

С музеем произошла очевидная беда. Она произошла не на пустом месте и не вдруг. Она возникла не оттого, что одни люди постарели, а другие пришли им на смену. У нас на протяжении ряда лет воспитывался тип бюрократа-администратора, который был призван руководить всем на свете. Считалось, что для руководства в любой области нужны не знания, а некое абстрактное умение находить язык с начальством, командовать людьми, отдавать приказы и знать юридическую форму их составления. И совсем не требовалось знание дела — подумаешь, музей! А ведь музеи — это отечественные святыни. Необходимо восстановить художественный совет музея, который мог бы направлять всю его деятельность.

Л. Н. Соловьева.

Тамара Викторовна — прекрасный организатор, и она очень много сделала для того, чтобы реставрационные работы закончились в срок. Здесь сказали, что музей превратился в труп. Я не могу с этим согласиться. Действительно, в музее когда-то кипела жизнь, были концерты и многое другое. Но потом сложный период реставрации...

И. И. Софроницкая.

И в былые годы, Лидия Никитична, мы не раз проводили ремонт дома, но это не останавливало деятельность музея, жизнь продолжалась.

Л. Н. Соловьева.

Правильно. Мы считаем, что она и сейчас продолжается.

Г. С. Кухарский.

Простите, а в чем это выражается? (Пауза.)

О. И. Дворниченко, кандидат искусствоведения, зав. кафедрой режиссуры ВИПК Гостелерадио СССР.

Грустный у нас сегодня разговор. Я бы даже сказала — безнадежный...

Сейчас все ссылаются на то, что в музее идет реставрация. Но она, во-первых, могла быть проведена гораздо быстрее, чем это делалось, и не должна быть такой болезненной. Все зависит от того, как вести дело. Во-вторых, совсем недавно все мы видели большую передачу, посвященную скрябинскому музею. На экране ЦТ представляли полностью отреставрированные кабинет, столовую, зал. А ведь передача снималась давным-давно. Музей должен перейти в другие руки — таких мест не так много в Москве...

С. С. Аверинцев, литературовед и переводчик, доктор филологических наук.

Мне трудно говорить, к обвинительным речам я совершенно не привык, это не мое дело. Я думаю, что если бы для слов Александра Викторовича Михайлова, самих по себе простых и ясных, нужна была бы какая-то иллюстрация, удостоверяющая, что дело обстоит именно так, то ответ Лидии Никитичны был бы именно этой иллюстрацией, настолько идеально соответствующей тексту, что лучшего, кажется, и желать нельзя. Несколько человек говорят: мы всю жизнь этим живем, для нас это — дом, духовный приют, и вот сейчас у нас отнимают этот дом, не со зла, разумеется, хотя отсутствие у руководителя профессиональной компетентности чаще всего и есть зло. Кроме того, не может же руководитель иметь плохие отношения со всеми своими сотрудниками — иначе он не руководитель... Нам же говорят: а вот в анкете у этого руководителя то-то и то-то.

Теперь все очень удобно списывать на реставрацию. И то, что скрябинский музей к моменту, когда он снова в полном смысле становится музеем, перестает быть д о м о м, уже никого не волнует. А когда мы об этом говорим, нас просто не понимают. Между тем есть вещи, для которых не может быть объяснений. Чтобы в доме Скрябина не были отмечены 85-летие Софроницкого и 115-летие Скрябина — для этого не может быть объяснений. Потому что это не очередное мероприятие. Считать это очередным мероприятием — все равно, что считать знамя куском материи. Такой подход тоже мыслим, только люди живут иначе...

Л. Н. Соловьева.

Безусловно, товарищи говорили, что сейчас деятельность музея несколько свернута, на это есть объективные причины. Вряд ли найдется такой человек, который обладал бы теми талантами, которые были у Т. Г. Шаборкиной. Может быть, многим это не дано.

И все-таки я не согласна с тем выводом, что после ухода из жизни Т. Г. Шаборкиной музей изменил свое лицо. Мне кажется, что судить о музее в период реставрации нет оснований. Другое дело, что товарищи высказывают ряд предположений, которые, возможно, не лишены оснований. Да, Тамара Викторовна — не музыкант, но мы знаем такие случаи, когда в музыкальных музеях даже не музыканты были настолько преданы своему делу, что умели организовать работу так, как положено. И делать какие-то выводы сейчас еще рано...

ОТ РЕДАКЦИИ. Еще раз скажем: мы ничего не меняли в стенограмме, разве что чуть сократили ее, оставив самое главное. Пусть читатель сам делает выводы из разговора, который произошел в стенах «Огонька». Отметим только одно обстоятельство: перестройка требует от работников прежде всего компетентности и высокого профессионализма. На январском Пленуме ЦК КПСС шел разговор о том, что «перестройка, ускорение нашего движения основаны на объективных законах развития общества. Но, как во всяком общественном движении, роль субъективного, личностного момента и здесь достаточно велика. Влияние его может быть и положительным, и негативным. Поэтому крайне важно, чтобы процесс обновления, весьма чувствительно затрагивающий человеческие судьбы, был надежно защищен от рецидивов голого администрирования и механических подходов к делу».

Это впрямую относится и к жизни нашей культуры...

Разговор в «Огоньке» записал Николай АКСЕНОВ.

6 ИЮНЯ 1799 ГОДА РОДИЛСЯ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН. ЭТОТ ДЕНЬ СТАЛ ДЛЯ НАС НАВСЕГДА БОЛЬШИМ ПРАЗДНИКОМ.

Андрей ЧЕРНОВ

«СТРЕМЛЮСЬ ПРИВЫЧНОЮ МЕЧТОЮ...»

Статья, в свое время поразившая воображение специалистов, называлась «Пушкин и Невское взморье». Видимо, та, что до замужества звалась Анна Горенко, не один день бродила меж этих финских скал, прежде чем потом сделать почти автобиографический вывод: Пушкин искал могилу декабристов на Голодае.

14 июля 1826 года сюда были тайно вывезены из крепости тела пятерых казненных. Здесь за век до Ахматовой брела к могиле мужа вдова другого русского поэта — Наталья Михайловна Рылеева.

Еще в Михайловском Пушкин зашифровал: «У. о с. Р. П. М. К. Б. 24». Столетие назад пушкинисты прочитали это: «Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина 24 июля 1826 года».

В 1830 году из-под пера поэта появляются такие строки:

Когда порой воспоминанье
Грызет мне сердце в тишине,
И отдаленное страданье
Как тень опять бежит ко мне;

Стремлюсь привычною мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрою покрыт
И хладной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,
Здесь невод мокрый расстилает
И свой разводит он очаг.
Сюда погода волновая
Заносит утлый мой челнок...

Ахматова настаивала: поэт описал свое посещение Голодая.

Известно, что он разыскивал могилу Мазепы, в примечаниях к «Полтаве» словно оспорил тайные похороны пятерых повешенных: «Обезглавленные тела (...) были отданы родственникам и похоронены в Киевской лавре...»

Так было при Петре и Мазепе. Но не так при Николае Павловиче.

Над виселицами на черновиках «Полтавы» Пушкин пишет: «И я бы мог как шут...», а в стихах к Ушаковой: «Вы ж вздохнете ль обо мне, если буду я повешен?» (1827), как бы присоединяя себя к жертвам 14 декабря. А безымянная могила на Невском взморье должна была казаться ему почти собственной могилой: туда «погода волновая заносит утлый мой челнок»,— заключает Ахматова.

Ее мысль о пушкинском «присоединении» себя к тем пятерым нуждается, пожалуй, в развитии. У Жуковского в «Шильонском узнике» — Пушкин знал его наизусть — есть стих, зазвучавший после петропавловской казни как горькое пророчество: «Нас было шесть, пяти уж нет...»

Чуткий на реминисценцию поэт ответил на это «странное сближение»: «Нас было много на челне...»

Дата под «Арионом» записана тоже шифром. Лишь разгадав его, читаем: 16 июля 1827 года. Третий день после годовщины казни, второй после тайных полицейских их похорон.

Помилуйте, но зачем же шифр? Ведь не день в день!

Два года назад «Мысль» выпустила книгу историка Г. А. Невелева «Истина сильнее царя...». Невелев считает, что «Арион» связан с пушкинскими поисками на Голодае. Нет, историк не обратил внимания ни на тайнопись в графике даты, ни на скрытую цитату из Жуковского. Зато сумел прочесть французскую помету в другой рукописи: «14 июля 1826 Го(лодай)».

В невелевской книге есть спорные страницы, есть и догадки, поражающие своей очевидностью. Еще никто, скажем, так просто не объяснял, почему оборвались веревки, лично проверенные накануне казни самим генерал-губернатором: тот ведь репетировал казнь, кидая на этих самых веревках многопудовые мешки с песком. Но известно, что казнь была отложена, потому что невесть куда пропала перекладина виселицы. Кто украл перекладину, делает вывод Невелев, мог и подрезать пеньку в расчете на древний обычай миловать сорвавшихся.

Если Ахматова, говоря о том, что Рылеевой было известно место погребения мужа, ссылается на петербургское предание, Невелев цитирует два письма Миллера, друга К. Ф. Рылеева. Тот пишет вдове поэта: «Ровно через два месяца (здесь и далее разрядка моя.— **А. Ч.**) нужно сходить с дочерьми моими в известную Вам сторону, отслужить панихиду и вместо Вас там, на самом месте пролить слезу моления о успокоении души друга Вашего...» Это 13 мая 1827 года. А вот 3 июня: «Через **месяц и десять дней»** (...) пущусь с божией помощью на уединенный остров и принесу усерднейшую молитву о известном Вам лице...»

«Уединенный домик на Васильевском» — так называлась повесть, появившаяся под псевдонимом Тит Космократов в «Северных цветах на 1829 год». История ее такова.

Годом раньше Пушкин у Карамзиных сымпровизировал новеллу о влюбленном бесе. Литератор В. П. Титов после этого не смог заснуть, пока не записал пушкинскую повесть. Утром он разыскал поэта и убедил его выслушать записанное. Пушкин что-то отредактировал, и по настоятельной просьбе Дельвига «Уединенный домик...» в самом спешном порядке отправился в цензуру, чтобы вытеснить из уже готового альманаха другую статью.

Зачем это понадобилось Пушкину и Дельвигу?

Хотя обороты вроде «луна во вкусе Жуковского» позднее и позволили В. Ходасевичу включать эту новеллу в свод «петербургских повестей» Пушкина, стилистическим шедевром ее не назовешь.

Кроме одного места:

«Кому случалось гулять кругом всего Васильевского острова, тот, без сомнения, заметил, что разные концы его весьма мало похожи друг на друга. Возьмите южный берег, уставленный пышным рядом каменных огромных строений, и северную сторону, которая глядит на Петровский остров и вдается длинною косою в сонные воды залива. По мере приближения к этой оконечности каменные здания, редея, уступают место деревянным хижинам; между сими хижинами проглядывают пустыри; наконец, строение вовсе исчезает, и вы идете мимо ряда просторных огородов, который по левую сторону замыкается рощами; он приводит вас к последней возвышенности, украшенной одним или двумя сиротливыми домами и несколькими деревьями; ров, заросший высокою крапивой и репейником, отделяет возвышенность от вала, служащего оплотом от разлитий; а дальше лежит луг, вязкий, как болото, составляющий взморье. И летом печальны сии места пустынные, а еще более зимою, когда и луг, и море, и бор, осеняющий противоположные берега Петровского острова,— все погребено в седые сугробы, как будто в могилу».

В этом пассаже Анна Андреевна и узнала описание Голодая, а ныне острова Декабристов, отделенного от Васильевского речкой Смоленкой.

Пушкинские рукописи до сих пор не изданы полностью, хотя решение воспроизвести в печати рабочие тетради поэта было принято более полувека назад.
Перед вами разворот так называемой «третьей масонской тетради» Пушкина.
На левой странице карандашные зарисовки с натуры, сделанные летом 1827 года, и некий надгробный памятник.
На правой — тот же пейзаж с другой точки и в чистовом варианте.
Исследователь доказывает, что это пушкинский рисунок могилы казненных декабристов.

(Еще «странное сближенье»: Смоленка называлась некогда Черной речкой!)

Ради публикации пушкинского устного путеводителя к могиле повешенных, очевидно, и была так спешно сделана эта публикация. Так считала Ахматова, сопоставившая это описание еще и со строками «Медного всадника»:

Остров малый
На в з м о р ь е виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в в о с к р е с е н ь е
П у с т ы н н ы й о с т р о в...

«...и летом печальны сии места пустынные...» Похоже?

Значит, и бедного Евгения, на той же Сенатской угрожавшего Медному идолу государства, «похоронили ради бога» тут же, на Голодае. Прибавим: «чиновник» посещает печальный остров в своем челноке, то бишь в лодке, «в воскресенье».

Из интересующих нас лет годовщина казни приходится на воскресный день в том самом 1830 году, когда написаны строки «Сюда погода волнová заносит утлый мой челнок...». Помните отрывок «Когда порой воспоминанье...», где поэт стремится «привычною мечтою к студеным северным волнам...»?

Удивительно ли, что именно в 1830 году, в годовщину голодаевского погребения, Пушкин и впрямь «стремится» — выезжает из Москвы в Петербург? А осенью записывает эти строки в Болдине.

Но ведь и зашифрованная под «Арионом» дата указывает если не на воскресенье, то на субботу. Не потому ли, что гулять на Голодае в будний день 13 или 14 июля не могла позволить себе даже вдова казненного, как это следует из писем Миллера? Другое дело выходные, когда каждый чиновник позволил бы себе провести день на пленэре, за городом. Известно же, что место погребения долгое время охранялось нарядом солдат!

Кто же мог Пушкину указать это место?

Невелев называет и генерал-лейтенанта А. Я. Княжнина, женатого на подруге детства матери Пушкина, брата обер-полицмейстера столицы, и А. А. Жандра.

Брат Княжнина хоронил декабристов. Жандр рассказывал, что с неким приятелем ездил на Голодай. Приятель — это, видимо, живший у Жандра на квартире только что освобожденный из-под ареста Грибоедов. Но вот беда, на вопрос «Что же вы там нашли?» Жандр отвечал: «Ничего, кроме кустов, никаких следов могил, только тут какой-то солдатик шатался... Мы его расспрашивать не стали».

Что ж, и поступили весьма благоразумно: солдатик «шатался» не так, а по службе.

Значит, Жандр все-таки отпадает. Да и ниточка к обер-полицмейстеру через его брата, «женатого на подруге детства матери...», столь длинная и сложная, что даже не сразу разберешь, кто чей «приятель»...

Портрет Рылеева в черновой рукописи пятой главы «Евгения Онегина». Начало января 1826 года. Михайловское.

Правда, называет Невелев и Н. М. Рылееву. Впрочем, историк почему-то считает, что Пушкин мог с ней познакомиться лишь в 1829—1832 годах. Но как же тогда «Арион» и 16 июля 1827 года?

Если в 1827 году Пушкин с Рылеевой еще не был знаком, как могла она показать ему место на Голодае? И как могло в 1828 году появиться в рукописи «Уединенного домика...» описание этого места?

Видимо, так бывает: сделав одну небольшую ошибку, ты начинаешь противоречить сам себе и не замечаешь других, столь важных документов...

Геннадий Невелев внимательно изучил письма Пушкина и обратил внимание на письмо к А. А. Муханову. «Пришли мне план Петербурга!» — восклицает поэт в конце зимы 1827 года из Москвы.

Действительно, не затем же понадобился ему план, чтобы вспомнить, как расположен Невский! Только что Пушкин передал «Послание в Сибирь», расспрашивал очевидца о казни, рисовал декабристские профили и себя среди них...

Уже и до Москвы дошли слухи о Голодае, и план поэту необходим, тем более что Пушкин сам собирается проситься в Питер. Кажется, что в пушкинской переписке больше об этом обо всем ничего и нет, кроме реплики Муханову.

Да, в уцелевших письмах поэта — ничего. Зато т р и ж д ы имя Н. М. Рылеевой в письмах друзей к Пушкину!

Плетнев: «О выдаче 600 руб. вдове Кондрат.(ия) никогда ты мне не писал, и только в первый раз я это вижу в последнем твоем письме. След. эта статья не числится у меня ни в расходе, ни в долгу. Если ты заблагорассудишь что-нибудь приказать мне, то теперь начинай снова (после этого письма)» (2 января).

Ох, уж этот недогадливый Плетнев! Пушкин, видимо, даже не ответил, перепоручив дело другому корреспонденту. А меж тем приходит второе письмо Плетнева по тому же поводу:

«В последнем к тебе письме своем от 2 января 1827 года (которого, кажется, ты не получил) я объяснил, почему не мог (...) доставить 600 руб. вдове Кондр(атия)» (18 января).

В Академическом собрании между этими письмами — письмо Дельвига: «Рылеевой я из своего долга заплатил 600 рублей...»

Дельвиг оказался сообразительней.

А дело, конечно, щекотливое.

Рылеев и Бестужев выплатили Пушкину аванс за «Ночной разговор Татьяны с няней». Но отпечатанная «Звездочка» не была даже сброшюрована — грянуло 14 декабря.

Формально Пушкин должен издателям. Но просит отдать именно «вдове Кондратия». Значит, это не возвращение долга, а нечто другое. (Ведь Бестужев жив, хоть и на каторге!)

Кроме того, зачем затевать переписку о деньгах, которые с тебя не требуют, переписку столь неловкую в твоей ситуации: еще не известно, пустит ли тебя царь в Петербург? А если пустит — сам и отдай тогда, без лишних почтовых глаз!

План Петербурга и деньги за «Звездочку» — чем связано это, если не решением представиться по приезде Н. М. Рылеевой? Но сначала, конечно, деньги. Глупо же являться с чем-нибудь таким: «Наталья Михайловна! Вот 600 рублей вашего покойного мужа, проведите на его могилу, а то, говорят, вы одна знаете, где. Даже Жандр с Грибоедовым не нашли!..»

Дельвиг — единственный друг Пушкина, бывший другом Рылеева и уцелевший после восстания. Единственный, кто запросто, без лишних объяснений вернет «долг» по статье, не числящейся «ни в расходе, ни в долгу». А когда в начале лета 1827 года, напомнив о честном пушкинском слове «вести себя благородно и пристойно», Бенкендорф скрепя сердце впустит поэта в столицу, поэт поведет себя столь «благородно», что пройдет более века, прежде чем станет ясно: он был н а и х могиле!

Да и с «пристойностью» все в ажуре: знакомства с вдовой Кондратия не афишировал. «Арион» предал тиснению в «Литературной газете» анонимно, даже в рукописи дату зашифровал. К тому же на Голодай отправился не в годовщину — в ближайшую субботу, а накануне гулял с друзьями совсем на другом острове за городом. Да и на другой год свой путеводитель к декабристской могиле скрыл — все при помощи того же Дельвига! — в повести то ли титовской, то ли своей...

Только уши, точнее — к о г т и торчат.

«Пущусь с божией помощью на у е д и н е н н ы й о с т р о в и принесу усерднейшую молитву...» — 3 июня отправил Миллер это письмо Наталье Михайловне. И вторит эпистолярной строке название повести Титова — Пушкина, где проницательному читателю объясняется, к а к и м е н н о следует пуститься туда, где зимой «все п о г р е б е н о в седые сугробы, как будто в м о г и л у». Видимо, от Пушкина, друга мужа и Дельвига, у Натальи Михайловны тайн не было.

Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд
Равно священны пред тобою.

Нет, это не о себе, об адмирале Мордвинове. Стихи «Под хладом старости угрюмо угасал...» предположительно датируются 1826 годом. В комментарии каждый может прочесть, что Пуш-

кин хвалит адмирала за его записки, «касавшиеся вопросов финансового управления».

Теперь мы можем передатировать эти стихи 1827 годом. Не за финансовую честность воздает поэт сторицей адмиралу, голосовавшему против смертной казни декабристам. Вспомним и «вдовицы бедный лепт», и «Во глубине сибирских руд...»— и все стихотворение осветится иначе. Так вот почему «новый Долгорукий», вот какой «мощный труд» адмирал «один» поднял на рамена!..

Итак, догадка Ахматовой подтверждается. Более того, длинный жемчужный след пушкинского посещения «могилы праведников» тянется в 1827 году из стихотворения в стихотворение. Вот 15 августа о поэте, который:

К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикой и суровый,
И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

Это уже в Михайловском, отсюда и «дубровы». А с предпоследней строки через шесть лет он начнет «Медного всадника». И не пушкинский ли «бедный челн» мелькнет в видениях царя-революционера, тот «утлый челнок», воскресная лодка с «чиновником», которая пристанет сюда через век?

17 августа та же боль наполняет стихи «Близ мест, где царствует Венеция златая...». Только «ночной гребец» уже не смятенья, но «тихой музы полн»:

На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

Поразительно, что это — перевод. Так сквозь лиру иноязыкой музы поэт пропускает собственное страдание. Может, важно и то, что перевод этот из Андре Шенье.

Рылеев и Шенье. Оба поэты. Оба казнены за стихи и убеждения.

Да, к 1830 году Пушкин имел внутреннее право сказать: «Стремлюсь привычною мечтою к студеным северным волнам...».

Но вернемся к исследованию Г. Невелева. Анализируя пушкинские рисунки казни декабристов, он предположил, что где-то в тетрадях поэта может быть и рисунок их могилы.

Смею утверждать: да, такой рисунок есть. В той же самой «третьей масонской тетради» (подарок казначея ложи «Овидий» после закрытия ложи), лист № 28, всего за десять листов от изображения виселицы и стиха «И я бы мог как шут...».

Собственно, рисунков два, и занимают они весь разворот.

На левой странице поэт карандашом делает несколько набросков. На правой — чистовой вариант карандашом и пером: тот же камень, сломанное засохшее дерево, какой-то овраг и над ним гора, кусты и скала на гребне горы.

Самое странное тут — организация пространства. В свое время А. Эфрос описал правую страницу тремя словами: «обрыв, деревья, плетень». Эскизы на левой странице показывают, что изображено вполне конкретное место. Но разве такое бывает в природе? Разве может быть один берег оврага настолько выше другого? Ведь тогда бы вода потекла в другую сторону и по-иному размыла этот склон. Кажется даже, что на правой странице не одно, а два изображения. Но это не так.

Вернемся к устному «путеводителю» из «Уединенного домика...»:

«...Вы идете мимо ряда просторных огородов, который по левую сторону замыкается рощами; он приводит вас к последней возвышенности... ров, заросший высокою крапивой и репейником, отделяет возвышенность от вала...» Все это мы и видим на правом рисунке. Мы потому и не могли понять сначала, как устроено тут пространство и почему один берег настолько выше другого, что считали этот пейзаж природным. А он — рукотворный! Не овраг, а ров отделяет «возвышенность» (ближний к нам берег) от «вала». Причем это место, где вал заканчивается, то есть его левая оконечность. (Так же и под тем же углом сходит вниз и окончание кронверкского вала с виселицей на листе № 38.)

Заметим, что пейзажный рисунок с эскизами к нему — случай в графике поэта беспрецедентный. Никогда Пушкин столь тщательно и столь «фотографически» ничего не зарисовывал. Беспрецедентна и величина рисунка (30 на 22 см)! С полями это даже больше формата «Огонька», поэтому «один к одному» воспроизвести рисунок невозможно.

Итак, «монументальный» образец графики поэта, словно предназначенный для литографирования. А. Эфрос считает, что пейзаж проработан по карандашу теми же чернилами, что и заключительные строфы стихов «Сводня грустно за столом...». Это август или сентябрь того же 1827 года.

А теперь обратим внимание на камень. За ним — еще два: они хорошо видны на левой странице. Камень, похожий на череп животного, столь индивидуализирован, что это, пожалуй, можно даже назвать портретом камня. Из-под него, вне всякой природной логики, растет трава. Справа — буйная поросль, слева — склоненный ветром к земле побег кукушкиных слезок или какого-то злака.

По счастью, до нас дошли воспоминания М. Ф. Каменской, которую восьмилетней девочкой Н. М. Рылеева брала в 1826 году на могилу мужа: «...не утерпела несчастная женщина, чтобы своими руками не натаскать на ту землю, под которой лежало ее земное счастье, грудку простых булыжников и не утыкать их простыми травками и полевыми цветами... Для постороннего глаза эта грудка камешков была совсем незаметна, но мы с нею видели ее издалека и прямо шли на нее...»

Прошел год. К «грудке булыжников» приходит Пушкин и видит, что «простые травки» прижились. И рисует горький стебель до земли склоненных порывом «волновой погоды» кукушкиных слезок.

Так удивительным образом, даже в мелочах, совпадают этот рисунок, устный «путеводитель» из «Уединенного домика...» и воспоминания современницы. Совпадают до тождества: и вал, и ров, поросший крапивой и репейником, и «альпийская горка» над могилой, и кустарник... Но ведь и могильщик обер-полицмейстер Б. Я. Княжнин свидетельствует: «Я приказал вывезти мертвые тела из крепости на далекие скалистые берега Финского залива, выкопать одну большую яму в прибрежных лесных кустах и похоронить всех вместе, сравнявши с землею, чтобы не было и признака, где они похоронены». Да и А. А. Жандр говорит о «прибрежных кустах». И вот они на рисунке растут из рва и по валу.

Но и в «Когда порой воспоминанье....» есть черновая строка: «Кой-где растет кустарник тощий...» Действительно — «кой-где».

А сразу за камнем — обломанное дерево. По его изгибу нетрудно определить вектор розы ветров. В Питере обычный ветер — северный. На рисунке вся растительность гнется влево. Как же проходил вал? На плане 1737 года мы без труда отыщем это место: вал и ров были у основания косы и тянулись с севера на юг! Так и на рисунке: мы у южного окончания вала. (Но это значит, что вкупе с рисунком устный «путеводитель» позволяет и сейчас, когда местность неузнаваемо изменена, определить, где могила декабристов!)

И северный ветер действительно будет клонить зелень на рисунке влево, на юг.

Дерево обломано северным ветром. Но так и должно было произойти, ведь за деревом — ров, значит, корни шли лишь в одну сторону. А тут как раз и вырыли «одну большую яму». И дерево засохло. Вал с запада не защищал его от северного ветра, вот и была эта прибрежная сосна обломана по весне прямо под кроной. Даром, что запретил царь вдове поставить на могиле мужа даже простой крест. Природа словно сама отметила это место преломленным древом — кладбищенским символом насильственно прерванной жизни.

Оборвавшиеся веревки — преломленное дерево. Как жутко все сплетается тут в одно. Вал Кронверка и этот вал. И забор перед рвом, стилизованный поэтом под графику кладбищенских крестов. И вот Пушкин на левой странице тетрадного разворота, справа от центра листа, легким-легким штрихом рисует простой памятник — вертикальную плиту, чуть закругленную сверху. Памятник никак не связан с реальными набросками камня и вала. Это только мечта поэта. Материализуется она лишь через 99 лет: в 1926 году Василеостровский райисполком установит на предполагаемом месте захоронения декабристов обелиск. (Замечу, что, по моим предварительным расчетам на местности, он поставлен метров на 250—300 к юго-западу, ведь искали могилу декабристов почти вслепую, пользуясь устным преданием.)

Еще раз мысленно войдем в пространство рисунка.

«И ризу влажную мою сушу на солнце под скалою...»

А что, если и впрямь 16 июля 1827 года была гроза?

Вот ведь скала — прямо над нами. (И два ее наброска на левой странице.) Специалисты из Гидропроекта как дважды два объяснили мне, что водонапорный откос вала должен был укрепляться крупными камнями. Да и обер-полицмейстер говорит о «скалистых берегах». Что же, эта концовка «Ариона» — не просто метафора? И скала на левом окончании вала была именно такой, в колючем венце репейника? А ниже — сломанное дерево.

Но вот поэт снимает промокший плащ. Где его просушить? На дереве?

Господи, как наполнятся незримой плотью, как оживут и затрепещут подобием смертного балахона влажные эти ризы!..

Не это ли страшное видение — повод дважды начать в той же тетради «И я бы мог...»?

И еще. На левой странице (она впервые воспроизводится в печати) окончание стихов «Сводня грустно за столом...». Стихи эти не из тех, что включают в школьные издания. Но раз уж они здесь, давайте будем честными перед Пушкиным, сколь ни дико на первый взгляд такое «сближение» этого рисунка и этих стихов.

Некий завсегдатай борделя приходит и узнает от хозяйки, что «с Петрова дня ровно до субботы» заведение пустовало. В субботнюю ночь явились четверо гостей. Утром «не платя пошли все прочь». Тут Пушкин и ставит двойной крестик — знак оконченного стихотворения. А потом дописывает после пробела новую концовку: гость почему-то так расстроен услышанным, что, наговорив каждой из четырех девиц комплиментов, тотчас сбегает.

«Стихотворение не предназначено для печати». Хорошая помета комментаторов. Но ведь должен быть у стихов хоть какой-то смысл! В первой редакции это не назвать даже жанровой сценкой...

«От этих знатных господ покою нет и нашему брату тюремщику. Простых людей, слава богу, мы вешаем каждую пятницу...» — и так начинается драматический отрывок, написанный Пушкиным в преддверии десятой годовщины 14 декабря.

Лишь недавно исследовательница Елена Дьякова объяснила скрытый смысл этой сценки, где к ожидающему казни «графу Конраду» на последнее свидание приходят жена и дочь.

Дело в том, что Конрадом звали Кондратия Федоровича. Вот только от свидания с женой и дочерью перед казнью Рылеев отказался. (Кстати, откуда это знал Пушкин, если не от самой Натальи Михайловны?)

Итак, «с Петрова дня ровно до субботы»?

А «мы вешаем каждую пятницу»?

Но ведь Петров день — 29 июня, день поминовения святых Петра и Павла, храмовый праздник Петропавловского собора, свидетеля нехристианского жестокосердия молодого царя.

Вот и дата под «Арионом» указывает на субботу...

Не потому ли сбегает гость, что в субботу после Петрова дня четыре девицы этого заведения проводили время с четырьмя незаплатившими гостями? Еще в Древнем Риме палач сначала сквернил жертву, потом убивал. Видимо, был и более поздний обычай: после работы палач «отдыхал». Разумеется, бесплатно.

Очевидец казни декабристов, известный как «помощник карательного надзирателя», вспоминает: «Привели и двух палачей, на которых осужденные смотрели с негодованием. Видно, что им было крайне неприятно, когда до них дотрагиваются палачи».

В стране, где полвека не казнили, даже и на дне общества казнь будет вызывать омерзение: вот и убегает в ужасе завсегдатай борделя от сводни, поняв, кто тут гостил до него. И стихи заканчиваются: «Но никто, никто нейдет.— Сводня засыпает».

Это шекспировский, это пушкинский путь: высокое и трагическое через низкое и пошлое. Тюремщик повествует о Конраде. Казнь заканчивается гулянкой палачей в борделе. И тут же: «И я бы мог как шут ви...»

Он знал каждого из пятерых казненных.

Грезя тайными стихами, полный звуков и смятения, он мечтал о простом памятнике над их телами. Он не был декабристом, но, повернись судьба по-иному, мог бы лежать здесь, на Невском взморье: «Нас было шесть, пяти уж нет...»

От главных палачей — Левашова да Чернышова, царя и Бенкендорфа — он уехал тогда, летом 1827-го, в Михайловское. Уехал после того, как нашел могилу братьев.

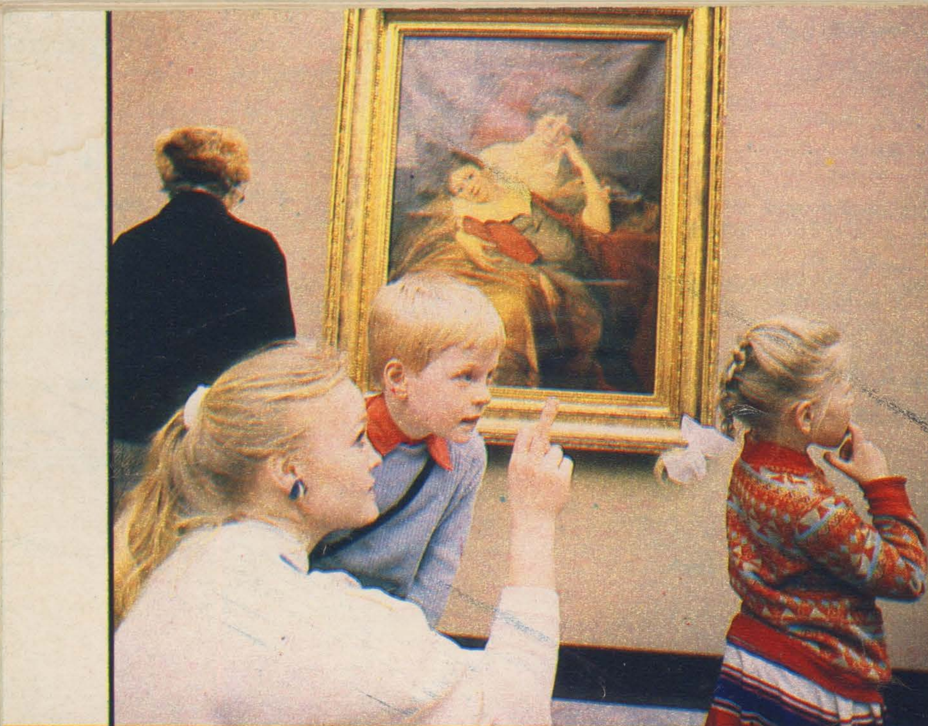
Найдем ли ее мы?

Это для нас совсем особая эпоха. Будто бы и не было в ней ничего другого, будто все — исторические события, нравы, понятия о добре и зле, любовь, литература, искусство, даже то, как одевались люди,— подчинено его имени, вокруг него.

Ахматова в свой час снайперски подметила: «Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то совсем другое». Выставка «Пушкин и его современники», развернутая в одном из красивейших (и в этом смысле именно пушкинском) зданий Ленинграда, бывшем Конногвардейском манеже, строится как раз так: через Пушкина — портретом целой эпохи, причем вытянутой от конца XVIII до восьмидесятых годов XIX века, то есть до той поры, до которой дожили многие его современники, друзья и недруги, его соотечественники; тут можно увидеть сам процесс истории, то, как меняет она людей и их лица.

А еще тут — гала-парад музеев и государственных храни-

Прижизненные издания Пушкина.

Неизвестный художник. Н. И. Гнедич, поэт, переводчик Гомера, издатель ранних произведений Пушкина.

●

Неизвестный художник. Д. Ф. Фикельмон.

●

Неизвестный художник. Салон Фикельмонов в Петербурге.

●

И. Нейгебауэр. Елизалекс Клари-Альдринген (урожденная Фикельмон) с сыном в Теплице.

Н. К. Макаров. Наталья Николаевна Пушкина, жена поэта.

И. К. Макаров. Наталья Александровна Пушкина, дочь поэта.

лиц: Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде, Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, Литературного музея ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, Государственного музея истории Ленинграда, Ленинградского государственного музея театрального и музыкального искусства, Военно-исторического музея А. В. Суворова, Центрального военно-морского музея, Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, Центрального государственного исторического архива СССР, Краеведческого музея из города Теплице (ЧССР).

Что представляет из себя экспозиция! Сотни портретов, документов, декабристских реликвий и подлинных пушкинских реликвий, рукописей и рисунков, живопись, акварели старинные и сегодняшние, так или иначе отражающие пушкинскую тему. Особый раздел—фамильное собрание Фикельмонов из Чехословакии, впервые приехавшее как бы в гости на свою настоящую родину: портреты Е. М. Хитрово, одного из самых верных друзей Пушкина, портреты ее дочерей Долли и Екатерины, изображения салона Хитрово — Фикельмон в доме австрийского посланника в Петербурге, дневник знаменитой Долли, в котором целые страницы посвящены Пушкину...

Открытие ленинградской выставки было приурочено к 150-летию со дня гибели великого русского поэта, и вот теперь она встречает день его рождения. И тут вовсе нет противоречий. Ведь имя Пушкина не связано с датами, ведь душа, воздух Пушкина вечны и неисчерпаемы, и поэтому, наверное, любых, даже самых долгих сроков не хватит, чтобы приглашать и приглашать всех желающих прийти сюда на встречу с драгоценным образом нашего гения и образом его мира.

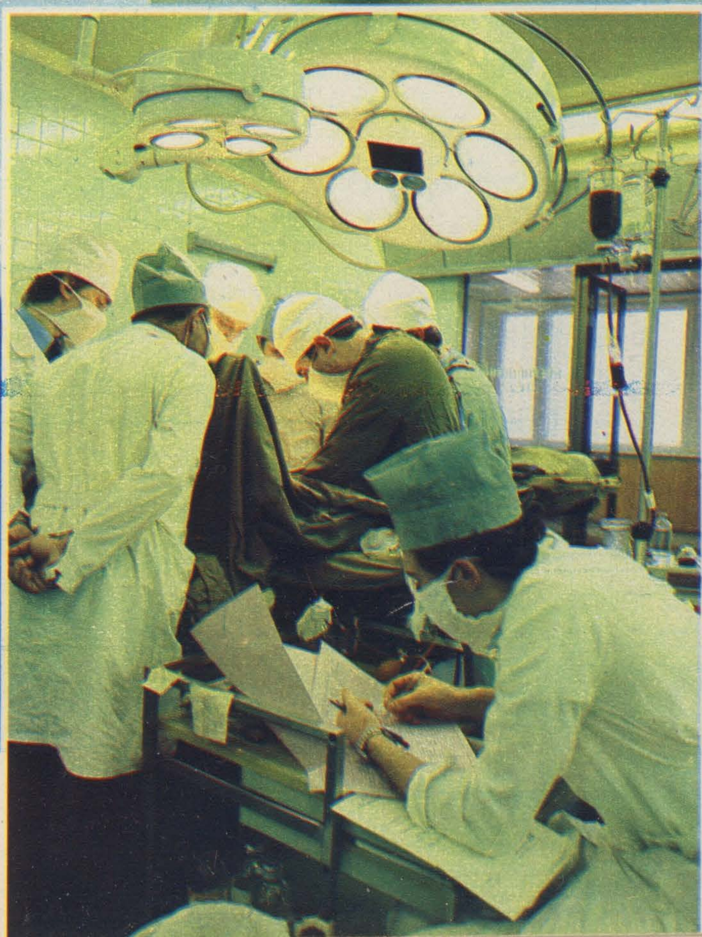

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ДОРОГОЙ НАДЕЖДЫ

Борьба с этой болезнью идет в клиниках и больницах многих городов страны. Усилия врачей координирует Всесоюзный онкологический научный центр АМН СССР. И сам Центр — крупнейшее научное учреждение подобного типа и в стране, и в Европе. А может быть, и в мире!..

Геннадий МАКСИМОВИЧ,
фото Юрия ЛУНЬКОВА

— Аналогичные учреждения, конечно же, есть во многих странах,— рассказал заместитель директора Центра по научной работе академик АМН СССР Николай Николаевич Трапезников.— У нас в Центре три научно-исследовательских института. Институт канцерогенеза, где изучаются причины и механизм развития злокачественных опухолей. Институт экспериментальной диагностики и терапии опухолей. И, наконец, Институт клинической онкологии. Всего более четырех тысяч сотрудников, из них свыше семисот научных. За год принимаем в поликлинике сто десять — сто двадцать тысяч человек. Примерно десятая часть из них потом лечится в стационарных условиях.

Лежат здесь не только москвичи. Пациенты со всех концов Союза... У нас возможностей больше, и понятно почему. Центр сотрудничает с зарубежными странами. Осуществляя государственную программу «Онкология», мы координируем работу в рамках СЭВ, а также с медиками США, Франции, Англии и других стран. Недавно группа специалистов, возглавляемая директором Института клинической онкологии, профессором Вадимом Николаевичем Герасименко, удостоилась звания лауреатов Государственной премии СССР; это Ю. В. Артюшенко, А. Т. Амирасланов, Е. Н. Малыгин, А. И. Коротков, В. М. Чучков. Отмечены разработка и внедрение в практику методов восстановительного лечения онкологических больных. А ведь еще лет пятнадцать назад таких больных считали обреченными. О восстановительном лечении тогда не могло быть и речи. Повторяю, что сегодня в СССР более двух с половиной миллионов человек, живущих после радикального лечения. Ранняя диагностика и новые методы лечения — вот что помогло им.

Конечно, не надо забывать, что выживание и полное выздоровление не равноценны. Чтобы ощутить себя полностью здоровым, больной должен сознавать, что лечение прошло успешно, что ему вернули в определенной степени утраченные жизненные функции. Да и выглядит он, пожалуй, не хуже, чем до лечения.

Итак, потребовались годы и годы исследований, напряженного труда, прежде чем были разработаны методы восстановительного лечения. Не только операции, но и психотерапия, и методы индивидуального протезирования, и медикаментозное лечение, и логовосстановительная терапия, а также лечебная физкультура, физио- и трудотерапия. Изготовлены специальные приборы, отработана технология изготовления материалов.

...Остановимся на одном из аппаратов, разработанном специалистами Центра совместно с ВНИИЛтекмаш Минлегпищемаша СССР. Мы увидели его в специальном кабинете. На кушетке женщина. Руку ее от плеча до запястья охватывало нечто напоминающее рукав от нейлоновой куртки. От «рукава» к приборам ответвлялись шланги.

— Это автоматический пневматический массажный аппарат для лечения больных, страдающих отеком верхних и нижних конечностей,— пояснил лауреат Государственной премии СССР Юрий Валентинович Артюшенко.— Теперь можно в широком диапазоне изменять уровень давления в манжете, регулировать время компрессии и паузы. Работает в разных режимах. Этот аппарат используют во многих медицинских учреждениях страны. Например, эти аппараты установлены в медсанчасти киевского производственного объединения «Химволокно».

Внедрены и специальные протезы для больных, перенесших тяжелейшие операции. Когда мы были в мастерской, лауреат Государственной премии СССР, старший инженер Александр Иванович Коротков продемонстрировал некоторые из них. Конечно, любой протез хуже живого органа, но больные вполне обоснованно верят, что скоро смогут вернуться к полнокровной жизни.

Неподалеку от лифта в отделении восстановительного лечения висит сложная композиция из макраме. Сплетена она больными, перенесшими сложнейшие операции. Причем не забавы ради: кропотливая работа позволяет рукам пациентов быстрее приобрести прежнюю подвижность. С той же целью работают здесь и чеканщики. Искусство и лечение приносят людям исцеление.

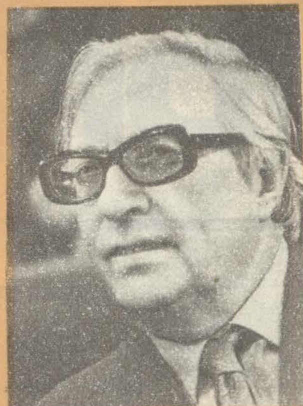
Немало лекторов, учителей, инженеров, преподавателей, чья деятельность связана с речевыми нагрузками, после удаления гортани прежде не могли вернуться к своей профессии. Но теперь после восстановительного лечения нередко вновь трудятся на избранном поприще.

Есть и водители, сумевшие снова сесть за руль после ампутации ноги! Немало и трактористов, и комбайнеров...

Реабилитация! Она требует больших усилий не только от врачей, но и от самих пациентов. В зале лечебной физкультуры на паркете ясные, как бы выжженные следы. Стараясь попасть ногами точно след в след, по залу шел молодой человек. Месяца два назад он перенес операцию удаления опухоли коленного сустава, и колено у него... металлическое. Понятно, попасть точно в след пареньку нелегко, но он упрям и хочет жить, ходить самостоятельно...

За последние годы восстановительные «чудеса» ощутили на себе более шести с половиной тысяч больных. И если раньше после перенесенной операции могли работать лишь менее трети заболевших, то сейчас медики поэтапно возвращают к нормальному труду около восьмидесяти процентов пациентов.

Самый приблизительный подсчет: каждый специалист из отделения восстановительного лечения в среднем сэкономил государству свыше двадцати тысяч трудовых человеко-часов. Но дело не в этих рублях!.. Нельзя измерить счастье человека, обретшего здоровье, вернувшегося к полнокровной жизни! «Приговор», вынесенный болезнью, не только подлежит обжалованию, он все чаще отменяется. Есть надежда — будет победа.

РУКИ ПРОТЯГИВАЕМ ДРУГ ДРУГУ

Кажется, что время не замечает его и проносится мимо. Молодой, взрывчатый, динамичный. Всегда в движении, всегда в работе. Веселый, неунывающий, популярный... И это все Лев Иванович Ошанин, которому в эти дни исполнилось 75! Его комсомольская молодость — это Кольский полуостров, где он работал в Апатитах, фронтовые дороги, первые фестивали молодежи мира. Его песни «Дороги», «Гимн демократической молодежи», «Песня о тревожной молодости», «Течет Волга» и другие поют и любят миллионы людей. Тот, кто знает Льва Ивановича лично, говорит, что с ним хорошо дружить. А для тех, кто незнаком с ним, настоящими друзьями давно уже стали песни Ошанина, лучшие его стихи.

Лев Ошанин — давний огоньковец: он печатал в журнале свои стихи, в библиотечке «Огонька» выходили его книжки, от имени журнала он выступал на встречах с читателями. И «Огонек» горячо напоминает Льву Ивановичу о своих к нему искренних чувствах.

Лев ОШАНИН

* * *

Жизнь моя ковыляет между свежих могил.
Я вырастил семь собак и шесть из них схоронил.
Восемь яблонь я посадил, чтоб ветви взлетали ввысь,—
Сгорело шесть от мороза, а две не прижились.
Где братья мои — великаны? Где мать моя и сестра?
Мои города я вижу сквозь языки костра.
Но если мне жить осталось еще четыре дня —
Никто не заставит в покое дома сидеть меня.

* * *

Разлучают нас города,
Морская зыбь, таежные дебри.
Но летит ко мне из травы, изо льда
Голос твой, снежинками посеребрен.
Разлучают нас виражи,
Тяжелый рок играя на ребрах.
Разлучают нас этажи
Под перебор голосов недобрых.
А мы срываемся с виражей,
Пуская машины без нас по кругу.
А мы срываемся с этажей
И руки протягиваем друг другу.
Год за годом падают в тартарары,
И ветер — новых напастей вестник.
А мы улыбчивы и добры —
Хоть день в неделю, а снова вместе.
Саней белоснежные полоза
Или подводных лайнеров люки...
...Семь лет я целую твои глаза,
А говорят, что это к разлуке.

ОБРАТНОГО ХОДА НЕТ

**ТРАГИЧНА, ПО ДАННЫМ ВОЗ —
ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ,—
СТАТИСТИКА ЭТОЙ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНОЙ
ИНФЕКЦИОННОЙ БОЛЕЗНИ:
1981 ГОД. США. ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ ПЕРВЫЕ СЛУЧАИ.
1986 ГОД. ДЕКАБРЬ. 36 483 БОЛЬНЫХ В АМЕРИКЕ, ЕВРОПЕ И АФРИКЕ.
1987 ГОД. МАЙ. 48 527 БОЛЬНЫХ В 105 СТРАНАХ МИРА.
ПОЛОВИНА ИЗ НИХ УМЕРЛИ.
ЕСТЬ ТАКИЕ БОЛЬНЫЕ И В НАШЕЙ СТРАНЕ.**

СПИД, AIDS, HTLV-III, ВИЧ, LAV — это все символы, шифры синдрома, приобретенного иммунного дефицита («синдром» — слово греческое, обозначающее сочетание признаков, симптомов какой-либо болезни) и его возбудителя — вируса иммунодефицита человека...

Министерством здравоохранения СССР развернута программа по борьбе со СПИДом. Координирующая роль по выявлению, профилактике и предупреждению этого угрожающего заболевания отведена Центральному научно-исследовательскому институту эпидемиологии. При институте создается Центральная лаборатория клиники и эпидемиологии СПИД.

ГДЕ ТЕРЯЕМ?

**Директор ЦНИИЭ,
президент АМН СССР,
профессор
Валентин Иванович ПОКРОВСКИЙ:**

— Мы пошли одновременно по двум направлениям: определение групп возможных вирусоносителей среди так называемых групп повышенного риска и широкая санитарно-просветительская пропаганда особенностей этой болезни. Установлено, что заражение может произойти во время интимного контакта и при переливании крови. В стране идет проверка всех доноров и всех банков крови на станциях переливания. Этим занимаются ЦНИИ гематологии и переливания крови и наш институт. Созданы и оборудованы 45 диагностических лабораторий, к концу года будет еще 60, через год — 300. Начата также проверка крови иностранных студентов и абитуриентов, приезжающих в нашу страну на обучение: именно из их среды у нас были первые больные. Группы повышенного риска — люди, состоящие на учете в наркологических и кожно-венерологических диспансерах. Они должны находиться под постоянным наблюдением.

— По зарубежным данным, в США СПИД поражает прежде всего гомосексуалистов — примерно 70 процентов из всех заболевших, 17 процентов среди наркоманов, вводящих наркотики внутривенно, женщин, имевших контакт с ними, и их детей, а также лиц, страдающих гемофилией. Среди них вирус распространился очень быстро. Теперь под угрозой заражения широкие слои населения. В Африке большинство выявленных больных — проститутки и их клиенты. Все больше таких лиц, зараженных вирусом, и в Западной Европе. Такой состав — своего рода лакмус нравственного климата. В США смертность от СПИДа приняла настолько угрожающие размеры, что федеральное правительство взяло на себя ответственность за руководство просветительной работой среди населения, особенно школьного и студенческого возраста, считая ее единственной и реальной защитой от эпидемии. При этом между властями и врачами возникла полемика: надо ли акцентировать внимание на воздержанности и единобрачии или на применении предохраняющих средств?.. А как обстоит дело у нас? Я видела в вестибюле вашего института стенд, посвященный этим вопросам, с темами бесед и рекомендуемой литературой...

— Сотрудники нашего института прочитали десятки лекций. Подготовлен буклет, нами сдана в производство популярная листовка о СПИД тиражом в десять миллионов с тем, чтобы дошла до каждого предприятия и учреждения, школы, жилого дома. Однако я считаю, что санитарно-просветительская работа поставлена пока плохо и разворачивается, особенно на местах, медленно. Очень много в ней сенсационного и мало будничного, чернового, не хватает обыкновенных разъяснений о путях передачи инфекций, порой проявляется излишняя осторожность, вещи не называются своими именами. На этом мы многое теряем. В результате элементарная неосведомленность приводит к невежеству, легкомыслию, за что мы расплачиваемся слишком дорогой ценой.

— На пресс-конференции по СПИД вы говорили о том, что первый наш больной привез эту заморскую хворь из заграничной командировки...

— Оказался гомосексуалистом... Мы ждем активной помощи со стороны милиции по выявлению очагов наркомании, проституции и гомосексуализма. Не чувствуется еще участия в этом общегосударственном, общенародном деле Советов народных депутатов — городских, районных и поселковых. Пора понять, что это тяжелое заболевание уносит молодых, даже очень молодых, только вступающих в самостоятельную жизнь людей, в пору расцвета их физических сил.

НЕ УПУСТИТЕ ШАНС!

Человек, почувствовав какую-то непонятную опасность, отправляется сегодня на Соколиную гору, по адресу, опубликованному средствами массовой информации.

Станция метро «Электрозаводская», автобус № 86... Длинный больничный забор. Корпус 10. Дверь раскрыта. Очередь спустилась со ступенек на асфальт.

На столе в тесном коридорчике анкеты с вопросами. Можно заполнять, а можно и ничего не писать. Главное — запомнить свой порядковый номер. Теперь, закатав рукав на левой руке, нужно пройти в комнату, где лаборанты возьмут из вены кровь, наполнят ею пробирку. Вот и вся процедура, кстати, бесплатная. Ответ через три дня, по тому же телефону доверия 176-79-50, который и привел сюда.

Если ответ отрицательный — все в порядке. А если положительный — спешите начать лечение, у вас есть шанс. Избавиться от вируса нельзя, еще не было в мире такого случая, но с болезнями, которые ему сопутствуют, бороться можно.

Хотите посоветоваться с врачом, поделиться с ним своими тревогами? Пожалуйста. Он весь внимание и располагает к откровенному разговору. Вот к нему направляется женщина, вместе с ней, предварительно получив от нее разрешение, и я.

— Что вас беспокоит?

— Два месяца держится повышенная температура. Плохо сплю. Похудела. Слабость. Похоже, это начальные признаки заболевания СПИД. О них я прочла в газете. Мне назначали укрепляющие средства, могли внести инфекцию...

— Такое заражение СПИД практически невозможно. После каждой инъекции шприцы стерилизуют. Советую вам обследоваться более углубленно.

А вот с одним пациентом из Иванова у доктора разговор был долгий. Пришлось преподать ему уроки, в том числе и нравственного характера...

ЛАБОРАТОРИЯ

Вадим Валентинович Покровский (а это он вел прием в кабинете доверия) — старший научный сотрудник первой в нашей стране лаборатории клинико-эпидемиологического изучения иммунных дефицитов, к которым относится и СПИД. Ведь у ретровируса-III, возбудителя СПИД, есть очень близкие родственники. Один из них вызывает, например, лейкоз. Телефон доверия и кабинет анонимного обследования этой очень молодой лаборатории (как по времени своего существования — всего полтора года,— так и по студенческо-рабфаковскому в основном составу) обслуживаются на общественных началах. Энтузиасты! Однако это им непросто и нелегко. Следовало бы вознаграждать материально инициативную работу, ввести хозрасчет. Я высказала свою мысль Покровскому. Но у моего собеседника были на сей счет свои аргументы.

— Наша работа покажет кпд службы доверия, стоит ли вводить ее широко. У нас побывали сотни людей. К счастью, не было ни одного инфицированного, то есть зараженного СПИД. Это успокаивает. При этом, как и во всех странах мира, мы придерживаемся принципа добровольности и конфиденциальности. Служба доверия дает для науки большой материал. Мы познаем социально-психологический климат, уровень информированности населения и эффективность просветительской работы. Все меньше людей, которые думают, что можно заразиться СПИД в быту, на работе или на улице.

Я осмотрелась. Всего одна большая комната, заставленная столами, стендами и стеллажами с приборами, препаратами, бутылями, колбами и колбочками под самый потолок. Тут собрана, кроме отечественной, са-

В ЦНИИ гематологии и переливания крови идет проверка крови доноров.

мая совершенная аппаратура со всего мира по диагностированию СПИД. И колдуют над ней вот эти молодые. Елена Любаева, старший лаборант, студентка-вечерница четвертого курса; она в лаборатории с первого ее дня и намерена остаться тут навсегда. Рабфаковцы Тахир Мангушев, Юрий Родионов, Михаил Евсеев, студент первого курса Алексей Мазус. Это их руками под руководством очень опытного диагноста Зои Константиновны Янкиной производится по две тысячи анализов в день, присланных из разных городов, эпидстанций и лабораторий...

Есть у лаборатории и перспектива. В соответствии с программой, разработанной Министерством здравоохранения СССР, она станет центральной и будет координировать работу подобных лабораторий в других республиках, вести учет всех больных по стране, обеспечивать противоэпидемический надзор. Появится компьютерная система, работающая синхронно с такой же, установленной в ЦНИИ гематологии и переливания крови, и вся информация будет стекаться сюда. Решено построить для центральной специальное здание, будет у нее и своя новая клиника для лечения больных.

КОГДА ПЛАЧУТ МУЖЧИНЫ

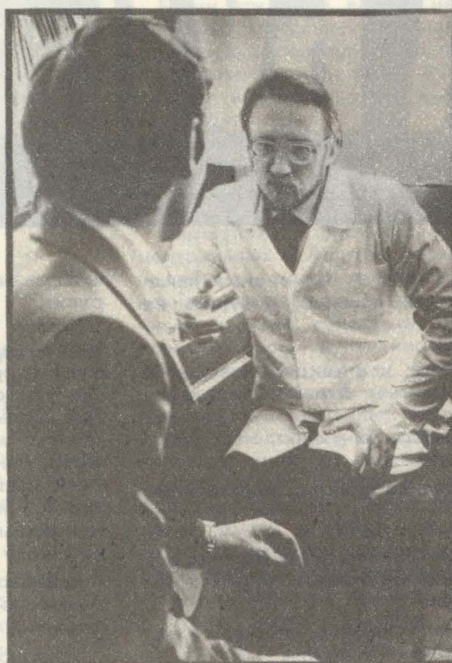
Я его видела, первого нашего, того самого, что завез к нам эту страшную болезнь... Тщедушный, с остро торчащими лопатками, с красными пятнами на лице... Похожий на инфантильного подростка, а не на тридцатишестилетнего мужчину... Он охотно показывал себя врачам, а их здесь было немало, приехали из других институтов,— и в этой его готовности демонстрироваться тоже было что-то противоестественное. Тоненьким — не голосом — голосочком жаловался: «Знаете, все бы ничего... Только вот ноги, больно стоять, сидеть...»

Ничего удивительного не было в том, что здесь, в клинике ЦНИИЭ, его выхаживают, лечат, делают все возможное для облегчения страданий, все для того, чтобы он продолжал жить. Таковы гуманные законы медицины, святая обязанность врачей.

Самое удивительное — он как будто не понимал, что натворил, сколько причинил бед, какой урон нанес обществу...

Обнаружился Н. совершенно случайно...

4 марта этого года в институте на улице Короленко шла лекция. В. В. Покровский рассказывал дерматологам Москвы о СПИД. Среди его слушательниц была Елена Александровна Фабрикова. Она не дерматолог, работает в отделении проктологии, но врач она молодой, любознательный, стремящийся расширить свой кругозор, потому и оказалась здесь. Услышанное ее потрясло. В их отделении есть очень странный больной, диагноз до сих пор не установлен, а по тем признакам, о которых только что тут, на лекции, узнала, у него саркома Капоши, самый распространенный спутник СПИД.

В. В. Покровский ведет прием в кабинете анонимного обследования.

На следующий день Фабрикова взяла у больного кровь и направила ее в ЦНИИЭ. А самого Н. повезла на консультацию к известному дерматологу профессору Потекаеву, в Первый медицинский институт.

Николай Сергеевич Потекаев подтвердил диагноз. В том, что это саркома Капоши, у него не было ни малейших сомнений. Была уже ночь, когда анализ, которого ждали с таким нетерпением, подтвердил: у больного Н. СПИД!

С этого момента события разворачивались, как на экране старого кинематографа,— с удвоенной быстротой.

Утром Н. был доставлен в клинику ЦНИИЭ. Она является базовой и для кафедры инфекционных болезней Московского медицинского стоматологического института имени Семашко. Доцент этой кафедры, опытнейший специалист редких инфекционных заболеваний тропической этиологии Н. В. Астафьева, с удивлением воскликнула: «Ба! Да это же наш старый знакомый!» Признали его и нянечки, и медсестры, хотя и прошло с тех пор, как он у них лежал, четыре по крайней мере года. Уж слишком запоминающиеся у него внешность и голосок.

А дело было так. Зимой прямо с международного аэропорта Шереметьево в клинику доставили Н., уже больного, вернувшегося из заграничной командировки. Лихорадочное состояние, высокая температура, расстройство кишечника. Позже обратили внимание на увеличенные лимфоузлы, но не придали этому особого значения. А ведь это были, как теперь общеизвестно, самые типичные проявления начальной стадии СПИД. Но тогда об этой форме инфекции никто в мире не знал. Шел ведь 1982 год. Начальная форма болезни, позже полностью исчезающая, впервые была узнана и описана лишь в 1985 году. К тому году СПИД распространялся с фантастической скоростью — был уже обнаружен в 13 западноевропейских странах. Но все это казалось таким далеким, о возможности появления СПИД у нас и мысли ни у кого не было. Разумеется, не имелось ни тестов, ни аппаратуры для диагностики. В общем, как часто бывает: пока гром не грянет...

Ориентировочно определили тогда мононуклеоз, так называемую желези-

Профессор Т. В. Голосова: — Это один из первых вариантов «портрета» вируса СПИД, выполненный сотрудниками НИИ эпидемиологии и вирусологии имени Н. Ф. Гамалеи под руководством профессора А. Ф. Быковского и сотрудниками Института имени Пастера под руководством профессора Л. Монтанье (Париж).

стую лихорадку, впервые описанную русским доктором Н. Ф. Филатовым.

Н. активно лечили, температура у него нормализовалась, и по его просьбе перевели в другую больницу для долечивания. Но и там он был недолго. Запасшись лекарствами, уехал в свой родной город.

Шло время, об Н. в московских больницах забыли, как будто его и не существовало. Но вот он объявился собственной персоной, по поводу того же. Шел уже февраль 1987 года...

Но теперь уже время было другое. Ученые Института вирусологии и НИИ вирусных препаратов создали препараты и тестсистемы для диагностики СПИД, их выпускает наша промышленность. Инженеры разработали приборы, только вот пока медленно осваивается их производство предприятиями приборостроения. Но есть они, есть, и надо надеяться, что появятся в количестве, нужном стране, и в скором времени...

Обретен опыт и по лечению больных СПИД. В клинике ЦНИИЭ у той же Н. В. Астафьевой и В. В. Покровского, считающего ее своим учителем, были иностранные пациенты. Троих, невзирая на принятые меры и закупленные по импорту лекарства (теперь есть уже свои), спасти не удалось. К больному организму, ослабленному, изнуренному, потерявшему способность сопротивляться — ведь у него же дефицит иммунитета,— как колючки репейника, липнут тяжкие инфекции одна за другой. Обратного хода нет. Оговорюсь: пока нет. Хочется верить, что он все же будет найден.

Что же касается Н., то после водворения его в клинику инфекционной больницы надо было, не теряя ни дня, ни часа, начать розыск людей, вступавших с ним в контакты. С этой целью Вадим Валентинович Покровский прибыл в город, в котором жил Н. Выяснилось, что некоторые уже выехали в другие города.

Работники санэпидстанций разыскивали их на местах, брали анализы крови, посылали в Москву, в институт. Четверо оказались носителями вируса СПИД.

Сейчас они также находятся в клинике института. У одного родилась недавно дочь. И жена, и девочка тоже инфицированы. К тому же он еще донор. Когда виновник происшедшего узнал об этом—не выдержал, разрыдался...

16 марта в Мюнхене проходила европейская конференция по профилактике СПИД. С сообщением на ней выступил В. В. Покровский. В качестве примера привел историю выявления первого больного и рассказал о комплексе мер, предпринятых в связи с этим всего за двенадцать дней с момента обнаружения Н.

Я спросила Покровского:

— Как же вы выбрали себе такую беспокойную и далеко не безопасную область медицины?

— Тем-то она меня и привлекла. Тут нужна решительность и профессиональная, широкого профиля эрудиция. Моя кандидатская, кстати, иммунологического характера. И это мне очень пригодилось, когда пришлось заниматься, как теперь, приобретенными иммунными дефицитами.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: 1 июня в Вашингтоне открылся третий Международный конгресс по СПИД. Третий за последние три года.

Делегацию Советского Союза возглавил президент АМН СССР, профессор В. И. Покровский.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА и Дмитрия ДЕБАБОВА

Олег ПЕТРИЧЕНКО

«МЕНЯЮ ОРДЕН НА БУТЫЛКУ...»

Букетик был страшненький, но стоил дешево.

Длинный, тощий парень, продававший его, похоже, не столько продавал, сколько просил милостыню — крепко прихваченные морозцем тюльпаны, вяло поникшие в жилистом кулаке, на требуемый за них рубль, конечно же, никак не тянули.

Однако продавец не унывал, полагая, что в шумном, богатом море Кузнечного рынка наверняка плещется где-то и его позолоченная рыбка. Надо только не зевать, ловить свой шанс.

И он поймал меня. Поймал в прямом смысле слова, аккуратно ухватив за пуговицу, давно, признаться, мечтавшую расстаться с моим пальто. Подмигнул, поинтересовался:

— Не женат? Вот, купи букет девушке, пришьет.

— Зла желаешь,— обиделся я.— Не пришьет, отошьет, если нормальная. Где ты эти водоросли раздобыл?

Он усмехнулся:

— Навещал павшего товарища и прихватил. Ему они уже ни к чему, а мне витамины требуются — за два года привык. А тут видишь какая кругом обида — прилавки ломятся, а купить не на что.

— Воевал?

Он отклеился от стены, и я увидел, что левый рукав его куртки пристегнут булавкой к рваному карману.

— Танкистом был. Теперь бичую.

— Работы, что ли, нет?

— Копеечная у инвалида работа, мараться не стоит.

Вздохнул.

— Накрылась, в общем, молодость. Дали за все железку, а деньги к ней приложить забыли. Может, по дешевке купишь?

И, положив цветы на прилавок, достал из-за пазухи... орден Отечественной войны.

— Погоди, погоди,— не сразу сообразил я.— Где же ты его заслужил?

— Там, где руку оставил, под Пешаваром,— ни на секунду не задумался он.— Машину подбили, прикрывал ребят гранатами, да вот сам не уберегся.

— А что вы с ребятами в Пакистане делали?

— В Пакистане? — искренне удивился парень.— А разве...

С географией мы разобраться не успели. Поскольку пришел мой черед удивляться: левая, потерянная было в бою под Пешаваром рука вынырнула вдруг из-под накинутой на плечи куртки, решительно отодвинула в сторону каких-то любопытных старушек, невзначай заинтересовавшихся нашей беседой, и скоропостижно исцелившийся «танкист» исчез. Талантливо исчез — сделал всего лишь шаг в сторону, противоположную той, откуда подходил к нам милиционер, и растворился в толпе совершенно бесследно.

— Догнать бы да морду набить,— неожиданно свирепо прокомментировала происшедшее одна из бабушек.— У меня с войны от мужа такой орден остался — товарищи привезли, а сейчас, гляди, всякой дряни, выходит, дают.

— Не дают,— поправил я ее.— Свистнул, наверное, у кого-нибудь.

— Дают,— упрямо свела брови старуха.— Ты тут человек прохожий, а я который год к пенсии мешочками подторговываю, нагляделась. И никак в толк не возьму, зачем власти награды позорят, на пьяную грудь их цепляя. Моему мужику тот орден жизни стоил, а сейчас он вроде рубля юбилейного стал.

— Ох, Лексеевна, договоришься когда-нибудь,— опасливо дернула ее за локоток товарка.— Твое ли дело судить-рядить? Кому надо, сами порядок наведут.

...Мне захотелось найти этого парня. Не знаю, правда, зачем: о чести-совести толковать с ним — дело зряшное, бабкин приговор в исполнение тоже особо не приведешь — закон охраняет даже тех, кто его нарушает. Да и попробуй доказать, что он когда-то что-то где-то продавал. Не пойман, как говорится, не вор. В общем, искать явно не стоило, и, отчетливо понимая это, я тем не менее стал искать. Перед глазами алой капелькой пролитой крови промелькнула чья-то судьба, и было обидно, что вот так, кощунственно и безнаказанно, прикоснулись к потрескавшейся эмали боевой награды чужие, темные руки.

Честно скажу, немножко гордился собой, стоя через неделю возле дверей одной из коммунальных квартир на Невском проспекте, дом 90/92. Как отыскал адрес, история не столько детективная, сколько кропотливая: я вырос в районе Кузнечного и, как оказалось, не все знакомства растерял. Местные подсобные люди орден мне обещали «устроить» и слово сдержали, пусть примерно, но обрисовали координаты одного из возможных продавцов. И вот, нажав четыре раза на кнопку звонка, жду.

Дверь открыл человек лет пятидесяти от роду. Маленький, заросший и тихий, поглядел вопросительно, вежливо удивился: «Вы ко мне?»

Наверное, я должен был извиниться и уйти. Ситуация складывалась нелепая — не брякнешь же вот так с порога: «А я слышал, вы орден продаете». Однако почему-то не ушел, взяв грех на душу, сказал полуправду:

— Простите, что не позвонил, не договорился о встрече по телефону. Я журналист, собираю материалы о людях, награжденных орденом Отечественной войны. В военкомате дали ваш адрес, но, видимо, ошиблись.

— Почему ошиблись? — Он пожал плечами.— Есть у меня такой — первой степени.

— Здорово! — искренне изумился я.— Вы, наверное, пионером были тогда. А на каком фронте воевали?

— Зачем вам это?

Поймите правильно, в тот момент я еще не думал о нем плохо. Мелькнула даже мысль о неожиданной удаче: черное вдруг обернулось белым, и передо мной стоял, быть может, незаслуженно забытый герой, совершивший в дет-

стве нечто особенное. Достав блокнот, я прочитал ему выписку из статута:

— Орденом Отечественной войны I степени награждались, в частности, те, кто: метко поразил и разрушил особо важный объект в тылу противника; мужественно выполнял свои обязанности в экипаже самолета при выполнении боевого задания, за которое штурман или летчик награждены орденом Ленина; входя в состав экипажа (разных видов авиации), сбил определенное количество самолетов или в зависимости от видов авиации совершил от 15 до 60 успешных боевых вылетов; лично уничтожил 2 тяжелых или средних или 3 легких танка (бронемашины); первым ворвался в дзот (дот, окоп или блиндаж) противника, решительными действиями уничтожил его гарнизон; организовал и успешно высадил морской десант на территории противника; захватил и привел на свою базу боевой корабль противника.

А вы спрашиваете: зачем? Много у нас мальчишек, уничтоживших по 2—3 танка или захвативших по целому кораблю? Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее, сделаем ваш фотоснимок, напечатаем в газете — пусть нынешние пацаны пример берут.

— Зачем снимок? — вдруг заволновался он.— Ничего такого я не сделал. А орден мне в 1985 году дали вместе со всеми ветеранами.

— Но ведь первой степени! Им отмечали за особые боевые заслуги героев, инвалидов войны.

ПОРОЙ МОЖНО ВИДЕТЬ ДЕТЕЙ, ИГРАЮЩИХ НАГРАДАМИ ДЕДА ИЛИ ОТЦА. А ДЛЯ ИНЫХ ВЕЛИКОВОЗРАСТНЫХ ЧАД И ПРОХОДИМЦЕВ ТОРГОВЛЯ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ СТАЛА ПРОМЫСЛОМ. О НЕОБХОДИМОСТИ ЖЕСТКОГО ЗАСЛОНА ЭТОМУ ЦИНИЧНОМУ — И, ПРЯМО СКАЖЕМ, ДЛЯ ЛОВКАЧЕЙ ВЫСОКОДОХОДНОМУ ТОРГУ, ОБ УВАЖЕНИИ К НАГРАДАМ ОТЕЧЕСТВА ПОВЕДЕМ МЫ СЕГОДНЯ РАЗГОВОР.

— Инвалид я,— чему-то обрадовался он.— Плохо со зрением, с памятью.

— Но войну-то не забыли.

— Забыл. Я в армии в 1955 году служил под Ташкентом. На радиостанции. Там и ранили.

— С басмачами, что ли, в эфире сцепились?—не удержался я.— В 1955 году?

— За ранение дали,— упрямо повторил он.— Я не просил — вызвали в военкомат и вместе со всеми на 9 Мая вручили хрустальную вазу и орден. В торжественной обстановке.

— Покажите.

— Вазу жена, когда ушла, забрала, а орден пропал куда-то. Украли, наверное.

Ну что тут скажешь! Похоже, врал мужичонка как сивый мерин, непонятно только, зачем.

А вдруг не врал? Эта мысль огорошила меня уже на улице. Я на всякий случай решил заглянуть в военкомат.

— Поликарпов? — переспросили в наградном отделе.— Сейчас посмотрим по картотеке. Ага, есть такой. Евгений Михайлович, 1914 года рождения. Проживает по указанному адресу, инвалид ВОВ, удостоверение № 354717, награжден орденом за № 2119678.

— Погодите, погодите,— забеспокоился я.— Почему 1914 года? Да ему хорошо, если чуть больше пятидесяти.

— Извините,— сказал старший лейтенант,—я тут недавно, лично его не знаю. Но по документам именно так. Правда, год исправлен, сначала был указан 1934-й. Если сомневаетесь, проверьте у паспортистки.

Сомневаюсь! Не то слово... И я помчался к начальнику паспортной службы Т. И. Петровой.

Увы, исходя из сведений, полученных здесь, тихий и вежливый Евгений Михайлович, 52 лет от роду, никакого отношения к боевым действиям в годы Великой Отечественной войны и в самом деле не имел. Не тревожил он своим мужеством ни блиндажи, ни танки противника, а если и вступал с чем в непримиримые противоречия, так только с определенными статьями Уголовного кодекса. Из мест заключения вернулся в 1981 году, а что было дальше, не знаю, нет у меня ни желания, ни полномочий продолжать случайно начатое расследование. Да и смешно называть этим серьезным словом легкую прогулку по Невскому проспекту, занявшую (вместе со всеми разговорами) от силы полтора часа. Поэтому не берусь судить, где были глаза и совесть у людей, оформлявших Поликарпову документы, вручавших ему «в торжественной обстановке» орден с вазой. Остается только радоваться, что у Евгения Михайловича хватило скромности не объявить себя Героем Советского Союза.

А мог бы запросто последовать примеру жителя Читинской области В. Ждановича, изготовившего себе «Золотую Звезду» с помощью напильника. Несколько лет расхаживал с фальшивой наградой и даже выступал перед школьниками, общественностью человек, который в прошлом был «...судим за совершение различных преступлений, в том числе тяжких. Был признан особо опасным рецидивистом. В общей сложности отбыл в местах лишения свободы 28 лет». Цитирую «Советскую Россию», рассказавшую об этой истории 27 февраля нынешнего года («Берегите память от мародеров»). Самое грустное, на мой взгляд, в том, что живет Жданович в небольшом поселке, где каждый человек, что называется, на виду, а следовательно, внезапное «явление» народу нового героя из полной безвестности должно было заинтересовать хотя бы тех официальных лиц, коим по долгу службы положено равно хорошо знать и героев, и бывших рецидивистов. Не заинтересовало. Ни их, ни доверчиво развесившую уши «общественность».

Достаточно долго испытывал доверчивость земляков и одессит О. Батюченко, пиджак которого украшали аж 26 орденов и медалей. Судя по его рассказам, вторую мировую войну он выиграл почти в одиночку, все остальные только слегка помогали.

Байки эти были далеко не безобидны: подделав необходимые документы, «подполковник авиации в отставке» вовсю пользовался льготами, положенными инвалидам ВОВ, к которым, равно как и к наградам, он не имел ни малейшего отношения.

Суд по заслугам оценил наглость лжеветерана, уже не раз, как выяснилось, судимого за мошенничество. («Вечерняя Одесса» от 15.X.86 г. «Уголовный вираж».)

Перелистав в библиотеке несколько подшивок центральных и местных газет, обнаружил немало подобных историй. Не то чтобы искал их специально, интересовался, как правило, другим, но, читая попутно судебные очерки, выяснил, что всевозможное жульничество с наградами — явление вовсе не редкое.

И, следовательно, не такой уж случайной была моя встреча на рынке. Просто раньше сталкиваться с подобным не доводилось, и я по незнанию воспринял ее как нечто из ряда вон выходящее, увидел в мелком жулике чуть ли не новый тип паразита, посягнувшего на самое святое — память о войне. Новым, как оказалось, был «репертуар», циничная попытка сыграть на беде ребят, пострадавших при выполнении интернационального долга в Афганистане.

Ну, а орден... «Орден Отечественной войны гр-ну Коршунову отдал за четыре бутылки вина неизвестный мужчина, а на следующий день Коршунов пошел орден продавать».

Это уже из милицейского протокола, с которым меня познакомили сотрудники УВД, подобравшие по моей просьбе несколько справок о лицах, задержанных в прошлом году за торговлю наградами.

Моих «знакомых» в их числе не оказалось, ну да это, в общем, и неудивительно — ищи ветра в поле. Складывается впечатление, что ордена и медали, как ни кощунственно это звучит, в определенном кругу людей давно стали своего рода разменной монетой, курс которой колеблется в зависимости от остроты потребности их мимолетных владельцев в выпивке.

Или в деньгах, как, например, у восьмиклассника Ф. Коляды, задержанного на том же Кузнечном рынке за сбыт медалей «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией...», «За доблестный труд...».

«Проверкой установлено, что Коляде указанные медали дал его знакомый В. Кожокарь, который народным судом Ленинского района г. Ленинграда осужден по ст. 206 и ст. 145 УК РСФСР, а Кожокарю медали дал парень по кличке «Пеликан», личность которого не установлена».

Вот так, на «неизвестных», «неустановленных» нередко обрываются все следы. А начинаются они с преступления — против закона, нравственности.

...За сбыт на Торжковском рынке ордена Трудового Красного Знамени № 98053 задержан фрезеровщик В. Доронин, укравший награду у родственников.

...Отправив престарелого отца в больницу, «безработный» В. Степкин поспешил на Московский рынок, чтобы реализовать его медали «За оборону Ленинграда», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне».

...Мастер смены Б. Казачек из Кемерова возле бывшего магазина скупки золота на ул. Рубинштейна пытался продать орден Ленина № 87611, «подаренный», по его словам, бабушкой, заслуженной учительницей РСФСР Федосьей Владимировной С. 1898 года рождения.

Читаю справки и ловлю себя на мысли, что уже не испытываю естественного, казалось бы, возмущения. А ведь, если вдуматься, каждый такой случай — это драма людей, рядом с которыми выросли, сформировались подонки, не гнушающиеся променять на деньги, водку то, что ни за какие деньги не купишь.

Можно представить переживания ветерана-фронтовика, единственный, выпестованный в нелегкие послевоенные времена сынок которого хотел променять на сребреники Иуды дорогую для каждого блокадника медаль «За оборону Ленинграда».

А разве не трагична история заслуженной учительницы, всю жизнь добросовестно сеявшей «разумное, доброе, вечное» в доверчивых детских сердцах, но, увы, не углядевшей, как сердце ее родного внука превратилось в бесчувственную льдинку.

Не слишком ли много примеров, не слишком ли сгущаю краски? Куда как спокойнее (и привычней) рассматривать каждый случай в отдельности, считать его аномалией, несчастным отклонением от нормы.

Согласен, это аномалия. Но вот листаю свой архив, и перед глазами не одна, две — многие десятки фамилий людей, так или иначе причастных к духовному мародерству, надругательству над памятью павших.

Очень своевременно введена в УК РСФСР статья 194—1, предусматривающая ответственность за покупку, продажу, обмен, а равно подделку либо умышленное уничтожение ордена, медали, нагрудного знака к почетному званию СССР. Наказания в ней перечислены достаточно строгие, но наказаниями застарелую болезнь вряд ли вылечишь — дел по этой статье возбуждено уже немало, а преступная торговля продолжается. Вот очередное сообщение из милиции: «На проспекте Карла Маркса за продажу ордена Отечественной войны и медали «Ветеран труда» задержаны водитель Ленторгбыттранса А. Гребенник и А. Митигин (без определенного места жительства и занятий)».

Сегодня мы пожинаем плоды запущенного формализма в трепетной, по сути, военно-патриотической работе. И, наверное, нескоро исправим все ошибки. Но кое-что уже можно сделать сейчас. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, где хранится богатейшая коллекция отечественных наград, мне напомнили, что до 1977 года ордена после смерти владельцев полагалось возвращать в Президиум Верховного Совета СССР. Потом разрешили оставлять их в семье как память.

Логично ли это? Награждалась-то не семья, конкретный человек. Мало ли как в дальнейшем складывались его взаимоотношения с близкими — в жизни всякое бывает. И кто из нас не видел детей, *играющих* наградами деда?

Опять деликатный вопрос, и все же, полагаю, люди поймут, не обидятся, если на добрую память об ушедшем герое в доме останутся грамоты, а сами ордена начнут вторую жизнь. Уверен, с особым чувством примет из рук командира боевую награду воин-интернационалист.

...Символично, что в год 70-летия Великого Октября в стране формируется Всесоюзная организация ветеранов войны и труда. Много доброго ей предстоит сделать, немало сорняков предстоит выполоть. Надеюсь, что и в начатом сегодня разговоре ветераны скажут свое умное, веское слово.

Илья ЭРЕНБУРГ

ЛЮДИ
ЖИЗНЬ

* * *

Эта глава будет самой короткой в длиннющей книге. Я хочу рассказать о небольшом дорожном злоключении, и, прочитав главу, читатели поймут почему.

В октябре 1955 года мы отправились с Н. С. Тихоновым в Вену на заседание Бюро Всемирного Совета Мира. Погода казалась нелетной, но самолет благополучно перелетел Карпаты и приземлился, как полагалось, в Будапеште. Нам сказали, что Вена не принимает, нужно подождать час-другой. Мы разговаривали о том о сем: о поэзии Мартынова, о пакистанских обычаях, о здоровье Жолио-Кюри. Прошло четыре часа. Нам объяснили, что Вена не принимает вполне обоснованно — там сильный туман. Мы бродили по длинному аэродрому, из одного зала неслись соблазнительные запахи — там помещался ресторан, но денег у нас не было, суточные нам должны были выдать в Вене. Нас начал мучить голод, который, как известно, не тетка. Николай Семенович вел себя как старый стоик, а я в итоге не выдержал и позвонил в Венгерский Комитет защиты мира.

Не прошло и часа, как появились незнакомые мне люди, почему-то они извинялись: в Вене туман не по их вине. Нас провели в небольшой зал, где стоял стол, изобилующий яствами. Встретил нас Ракоши. Он дружески с нами разговаривал о движении за мир. О Женевском совещании, о жизни в Москве. Я уплетал чудесный гуляш. В конце обеда Ракоши попросил нас провести вечер с венгерскими писателями. Разумеется, мы согласились.

В Союзе писателей было людно. Нам принесли кофе, на столе стояли бутылки с душистым балатонским вином. Однако я сразу почувствовал некоторую напряженность. Первым выступил Н. С. Тихонов. Он подробно рассказал о декаде латышской литературы в Москве. Я видел, что венгры чем-то озабочены. Не успел Николай Семенович кончить, как все повернулись ко мне, просили что-нибудь рассказать. Я решил выбрать спокойную тему: писатель, когда он пишет для газеты, должен видеть перед собой не редактора, а читателя, найти слова, которые дойдут до него, должен отстаивать право говорить своим языком и не давать редактору вычеркивать красным или синим карандашом любое незатасканное слово.

Когда я кончил, один из венгерских писателей спросил меня, можно ли купить в Москве мою «Оттепель». Я ответил, что повесть была напечатана в журнале «Знамя», а потом вышла отдельным изданием; тираж был небольшой — сорок пять тысяч, книгу быстро распродали, и теперь ее можно найти только в букинистических магазинах. Тогда другой писатель спросил меня: «А почему в Венгрии ваша «Оттепель» издана в количестве ста экземпляров для партийного руководства?» На этот вопрос я, конечно, не мог ответить и попросил Николая Семеновича рассказать еще что-нибудь.

Я разглядывал писателей, некоторых я встречал прежде,— одних в Москве, других два года назад в Будапеште. Вот Дьердь Лукач, Петер Вереш, Бела Иллеш, Юлиус Гай... Все были возбуждены, начали говорить друг с другом по-венгерски; только Лукач спокойно курил сигару.

Я так и не понял, что приключилось с венгерскими писателями; ясно было одно: они недовольны. Когда мы вернулись в гостиницу на островке, я спросил Тихонова, почему Ракоши нас отправил к писателям. Николай Семенович ответил: «А бог его знает. Атмосфера действительно странная...»

В номере было жарко — почему-то уже топили. Я открыл окно — тепло, сыро. Накрапывал мелкий дождик. Яркий фонарь вырывал из ночи последнее золото деревьев.

Завтра придется выступать в Вене, говорить о «духе Женевы», о европейской безопасности. Хорошо, но что здесь происходит? Писатели озлоблены. Почему Ракоши нас не предупредил?..

Я понял все, но не в ту ночь — год спустя.

* * *

14 января 1956 года мы с Любой вылетели из Москвы в Индию. Тогда не было прямого сообщения через Гималаи, и мы летели долго: Париж — Рим — Каир — Карачи — Дели. Впоследствии я написал очерк «Индийские впечатления» и не буду повторять сказанного в нем.

Когда я вернулся в Москву, все говорили о выступлении Микояна на съезде — он упомянул об одной ошибочной концепции Сталина, смеялся над фальсификацией истории и назвал имена большевиков, убитых в эпоху культа личности,— Антонова-Овсеенко и Косиора. В резолюции съезда говорилось о разоблачении преступной деятельности «врага партии и народа» Берии, о вреде культа личности, о необходимости коллективного руководства. На следующий день «Правда» коротко сообщила о последнем заседании съезда 25 февраля: решено было подготовить новую программу партии, после чего Н. С. Хрущев объявил повестку дня исчерпанной.

В старой записной книжке я нашел такие строки: «На закрытом заседании 25/II во время доклада Хрущева несколько делегатов упали в обморок, их тихо вынесли». Рассказал мне об этом один из делегатов съезда.

Прочитав доклад Хрущева, я не упал в обморок: со времени смерти Сталина прошло три года, кое-что мы узнали, над многим успели задуматься. Ко мне приходили военные прокуроры, занимавшиеся реабилитацией Бабеля и Мейерхольда, приходили также друзья, вернувшиеся из лагерей, по вечерам мы долго беседовали о недавнем прошлом. Однако не скрою: читая доклад, я был потрясен, ведь это говорил не реабилитированный в кругу друзей, а первый секретарь ЦК на съезде партии. 25 февраля 1956 года стало для меня, как для всех моих соотечественников, крупной датой.

Я сказал, что был в некоторой степени подготовлен к докладу Хрущева, но я хорошо понимаю, как были поражены многие делегаты съезда, приехавшие из далеких совхозов и колхозов. Еще за две недели до первого заседания они видели в газетах поздравительные телеграммы К. Е. Ворошилову, в которых некоторые зарубежные главы социалистических государств называли Климента Ефремовича «соратником» Сталина.

Начали читать доклад (или письмо ЦК) сперва партийным, потом и беспартийным. Месяц-два спустя десятки миллионов уже знали, как они прожили четверть века. Повсюду говорили о Сталине — в любой квартире, на работе, в столовых, в метро.

Встречаясь, один москвич говорил другому: «Ну, что вы скажете?..» Он не ждал ответа: объяснений прошлому не было. За ужином глава семьи рассказывал о том, что услышал на собрании. Дети слушали. Они знали, что Сталин был мудрым, гениальным, что он, и только он, спас Родину от нашествия; на уроках географии они учили, что высочайший пик нашей страны называется пиком Сталина, что такие же пики имеются в Чехословакии и Болгарии, что столица Таджикской республики — Сталинабад, что в Осетии есть город Сталинири, в Кузбассе — Сталинск, в подмосковном угольном бассейне Сталиногорск, в Донбассе — Сталино, и вдруг они услышали, что Сталин убивал своих близких друзей, что, не доверяя старым большевикам, он заставлял их признаться, будто они пообещали Гитлеру Украину, что он свято верил в слово Гитлера, одобрившего пакт о ненападении. Сын или дочь спрашивали: «Папа, как ты мог ничего не знать?»

Всего три года тому назад москвичи давили друг друга, чтобы добраться до Колонного зала, люди несли на плечах детей, проходя мимо гроба Сталина, женщины голосили. Кажется, история не знала таких похорон. Сталин себе покоился, набальзамированный, рядом с Лениным, его статуи продолжали красоваться на площади любого города, его портреты по-прежнему висели в кабинетах, в столовых, школах, магазинах. Мальчик по-прежнему отвечал, что высочайшая вершина Советского Союза — это пик Сталина, а девочка повторяла заученные стихи:

Нет слов таких, чтобы ими передать
Всю нестерпимость боли и печали.
Нет слов таких, чтоб ими рассказать,
Как мы скорбим по вас, товарищ Сталин!

Мифы создавались веками и веками гасли, рассеивались, забывались. Люди постепенно и мучительно начинали понимать, что на небесах нет господа-бога или по меньшей мере что его наместник в Ватикане незаконно присвоил себе это звание. А ранней весной 1956 года миф о Сталине был сразу разбит. Тот, кого люди называли великим, мудрым, гениальным, чье имя повторял Якир, когда его вели на расстрел, кому французская мать послала единственное, что у нее оста-

Продолжение. См. «Огонек» № 22.

лось,— шапочку замученной гестаповцами дочки, этот сверхчеловек оказался честолюбивым, подозрительным и жестоким. Иностранцы удивлялись, как советские люди выдержали такое испытание.

Две недели спустя заграничные корреспонденты начали передавать из Москвы отдельные подробности о деятельности Сталина, иногда правильные, иногда перевранные. 4 июня государственный департамент США опубликовал текст доклада. Вскоре в «Правде» появилась статья Генерального секретаря Коммунистической партии Соединенных Штатов Ю. Денниса, перепечатанная из газеты «Дейли Уоркер». Под текстом была сноска:

«Говоря о докладе Н. С. Хрущева, Ю. Деннис имеет в виду текст, опубликованный Госдепартаментом».

Однако то, о чем писал Деннис, не опровергалось, кроме упоминания об аресте врачей, газета сделала вторую сноску, напоминая, что среди арестованной группы врачей были не только евреи, но также русские и украинцы.

О докладе на закрытом заседании писали все газеты мира. 30 июня 1956 года ЦК принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий».

В этом постановлении говорилось, что «Сталин повинен во многих беззаконных действиях» и что следует помнить «о серьезных ошибках, допущенных Сталиным в последний период жизни». Хрущев, однако, говорил о «беззаконных действиях» Сталина начиная с декабря 1934 года; таким образом, «последний период жизни» длился восемнадцать лет.

Доклад, который сделал на XX съезде Н. С. Хрущев, был посвящен одному человеку, его подозрительности, жестокости, властолюбию. Перед всеми вставал вопрос, почему Сталин, доверяя Ежову или Берии, не задумался над трагическими письмами старых большевиков Эйхе или Постышева.

Борясь с «культом личности», легко было вернуться к этому же культу: слишком многое приписывалось воле, характеру, мрачным чертам разоблачаемого. Персонаж был сродни некоторым героям Достоевского.

Не знаю, привлечет ли внимание романиста будущего Сталин и удастся ли автору дать глубокий психологический анализ человека, одно имя которого вызывало восторг или ужас у сотен миллионов его современников. В шестой части этой книги я признавался: «Я не могу дать портрет Сталина — я его лично не знал, видимо, он был человеком сложным, и рассказы людей, встречавшихся с ним, противоречат один другому». Дальше я писал: «Сталин был человеком большого ума и еще большего коварства». (Один из сотрудников «Литературной газеты» распространил «Открытое письмо Илье Эренбургу»; он писал, что дело не в моральной оценке и что нельзя назвать умным государственного деятеля, совершившего много неумных поступков. Письмо меня не переубедило. Историки обнаружили достаточно неумных поступков у людей, которые были умными,— у Цезаря, Наполеона, Людовика XIV, Петра Великого. Однако трудно себе представить, что неумный человек смог очернить, а потом уничтожить почти всех руководителей своей партии и четверть века единолично управлять великим государством, такое предположение мне кажется оскорбительным для нашего народа.)

Моральная оценка не деталь, а суть вопроса. Рассказывая о «беззаконных действиях» Сталина, Хрущев оговаривал, что Сталин был честным коммунистом и что дурные дела он совершал во имя хорошей цели. Именно это мне кажется неприемлемым. В шестой части я писал, что цель не может оправдывать средства и что средства способны изменить цель. Труды Маркса и Энгельса, философская концепция и государственная практика Ленина гуманистичны. Сталин, не расставаясь с идеями, воспринятыми им в молодости, применял средства, которые им противоречили, он был бесчеловечен.

Я не политик, а писатель, казалось бы, меня должна была увлечь сложная и противоречивая натура Сталина; однако я куда больше думал о том, как Сталин мог столь долго определять чертами своего характера развитие советского общества. Я сказал, что я писатель, но я также советский гражданин, и не раз в моей жизни я забывал о своем ремесле ради защиты тех идеалов, которые мне казались высокими. Хрущев говорил о «серьезных ошибках Сталина», но он не объяснил, какие обстоятельства позволили Сталину столь длительно и глубоко ошибаться. Мы так и не узнали, почему XIII съезд партии, несмотря на предостережение Ленина, обладавшего огромным авторитетом, переизбрал Сталина Генеральным секретарем. Я не знаю, как могло случиться, что Сталин, договариваясь с одной группой Политбюро, чернил, а потом уничтожал другую группу, чтобы два или три года спустя унизить и убить своих вчерашних союзников. Каким образом «Коба» революционного подполья, известный только тысяче-другой партийных работников, десять лет спустя превратился в «отца народов»? Почему партия, показавшая подлинное мужество в отражении вражеских диверсий, в индустриализации отсталой страны, в обороне Родины от слывшего непобедимым рейхсвера, не воспротивилась культу Сталина, шедшему вразрез и с марксизмом, и с демократическим духом Ленина? Мне казалось, да и теперь кажется, что куда важнее разгадать не характер Сталина, а то, что позволило превращению грубого, по словам Ленина, и малоизвестного человека в «вождя», «кормчего», «полководца», которого ежедневно восхваляли члены Политбюро и лишенцы, маститые академики и ученики первого класса...

Ко мне пришел молодой студент Шура Анисимов, приглашал меня выступить перед его товарищами. Вдруг он сказал фразу, которую я записал: «Знаете, сейчас происходит удивительное — все спорят, скажу больше — решительно все начали думать...» Конечно, он не знал, что молодому поколению предстоит еще многое пережить. Не знал этого и я. Но вспоминаю я о той весне с большой нежностью, как будто и я был молоденьким Шурой, который восторженно глядит на раскрывавшийся перед ним мир.

* * *

Вдова моего друга Роже Вайяна дала мне прочесть часть его дневников, которые готовятся к опубликованию. Вот страница 1956 года — она относится ко времени действия моей книги:

«8 июня.

Возвращение из Москвы.

Две недели назад, когда я приехал, статуя Сталина стояла в зале аэродрома. В день моего отъезда она еще была на месте, но покрытая белым чехлом. Скоро ее снимут...

Я любил даже словечки, которыми он злоупотреблял. Он закладывал фундамент речи и потом говорил: «Далее». Мне это нравилось. Но теперь мне пришлось снять его портрет над письменным столом...

Никогда больше я не повешу на мои стены чьего-либо портрета.

В углу над полкой с книгами о французской революции висели две большие гравюры той эпохи: «21 января 1793 года» и «16 октября 1793 года». Я их тоже снял. На одной палач показывает толпе голову Капета; на другой — палач подымает нож гильотины, его помощники ведут на эшафот Марию Антуанетту, толпа аплодирует. Будь я членом Конвента, я голосовал бы за казнь Людовика XVI и Марии Антуанетты, я хочу сказать, что и теперь при подобных обстоятельствах я проголосовал бы за смертный приговор. Но Мейерхольд, которого я любил и люблю, был расстрелян по несправедливому приговору Сталина, которого я любил. Никогда больше я не смогу радоваться крови моих врагов, разве только если она пролита мною в честном бою.

Сердце у меня не чувствительное. Когда я порвал с женщиной, которую любил больше всего, я смотрел, как она спускалась с чемоданом по лестнице. Она повернула ко мне заплаканное лицо. Но я не заплакал...

В июне 1940 года при разгроме моей страны я не пролил ни одной слезинки, я скорее был доволен — французы меня возмущали своей любовью к загородным домам и маленьким автомобилям.

Но я плакал, узнав о смерти Сталина. И я снова плакал в Праге, возвращаясь из Москвы, всю ночь я проплакал — я должен был вторично его убить в своем сердце, прочитав про его злодеяния.

В одну и ту же ночь я плакал над Мейерхольдом, убитым Сталиным, и над Сталиным, убийцей Мейерхольда. Я повторял слова Брута из шекспировского «Юлия Цезаря»:

«Я любил Цезаря, и я его оплакиваю. Он преуспевал в своих начинаниях, и я радовался. Он был отважным, и я его чтил. Но он стал деспотом, и я его убиваю».

Я повторяю: «Я любил Сталина, и я плакал над ним. Он преуспевал в своих начинаниях, и я радовался. Он был отважным, и я его чтил. Но он был деспотом, и я его убиваю...»

Я себя чувствую мертвым.

Кажется, что ты на гребне времени, и вдруг видишь, что История вступила в новую фазу, а ты этого не заметил...»

Я переписал эту страницу из дневника Вайяна и задумался: какое у нас проклятое ремесло! Даже разговаривая с самим собой, писатель невольно пропускает слезы, желчь, кровь через колбы литературной лаборатории. В той же тетрадке дневника Вайян вспоминал о своей тяжелой болезни: «Очень важно вот это: как только я понял, что я не умираю, я начал подыскивать слова, чтобы описать свою смерть. То же самое случилось, когда меня настигла беда любви... Нет, я не скажу, как сказал мне французский товарищ в Москве: «Мы уже никогда не сможем быть счастливы». Я — писатель, следовательно, я не имею права на полное несчастье».

А в действительности Роже Вайян был вдвойне несчастен — и как писатель, и как человек. Два существа жили в одном теле. Иногда автор романа навязывал Роже свою концепцию жизни, иногда человек вмешивался в план романа. Нужно ли говорить, что в ту ночь в Праге, о которой упоминается в дневнике, Вайян не думал о Цезаре и Бруте — он не писал, он плакал.

Вайян любил людей XVIII века, увлекавшихся, но не увлекаемых, упоенных, однако в то же время трезвых: кардинала Берни, авантюриста Казанову, автора романа в письмах «Опасные связи» Лакло. Среди писателей прошлого века он особенно чтил Стендаля. Но и Стендаль, описывая стратегию любви, вдруг поддавался чувствительности Анри Бейля и когда рассказывал, как к осужденному Жюльену приходит его школьный товарищ крестьянин Фуке, и когда в письме из Чивитавеккья признавался своему двоюродному брату: «У меня две собаки, я их очень люблю. Английский спаниель, черный, красивый, но печальный меланхолик, другой «луппело» — волчонок, цвета кофе с молоком, веселый, находчивый, характер молодого бургундца. Мне было бы слишком грустно, если бы не было никого, кого я могу любить...»

Когда Вайян умер, все газеты писали об его «холодном взгляде». Так он назвал сборник эссе, и так он старался выглядеть перед журналистами или критиками. Я никогда не видел «холодного взгляда» — его глаза веселились или отчаивались, но холода в них не было.

Нет, однажды я увидел «холодный взгляд». Это было летом 1948 года. После Вроцлавского конгресса, в котором Вайян участвовал, поляки повезли меня в Краков; там в кафе «Комедиантов» я встретил Вайяна, Гуттузо, польских друзей, молодую женщину, приехавшую на конгресс из Бразилии. Эта женщина нравилась Вайяну, он пил «Старку» и настойчиво ухаживал, то ласково, то слегка пренебрежительно — того требовала традиционная стратегия. Именно тогда я случайно перехватил леденящий взгляд Роже.

Мейерхольда он мог увидеть в 1930 году. Он был тогда молоденьким поэтом-сюрреалистом, а я познакомился с ним позднее — его мне представил, кажется, Рене Кревель в одном из кафе Монпарнаса. Вайян попросил Любу давать ему уроки русского языка. Из учебы ничего не вышло. Вайян бросил писать стихи, стал журналистом. Газета «Пари-суар» посылала его в экзотические страны. Он много пил. Я хорошо помню его взгляд, не холодный, но затуманенный наркотиками, длинные упрямые волосы и профиль птицы.

Я надолго потерял его из виду. Вскоре после конца войны я прочитал первый роман Вайяна «Странная игра». Это была книга об одной группе Сопротивления. Автора романа звали Маратом, а одного из его товарищей коммуниста Родриго. Роман имел успех, Вайян сразу вошел в литературу, но слава его не прельщала — он думал о другом: не описать жизнь, а ее переделать.

Утром в краковской гостинице он говорил мне тихо, почти стесненно: «Я должен буду от многого отказаться...»

В 1952 году правительство Пино хотело запретить коммунистическую партию. Дюкло был арестован по вздорному обвинению. Тогда Вайян послал ему в тюрьму заявление с просьбой принять его в партию.

Вчерашние читатели и почитатели отшатнулись от Вайяна. «Завербованный» — таково было стандартное клеймо эпохи. Вайян хотел быть дисциплинированным. Перед отъездом в Египет он выбросил наркотики. Корабельный врач удивлялся непонятной болезни пассажира, но Вайян скорее умер бы, чем рассказал бы ему о причине заболевания. В Египте его арестовали, потом выпустили; он написал о том, что увидел. Он продолжал противоречить себе, товарищи то восхищались им, то негодовали. Я его полюбил.

Мы встретились на несколько часов у Жюльена — у меня там были старые друзья-виноделы, а Вайяну было недалеко, он поселился в деревне возле Буржэ. Он женился на милой и заботливой итальянке Элизабет, много работал. У нас оказалась и общая страсть. Роже разводил розы, гвоздики, подсолнухи, говорил о влиянии света и влаги, о гибридах, о работе селекционера.

Кажется, за год до этой встречи он увлекся театром Расина, утверждал, что необходимо единство места и времени действия, мечтал о новом Возрождении и, увидев впервые Москву, писал: «Я предвижу Возрождение в 1960—1970 годы, оно расцветет в России, и тогда в московских театрах начнут ставить трагедии, вдохновляясь французским театром XVII века, разумеется, с новым содержанием, соответствующим строительству коммунизма. Уже архитектура в стране социализма нашла нормы больших ансамблей абсолютной монархии».

Год спустя он написал хороший роман «Бомаск» и не думал больше о классиках. Он описал жизнь рабочих и крестьян в поселке, где поселился. Это и по форме нечто новое: повествование, записки автора, письма, газетные заметки, экономика — рассказ о крупном тресте. Я написал предисловие к русскому переводу («Пьеретта Амабль») и в нем говорил: «Особенно удалась Роже Вайяну героиня книги. Мы ее видим и когда она прилежно записывает в тетрадку партийные задания, и когда она сурово отвечает на любовные признания представителя той династии, которой принадлежит фабрика, и когда отдается Бомаску. В ней слиты воля и смущение, суровость и нежность... Любви посвящены сотни современных французских романов. В одних мы видим состязание самолюбивых партнеров, в других скуку, повторность приевшихся слов и жестов, в третьих — самомучительство.

Сцена в лесу, когда Пьеретта и Бомаск дают волю своим чувствам,— редкая находка в современной литературе, столько в ней страстности и чистоты».

Осенью 1955 года Вайян и Элизабет заехали за мной в Савойю, где я ночевал у Пьера Кота,— мы сговорились, что Роже отвезет меня в Париж. Он обожал скорость. Я сидел рядом с ним и видел, как стрелка добегала до цифры 200. Мы пообедали в чудесном ресторане, там нас попотчевали лягушачьими лапками с чесноком. Беседа была извилистой и долгой. Перед тем как уехать, мы пошли посмотреть на лягушек: они сидели в яме, их было очень много, и те, что находились в верхнем ряду, глядели черными, неподвижными глазами. Жить им оставалось недолго. Роже глядел на них. Потом мы снова мчались. Вайян командовал: «Сигарету!», Элизабет закуривала и вставляла ему в зубы. Иногда мы останавливались. Роже заказывал виски. Элизабет выпивала почти всю его порцию, он не спорил и вскакивал в машину. Он хотел показать мне, как начинается Сена: «Маленький ручеек...» Мы сидели в темном пустом баре. Он говорил о том, как писал когда-то стихи о Рембо, о смерти: «Она входит в жизнь. Гримаса, и только...» Потом неожиданно спросил: «Помните глаза лягушек?» Я рассказывал о Хемингуэе в Испании, о реабилитации Мейерхольда, о Москве. Опустилась ночь. Роже гнал машину. И вдруг отказали фары. Он резко затормозил. Мы вышли из машины. Я закурил и при свете спички увидел его лицо, покрытое капельками пота. Мы добрались до Труа и решили там заночевать — утром исправят фары. Он вдруг признался: «Это было здорово страшно...»

Я дошел до времени, с которого начал,— XX съезд, осень, Венгрия. Один из близких друзей Вайяна потом рассказал мне, что Роже думал о самоубийстве. Держался он хорошо, не было того духовного эксгибиционизма, которым страдали некоторые интеллигенты Запада, в том числе друзья Вайяна, уходившие из партии, возвращавшиеся, снова уходившие и выкладывавшие все свои душевные терзания чуть ли не в каждом номере левых еженедельников. Вайян, да и то нехотя, подписал одно из многочисленных коллективных заявлений и несколько лет спустя признался в дневнике, что жалеет об этой подписи. Он хотел молча отойти в сторону и задуматься над тем, что приключилось не только с ним, но и с миром.

Элизабет повезла его в Южную Италию, в Абруццы. Там он написал, кажется, свою самую совершенную книгу «Закон»; я не называю ее лучшей, но выполнена она лучше других. В романе нет никаких прямых или скрытых объяснений того, что мучило Вайяна. Это мрачная и безысходная книга. Заглавие относится к игре, которая процветает на юге Италии. Игроки бросают кости или играют короткую партию в карты. Тот, кто выигрывает, становится «хозяином». У него право говорить или не говорить, допрашивать и отвечать за допрашиваемого, хвалить и осуждать, оскорблять, злословить, клеветать, унижать достоинство других; проигравшие, подчиненные его закону, должны молча переносить все. Таковы правила игры «закон».

Та же злая игра определяет жизнь городка. Есть один мудрец — разорившийся помещик Дон Чезаре. Он собирает уже по привычке реликвии некогда процветавшего древнегреческого города. Давно все стало ему «неинтересным». В игре выигрывают худшие. Гангстер Бриганте после смерти Дона Чезаре договаривается с образумившейся девчонкой Мариеттой,— они совместно откроют великолепный бордель для иностранных туристов.

Книга получила Гонкуровскую премию. Былые читатели и почитатели снова потянулись к Вайяну: они считали, что семидесятилетний Дон Чезаре говорит за автора, которому тоже все «неинтересно».

А Роже в своем домике разводил растения, писал и терпеливо искал ответа на многие вопросы, которые продолжали его страстно интересовать. «Закон» свирепой игры не стал для него законом жизни.

Три года спустя он прислал мне новый роман «Праздник». Теперь я вижу, что некоторые фразы выписаны из дневника 1956 года, например, мысли главного героя, стареющего писателя Дюка: «Он вдруг понял, что после XX съезда КПСС История вступила в новую фазу без того, чтобы он это заметил... Дети большевиков управляют третьей частью земного шара, и они посылают ракеты на Луну». Молодой писатель Жан-Марк возражает: «Революция вышла из моды». Дюк говорит: «Она переменила имя. Она примет формы, которые нельзя себе представить».

Он заболел в ноябре 1964 года и уже тяжело больной написал статью «Похвала политике», в ней он говорил: «Мне надоели разговоры о планировании, об изучении рынков, о кибернетике, об оперативных операциях: это дело специалистов. Как гражданин я хочу снова найти, я хочу словами вызвать политические действия (действительно политические), я хочу, чтобы мы все снова стали политическими людьми».

В конце февраля 1965 года я был в Париже. Вернувшись в гостиницу «Пон рояль», где я обычно останавливался и где останавливался Вайян, когда приезжал на несколько дней в Париж, я оказался в лифте с человеком, который показался мне необычайно знакомым. Он со мной заговорил, я отвечал смущенно, думал: кто это? Он вышел на третьем этаже, я жил выше. Мальчик-лифтер сказал: «Мне кажется, что вы не узнали мсье Роже Вайяна»... Я тотчас спустился в его номер: «Роже!..» Он, улыбаясь, сказал: «Меня не узнают многие. Я заболел каким-то вирусным бронхитом. Вот уже три месяца... Меня лечили, стали выпадать волосы, вот я и побрил голову наголо».

Его лицо было ярко-красным, как будто он обжегся на тропическом солнце. Голова без привычных волос выглядела другой. Но глаза горели по-прежнему.

Он сказал мне, что чувствует себя лучше, начал новый роман. Хотел поехать в Латинскую Америку — там народы приподымаются, борются... Он заговорил со страстью давнего Роже. Вдруг закашлялся. А когда я уходил, он спросил: «Как ваши цветы? Мы это одинаково понимаем: сеять, пикировать, они растут, цветут, потом умирают». Помолчав, он добавил: «Помните лягушек в яме?..»

Элизабет сказала Любе, что Роже дотянет только до весны — у него рак легких; ни врачи, ни она ему об этом не говорят.

Он, наверно, не хотел выпытывать медицинскую тайну — знал свою: «Смерть — это жизнь, ее последняя гримаса».

Он умер в мае 1965 года в домике с розами.

* * *

Французы говорят, что дни следуют один за другим и не похожи друг на друга, это можно сказать и про годы. 1956 год ни на что не походил. Обычно я корю себя за легкомыслие, но в ту весну, в то лето чрезвычайно легкомысленными были все, и все надеялись, умные и дураки, честные и бесчестные. Каждый, конечно, на свой лад. Одни надеялись на память, другие на забывчивость. Чересчур много было надежд, и длинные трудные разговоры о прошлом неизменно кончались улыбками. Роже Вайян плакал, что был не на склонах Олимпа, а в театральном зале. Что касается нас, то эту трагедию мы не смотрели, мы в ней играли, и мы не плакали.

Конечно, жизнь продолжалась, люди работали, влюблялись, расставались, болели. В тот год умерли Фадеев, Брехт, Ирэн Жолио-Кюри. Но цифра «1956» мне кажется абстрактной: трудно объединить быстро сменявшиеся события, и мне хочется написать о том времени, не следя за нитью повествования, чтобы напомнить читателям о лихорадочном состоянии, в котором находились я, мои друзья и знакомые.

Ранней весной в Стокгольме собралась очередная сессия Всемирного Совета Мира, и я убедился, что чрезмерный оптимизм был болезнью, свойственной не только моим соотечественникам. Все говорили о разоружении. Итальянский сенатор Корона, близкий к Ненни, утверждал, что в борьбе за разоружение можно объединить все миролюбивые силы. Выступавшие, в том числе китайский министр водного хозяйства, говорили то же самое, и все друг другу улыбались.

В мае Фадеев покончил с собой. Москва полнилась слухами: хотели разгадать, почему человек с железной волей вдруг выстрелил в себя. Рождались фантастические версии. В сообщении собирались указать, что Александр Александрович выстрелил себе в грудь в состоянии запоя; между тем писатели знали, что последний месяц он не выпил ни одной рюмки; некоторые запротестовали, М. С. Шагинян куда-то звонила, угрожала, что последует примеру Фадеева. В итоге газеты, сообщив о его хронической болезни, не попытались объяснить самоубийство состоянием опьянения.

Я стоял с другими в Колонном зале у гроба. Когда человек умирает, перестаешь думать о том или ином его поступке, он вдруг встает во весь рост, и мне было тяжело, что от нас ушел большой писатель. Эта смерть как бы врезалась тенью в ту весну, когда почти все люди, с которыми я встречался, были настроены радужно.

А. Е. Корнейчук сказал мне, что нам нужно посоветоваться с Н. С. Хрущевым по некоторым вопросам, связанным с расширением Движения сторонников мира; он добавил, что Никита Сергеевич хочет познакомиться со мной. Деловая сторона разговора заняла четверть часа, и я хотел было встать, когда Хрущев заговорил о моей «Оттепели». Он сказал, что случайно прочитал мою повесть, не во всем со мной согласен, а потом добавил: «Не знаю, почему они на вас накинулись?.. Вероятно, из-за заглавия. А заглавие хорошее...» (Я не спросил Никиту Сергеевича, кого он имеет в виду, говоря «они».) Потом Н. С. Хрущев начал рассказывать про Сталина, рассказывал он интересно, и многое для меня было новым, но я не хочу об этом писать — разговор был частным. Когда он устал от рассказа (просидели мы у него часа два), я попробовал вступиться за М. М. Зощенко, которого продолжали обвинять в мнимых преступлениях.

Хрущев нахмурился и сказал, что «Зощенко плохо себя ведет»: в Ленинграде нажаловался английским студентам. Тогда я рассказал, что произошло в действительности. В Советский Союз приехала делегация какого-то союза английских студентов; может быть, они хорошо распределяли между товарищами стипендию и разбирались в хоккее или футболе, но общий культурный уровень их был невысок. Однако в Москве они захотели побеседовать с С. Я. Маршаком и мной. Меня долго уговаривали, наконец я согласился и пошел в Союз писателей. Разговаривали студенты отнюдь не по-джентльменски. Я отвечал резко, а Самуил Яковлевич астматически дышал. Меня возмущало, что двух далеко не молодых писателей уговорили прийти и отвечать на вопросы развязных юнцов. Потом студенты отбыли в Ленинград и там потребовали встречи с Зощенко. Михаил Михайлович пытался отнекиваться, но его заставили прийти. Один из студентов спросил его — согласен ли он с оценкой, которую ему дал Жданов. Зощенко ответил, что Жданов назвал его «подонком» и что он не мог бы прожить и одного дня, если бы считал это правильным. Так была создана скверная версия — «Зощенко нажаловался англичанам».

Н. С. Хрущев не дипломат, и, глядя на него, я сразу понял, что он мне не верит, да он и сказал: «У меня другая информация...» Я ушел с горьким привкусом: намерения у него хорошие, но все зависит от «информации» — кого он слушает и кому верит.

В начале лета в Москву приехал бразильский архитектор с письмом от моего друга Жоржи Амаду. Его хорошо приняли, он увидел все то, что может увидеть иностранный турист. Он долго со мной беседовал, спрашивал, что думают о XX съезде обыкновенные советские люди. На следующий день в одной из районных библиотек должна была состояться читательская конференция о моей «Оттепели». Я дал молодой переводчице билет и сказал, чтобы она не говорила, кто с ней: «Сядьте в уголок и переводите шепотом, на ухо».

Конференция была интересной; люди, не попавшие в зал, толпились на улице возле раскрытых окон. Выступавшие рассказывали о том, что пережили, говорили о больших переменах и об еще бóльших надеждах. Помню, как все насторожились, когда слово попросил милиционер в форме. Он сказал, что хочет выступить как читатель, и растрогал всех, рассказав, что стоял на посту на Красной площади, когда подошел старый большевик, вернувшийся с Колымы, и попросил помочь ему дойти до Мавзолея: «Он, товарищи, знал Ильича, вот что...»

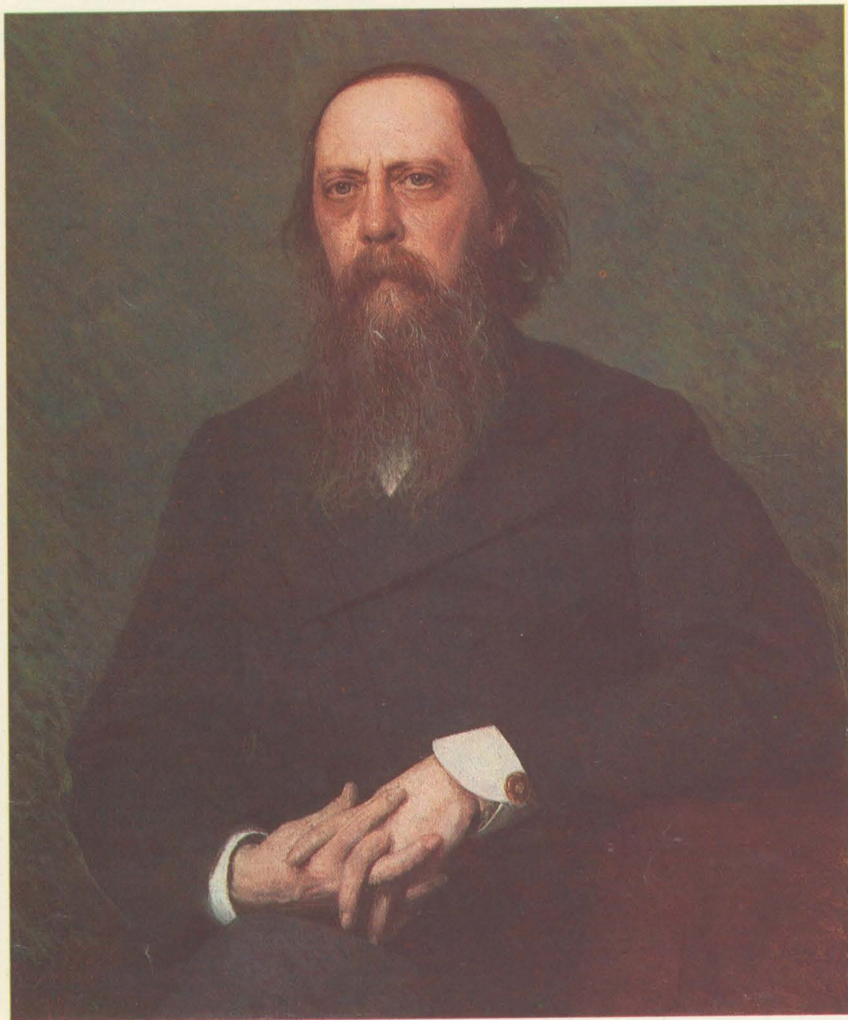
В углу сидели красивая женщина и молодой человек, они все время о чем-то шептались. Им начали посылать записки: «уходите», «здесь не место для любовных объяснений», «хватит, убирайтесь!» Когда конференция кончилась, я увидел на улице бразильца и переводчицу, окруженных толпой. Я бросился к ним, объяснил, что пригласил бразильца, а это — его переводчица, и люди, только что грозившие избить рослого парня, начали его обнимать. А он благодарил меня: за один вечер он многое понял.

В конце июня я поехал в Париж на Бюро Всемирного Совета Мира. Все только и говорили, что о докладе Хрущева. Я не понимал почему — для меня это было давней историей. Только на следующее утро я узнал, что газета «Ле монд» напечатала текст доклада. Большинство людей, с которыми я встречался, ужасались прошлым, но верили в будущее. Были и другие, один даже сказал мне: «Это закамуфлированный термидор!» [1].

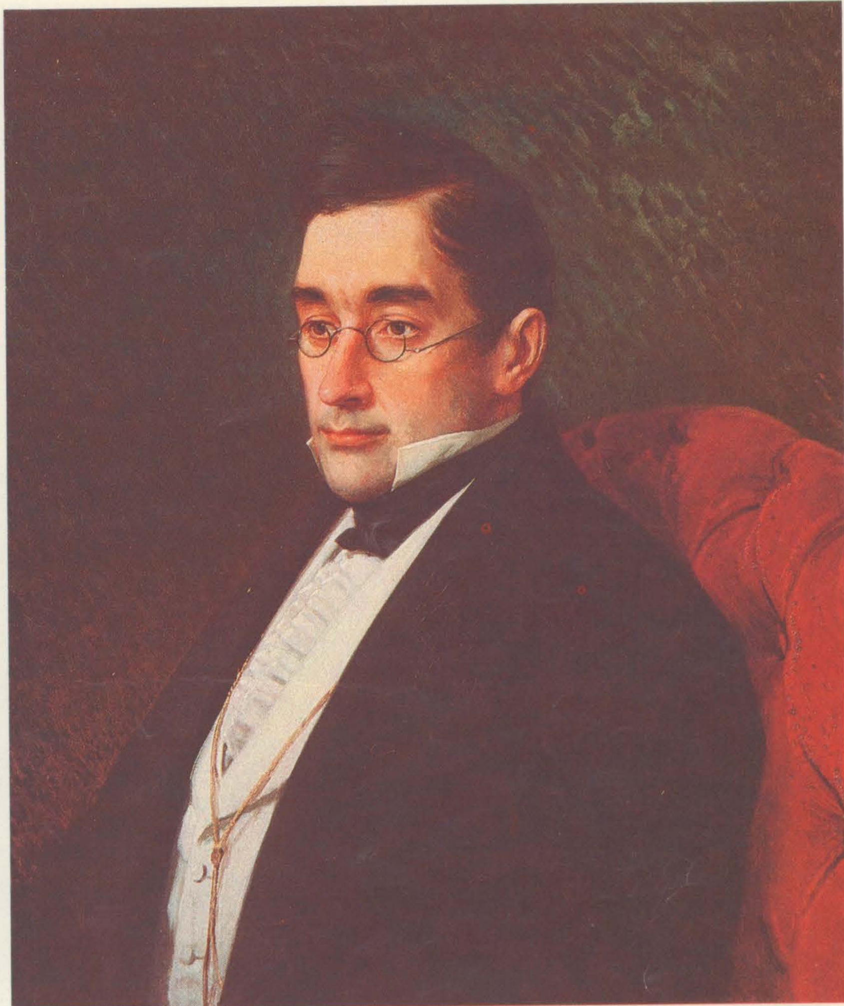
Жолио-Кюри держал себя умно и сумел объединить участников сессии: необходимо добиться сближения всех миролюбивых сил. В декларации говорилось: «...Всемирный Совет Мира будет постоянно искать контакта со всеми организациями, работающими для дела мира. Он стремится вступить в диалог с этими организациями и предпринять с ними некоторые совместные действия на основе уважения особенностей и позиций каждого участника. Совет Мира считает, что такая деятельность должна проводиться в условиях полной независимости по отношению к правительствам и политическим партиям и единственно на пользу делу мира. Совет Мира предпримет, со своей стороны, все преобразования и изменения, способные облегчить такие совместные действия». Мы брали на себя серьезное обязательство, это было, кажется, единственной попыткой обновить и расширить движение. Однако четыре месяца спустя изменилась не только международная обстановка, но и позиция многих участников сессии.

Когда я вернулся в Москву, ко мне пришли сотрудники «Литературной газеты» и предложили написать о стихах Бориса Слуцкого. «Наш редактор в отпуску, и мы статью напечатаем». Я написал небольшую статейку, и ее напечатали. Я говорил о «гражданственности» поэзии Слуцкого, он писал о минувшей войне, о связистках и пленных, о трудной жизни и героизме народа, без ура-барабанов и без сентиментальности. «Называя поэзию Слуцкого народной, я хочу сказать, что его вдохновляет жизнь народа, его подвиги и го-

[1] Имеется в виду термидорианский переворот во Франции, свергший якобинскую диктатуру и положивший конец Великой Французской революции.

ПОРТРЕТ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА. 1879.

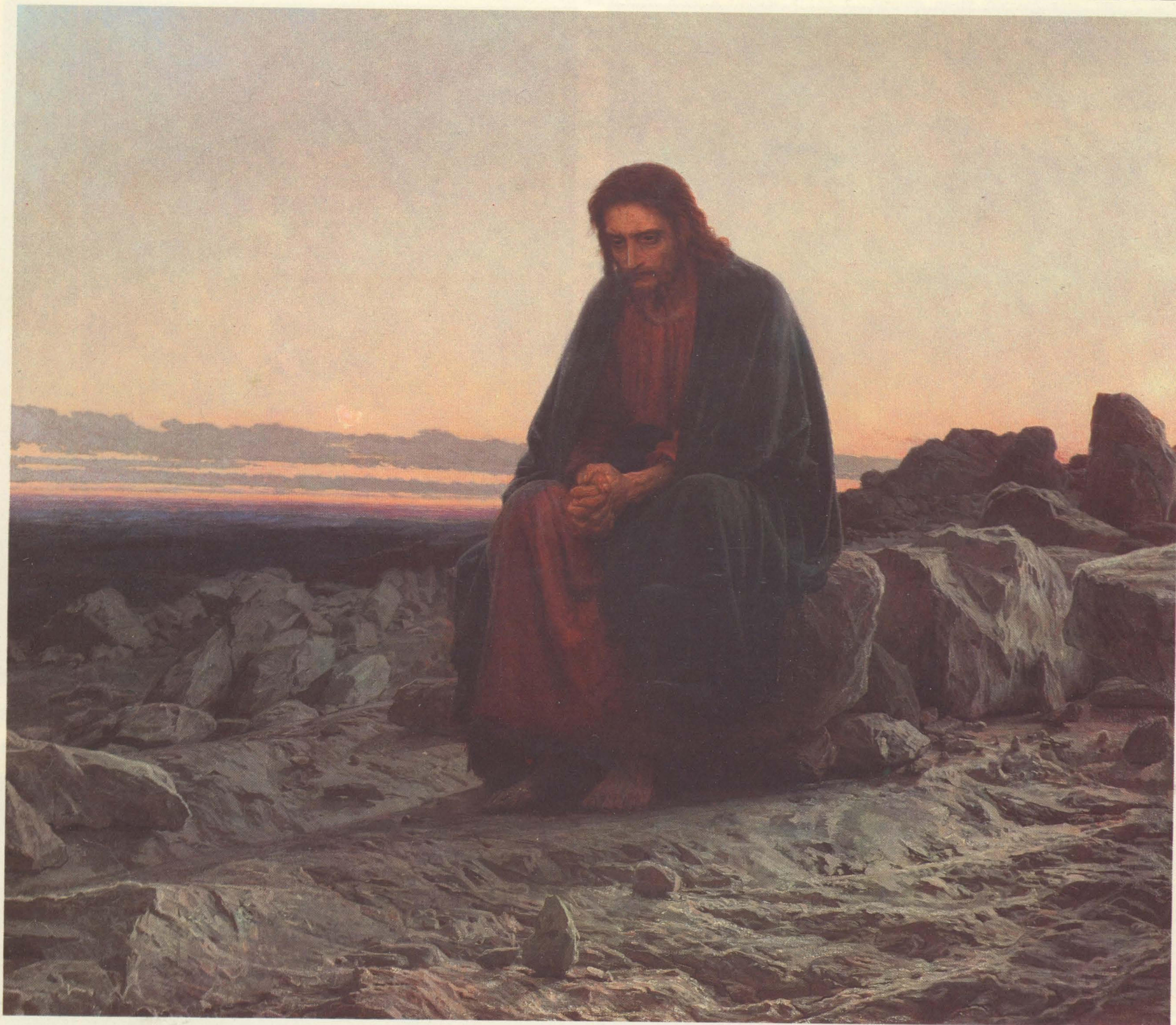

ПОРТРЕТ А. С. ГРИБОЕДОВА. 1873.

«НЕ УСТУПАТЬ НИ ШАГУ ЗЛУ...»

Начало см. на стр. 8.

РУСАЛКИ. 1871.

ХРИСТОС В ПУСТЫНЕ. 1872.

стого (1873). В Толстом Крамского живет предельное ощущение конфликтности жизни, но нет какого бы то ни было разлада с нею, нет рефлексии. С силой, почти равною толстовской, художник понял и передал владевшее Толстым чувство единства с жизнью. М. Е. Салтыков-Щедрин в портрете 1879 года предстает, напротив, в состоянии открытого и вызывающего противостояния действительности. Его фигура энергично выступает вперед на резком, звенящем фоне; взгляд требовательно, в упор обращен на зрителя, исполнен грозной духовной силы. В своей убежденности, способной смести любые возражения, в своем неистовом темпераменте он готов атаковать всякого, кто решится вступить с ним в спор.

Искания Крамского в 1880-е годы направлены к достижению все большей объективности и своеобразной уравновешенности психологических характеристик. Он видит теперь задачу портретиста в том, чтобы, подобно, как он сам говорил, строгому ученому, «объективно, спокойно и точно наблюдать и принимать выводы из данных, каковы бы они ни были». В позднем Крамском органически соединяются новатор и традиционалист. Ощущая свою связь с прошлым и будущим искусства, он сознательно берет на себя роль хранителя высоких художественных принципов, призывает «уважать культуру». Своеобразный традиционализм позднего Крамского не означает поворота к академизму. Опираясь на старых мастеров, он идет к новым и смелым живописным решениям.

Крамской вновь обращается к созданию больших, обобщающих полотен. Чем более напряженным и горьким становится его душевное самочувствие, тем с большей настойчивостью он тяготеет к светлым началам бытия. Существенно, что в трех главных картинах Крамского 1880-х годов — «Лунная ночь», «Неизвестная» и «Неутешное горе» — выражение общечеловеческого оказывается связано с воплощением женских образов.

Неясность сюжета «Неизвестной» (1883) повела к взаимоисключающим толкованиям картины, нередко противоречащим логике творчества Крамского. Быть может, ни в одной его картине человек не присутствует на холсте с такой дразнящей несомненностью и в то же время не остается столь внутренне загадочен и закрыт для зрителя. Это не интригующая недосказанность светской хроники; героиня Крамского не та таинственная незнакомка, которая, как писал один из современников, назавтра раскроет свое инкогнито, появившись в ложе Михайловского театра. «Неизвестная» как бы воплощает реальность присутствия идеала в жизни и одновременно его непостижимость.

«Неутешное горе» (1884) — последняя по времени создания большая картина Крамского, навеянная тяжелыми личными переживаниями, смертью двух младших сыновей. Крамской пишет «тишину высказывания» материнского горя. Сдержанность его застывшей героини — не слабость и не смирение. Подобно «Христу в пустыне», «Неутешное горе» — картина о том, как много сил требуется человеку, чтобы продолжать жить.

Значение Крамского ныне общепризнано. Однако представления о нем нередко оказываются хрестоматийно упрощенными. Круг его произведений, известных широкому зрителю, обидно ограничен. Можно надеяться, что выставка, организованная к 150-летнему юбилею художника, подвигнет к более углубленному прочтению Крамского — одного из всенародно известных и в то же время остающегося одним из самых трудных для постижения русских мастеров XIX века. Современному зрителю, воспитанному на художественных исканиях XX века, по сути дела, необходима некоторая внутренняя переориентация, чтобы постигнуть его принципиально сдержанный художественный язык.

Крамской неизменно видел задачу искусства в том, чтобы оно приходило на помощь человеку в моменты душевных испытаний, даровало ему «успокоение и крепость для продолжения того, что называется жизнью». Этим определяется сдержанное достоинство его искусства. Этим убеждением питалось самосознание художника, знающего, что он выполняет свой долг, и в то же время несущего в себе ощущение скромности своего профессионального дела как одного из многих дел, которое совершается на земле человеком.

Яков БРУК,
кандидат искусствоведения

ре, его тяжелый труд и надежды, его смертельная усталость и непобедимая сила жизни». Я вспоминал музу Некрасова, оговаривая: «Я не хочу, конечно, сравнивать молодого поэта с одним из самых замечательных поэтов России. Да и внешне нет никакого сходства...» Я удивлялся, почему не издали книги Слуцкого, почему печальное стихотворение о военном транспорте с лошадьми, потопленном немцами, напечатал только журнал для детей «Пионер». Кончал я статью словами надежды, продиктованными годом: «Хорошо, что настало время стихов».

Редактор вернулся из отпуска, и десять дней спустя в газете появилась статья, подписанная преподавателем физики одной из московских десятилеток. По своей специальности автор статьи мог не разбираться в поэзии да и в родном языке; но, будучи, видимо, человеком, достаточно уверенным в себе, он обвинял Бориса Слуцкого в дурном мастерстве и даже в незнании русского языка. Он возмущался моей статьей: «Совершенно неясно ваше утверждение о том, что народный поэт должен воспевать и какую-то «смертельную усталость» народа. Ее, этой самой «смертельной усталости», я не замечаю ни у себя, ни у окружающих меня людей».

Статья была написана в хорошо мне знакомом тоне и подана под заголовком «Читатели о литературе». Это также не было новым: при Сталине, когда хотели очернить писателя, печатали индивидуальные или коллективные отзывы то учителей, то кочегаров, то агрономов.

В конце сентября я поехал в Венецию на ассамблею «Европейского общества культуры» и там прочитал доклад «О некоторых чертах советской культуры». «Общество» мне показалось несколько провинциальным. Его душой был итальянский профессор Умберто Кампаньоло. В своем докладе он говорил о культурной политике, говорил на том языке, на котором изъяснялись почти все участники ассамблеи. (В частных беседах все они, будь то философы, юристы или социологи, говорили куда проще.) Многие возражали Кампаньоло, говорили о том, как понимали слово «политика» Платон и Аристотель, надлежит ли применять категории Канта к морали современного общества. Кампаньоло тотчас отвечал каждому. Потом началось обсуждение влияния колониализма на культурную политику; здесь дебаты стали куда яснее: некоторые профессора защищали колонизаторов; в Индии они помогли борьбе с эпидемиями, а в Африке открыли первые университеты. Колониализм все же осудили. Прения после моего доклада были мирными — даже люди, настроенные антисоветски, старались говорить вежливо — такова была политическая погода.

На ассамблее я встретил двух моих приятелей: французского писателя Клода Руа и немецкого поэта Стефана Хермлина. Клод Руа был тогда коммунистом и после XX съезда потерял душевное равновесие. Напрасно я пытался его урезонить, он меня измучил своими мучениями. Хермлин был спокоен, поехал со мной во Флоренцию, в Рим; древности Италии ему, кажется, представлялись более актуальными, нежели события минувшей весны.

После конца заседаний я бродил по улицам Венеции. Это удивительный город — в нем нет автомобилей. Ночью кошки поедают рыбьи отбросы, дерутся, отчаянно мяукают. Зеленоватые тона пробираются в комнаты, даже в зрачки глаз. Венецианцы, члены Общества дружбы с Советским Союзом, пригласили меня провести с ними вечер. Я поделился с ними своим оптимизмом. А в моей голове засели стихи Мандельштама, написанные когда-то в Коктебеле:

...Адриатика зеленая, прости,
Что же ты молчишь, скажи, венецианка,
Как от этой смерти праздничной уйти?

Заключительное заседание ассамблеи состоялось в Падуе. Я впервые увидел этот город и долго простоял перед фресками Джотто. Подражать им нельзя: у человечества другой возраст, но удивительно, как не стареют произведения искусства — фрески Джотто написаны в начале XIV века — с тех пор многое изменилось, а живопись восхищает нас, как некогда восхищала паломников.

Несколько дней в Риме прошли в беседах — Моравиа, Карло Леви, Пратолини, Малапарте, Унгаретти, обеды и ужины, споры о корнях слов и о фактуре живописи, словом, все, без чего я не мог провести дня в каком-либо европейском городе. А здесь еще предстояло серьезное политическое объяснение: когда я был в июне у Жолио, он мне говорил, что итальянские социалисты собираются покинуть Движение сторонников мира, просил поговорить с ними, когда я буду в Италии. Джанкарло Пайетта, когда я сказал, что хочу повидаться с Ненни, усмехнулся: «Что ж, попробуйте...»

Ненни жил в новом доме; на стене большой комнаты висела картина, написанная итальянцем, видимо, разделявшим эстетические концепции А. М. Герасимова. Впрочем, о живописи мы не говорили: с Ненни трудно было беседовать о чем-либо, кроме политики. Он человек обходительный, приятный, но политик с головы до ног. Впервые я увидел его в Испании в годы гражданской войны, а потом, начиная с 1949 года, мы встречались часто на различных заседаниях и конгрессах мира. Он умел прекрасно выразить сбивчивые выступления разноплеменных сторонников мира, а председателя лучше я не видел — он вежливо, но категорически обрывал словоохотливых людей, жаждавших повторить давно известные истины.

Ненни сначала пожаловался мне, что Москва не понимает его позиций, а потом сказал, что времена меняются, социалистам с коммунистами не по пути и он хочет добиться объединения с социал-демократической партией Сарагата. О своих будущих партнерах он говорил далеко не благожелательно, но поскольку речь шла о браке не по любви, меня это не удивило.

Когда он выложил все, я сказал, что влечение к социал-демократам никак не может помешать дальнейшему участию итальянских социалистов в борьбе за мир. Ненни обещал подумать и предложил мне на следующий день пообедать с ним.

Меня повезли по старой Аппиевой дороге, и, глядя на изумительный пейзаж, я чуть было не забыл, какой разговор мне предстоит.

В ресторане оказались Ломбарди и Мартино. К моему удивлению, Ненни оказался самым сговорчивым, он упомянул о последней резолюции Бюро Всемирного Совета, указывающей на необходимость реорганизации движения, и посоветовал Ломбарди поехать на очередную сессию. Ломбарди не верил в реорганизацию, но согласился. Я считал, что дело сделано, и на обратном пути в Рим спокойно любовался древностями. Осень в Риме была не золотой, а серебряной — цвета олив и пахла чайными розами.

Я задержался на несколько дней в Париже и вернулся в Москву незадолго до выставки Пикассо. Еще весной при ВОКСе организовали «Секцию друзей французской культуры», меня выбрали ее председателем. Выставка Пикассо была одним из первых мероприятий секции. Организовать ее было нелегко. Кроме картин, имевшихся в Эрмитаже и в Пушкинском музее, Пикассо прислал нам сорок новых холстов. Художественными делами тогда еще ведал А. М. Герасимов, и он пытался воспрепятствовать выставке. Но 1956-й не походил на 1946-й, и выставка открылась.

На вечере, посвященном семидесятипятилетию Пикассо, скульптор Коненков огласил послание художника: «Я давно сказал, что пришел к коммунизму как к роднику и что все мое творчество привело меня к этому. Я рад, что выставку, включающую мои последние работы, увидит в Москве широкая публика. Я часто получал письма из Москвы, в том числе письма от художников. Пользуюсь случаем, чтобы выразить им свою любовь...»

В перерыве приятель рассказывал мне, что на выставке шумно, вызывали даже милицию. Один из посетителей кричал: «Это не искусство, а мазня, шарлатанство!» Его пробовали унять, но он продолжал шуметь. Тогда молодые люди его выбросили вон.

Впрочем, все это было присказкой, сказка была впереди.

* * *

День открытия выставки Пикассо совпал с первыми сообщениями о событиях в Венгрии. По газетам трудно было понять, что там происходит. 24 октября ТАСС сообщило: «На собрании венгерского ЦК первым секретарем переизбран Эрне Гере. Политбюро назначило премьер-министром Имре Надя. Жизнь постепенно входит в нормальную колею».

25 октября. «Янош Кадар сменил Эрне Гере на посту первого секретаря». «Порядок восстановлен».

26 октября. «Объявлена амнистия всем участникам вооруженной борьбы, которые сложат оружие». «Сегодня снова вышли газеты».

27 октября. «Как указал в своем выступлении премьер-министр Имре Надь, в борьбе против фашистских элементов принимают участие, наряду с венгерской армией, советские войска, дислоцированные в Венгрии». «Составлено новое правительство».

28 октября. «Ночь прошла спокойно». «Отдан приказ, запрещающий открывать огонь».

29 октября. «Жизнь постепенно входит в нормальную колею».

30 октября. «В некоторых районах города происходит перестрелка. В тех же районах, где спокойно, население включается в деловую жизнь города». «Имре Надь заявил, что возглавляемое им правительство реорганизуется на основе коалиции демократических партий».

31 октября. «Советские войска выведены из Будапешта». «К вечеру жизнь в городе стала оживляться».

1 ноября. «Вышла газета «Кишуйшаг» — орган независимой партии мелких сельских хозяев». «В Будапеште открыты все продовольственные магазины».

2 ноября. «Промышленные предприятия продолжают бездействовать. Закрыты школы, театры, магазины, музеи, стадионы».

4 ноября. «Воззвание к венгерскому народу Революционного рабоче-крестьянского правительства. 23 октября в нашей стране началось массовое движение, благородной целью которого явилось исправление антипартийных и антинародных ошибок, совершенных Ракоши и его сообщниками, защита национальной независимости и суверенитета. Слабость правительства Имре Надя и растущее влияние контрреволюционных элементов, проникших в движение, поставили в опасность наши социалистические завоевания... Премьер-министр Янош Кадар».

Я слушал передачи из Парижа, Лондона. Они были пространны, но, разумеется, тенденциозны. «Дух Женевы» сразу выдохся. Соединенные Штаты считали, что народные демократии распадаются. «Свободная Европа», работавшая в Мюнхене, день и ночь науськивала, обещала военную помощь Запада, призывала покончить с коммунизмом. Кардинал Миндсенти требовал возвращения церкви монастырских угодий и от теологии легко переходил к политике. В Венгрию начали прибывать эмигранты. Через Австрию переправляли оружие сторонникам Хорти, совершались самосуды, о каждом убитом коммунисте говорили, что он охранник. За двое суток родилось семьдесят политических организаций. Лишенное авторитета правительство не могло действовать: никто не выполнял его приказов.

Я не собираюсь дать исторический анализ событий 1956 года, не обладаю нужными данными, да это и не входит в рамки моей книги. Для меня было ясно, что в Венгрии, как в Польше, накопилось много недовольства: пришлось платить по счетам сталинской эпохи. В Польше оказался человек, сочетавший большой престиж с не меньшей волей. Ему удалось удержать народное волнение, обеспечить права Польши и закрепить ее верность социалистическому лагерю. Имре Надь не обладал ни авторитетом Гомулки, ни его волей. Он то призывал советские войска, то требовал их вывода, не мог остановить самосуды, признал политические партии, враждебные социализму, и, наконец, объявил о выходе Венгрии из Варшавского блока, а это означало бы коренное изменение сил в центре Европы.

Трагедия многих рабочих Венгрии в том, что, возмущенные режимом Ракоши и Гере, они вышли на улицы, боролись с оружием в руках за чуждые им цели.

Ноябрь 1956 года был, кажется, самым трудным месяцем в моей жизни: чересчур было горько расплачиваться за чужие грехи.

Я побывал в Будапеште в 1964 году. Люди свободно разговаривали; в книжных магазинах было много переводов и западных авторов, и наших; каждый мог получить заграничный паспорт. Осенью 1963 года я встретил на ленинградском симпозиуме писателя Тибора Дери. Он просидел некоторое время в тюрьме, потом его освободили. Он побывал в Париже. Выступая на симпозиуме, он сказал, что в прошлом не сожалеет ни о чем. Лукач работает в Будапеште, его книги издаются. Юлиус Гай, которого я знал в Москве, уехал на Запад. А молодые писатели, с которыми я встречался, спорили о том же, о чем спорят их сверстники в Праге, в Москве, в Варшаве.

Вернусь к осени 1956 года. Воспользовавшись сумятицей, Израиль, а тотчас за ним Англия и Франция напали на Египет. Англо-французская авиация бомбила египетские города, израильская армия заняла Газу. Соединенные Штаты в ООН осудили агрессора. Советский Союз потребовал немедленного прекращения военных действий. 7 ноября кровавая затея была остановлена.

2 ноября мне позвонил в Новый Иерусалим П. Н. Поспелов [1], сказал, что он и Л. М. Каганович хотят срочно со мной побеседовать. Я ответил, что у меня нет машины. Поспелов сказал, что машину тотчас пошлют, и три часа спустя я оказался в ЦК. Кагановича не было. Поспелов сказал,

[1] П. Н. Поспелов (1898—1979) — советский государственный и партийный деятель. В 1953 — 1960 годах — секретарь ЦК КПСС.

что он ушел час назад — у него срочные дела, но он поручил Поспелову побеседовать со мной.

Я думал, что разговор будет о Венгрии, Петр Николаевич, однако, показал мне текст обращения, протестующего против нападения израильских войск на Египет. Меня удивило, что речь шла почти исключительно об Израиле, Англия и Франция упоминались мимоходом. Я сказал об этом Поспелову. Петр Николаевич, несколько стесненный, объяснил мне: по мнению Кагановича, с которым он согласен, воззвание должно быть протестом советских граждан еврейского происхождения против действий Израиля. Потянуло февралем 1953 года. Я сказал Поспелову, что я не больше отвечаю за Бен Гуриона, чем он, и охотно подпишу этот текст, если он, советский гражданин русского происхождения, его подпишет.

Воззвание было опубликовано в «Правде» 6 ноября. Инициатор Л. М. Каганович своей подписи не поставил, но подписали текст тридцать два человека, среди них журналист Заславский, писатель Натан Рыбак, академик Минц и другие.

Секретарь Поспелова вызвал машину, которая должна была доставить меня в Новый Иерусалим. Водительница, узнав, куда меня нужно везти, воскликнула: «Не поеду!»—и добавила: «Боюсь одна возвращаться...» (В это лето было несколько случаев бандитских нападений на шоферов.) Я сказал, что попрошу другую машину, она вдруг запротестовала: «Да я вас отвезу. Просто разнервничалась...» Когда мы выехали из Москвы, она сказала: «А как тут не нервничать? Ведь что делают — людей убивают, рабочих...» Я решил, что она возмущена бомбежками Суэца. Она усмехнулась: «Да я про другое... Капиталисты иначе не могут. Я про наших... Что в Венгрии делается?» Она минуту помолчала, а потом снова заговорила: «Вот объясняют, что виноват Ракоши. А я его во время войны возила. Знаете, у меня грудного ребенка убили. Осколок бомбы... Он у меня на руках был... Я от горя с ума сошла, не ела ничего, не спала. Вот кто-то из шоферов мне сунул в рот папиросу. Я затянулась, и легче стало — туман в голове. Начала курить. Ракоши от кого-то услышал про мою историю и, когда получал папиросы, половину давал мне. Он со мной вежливо разговаривал, не как наши... А выходит, что рабочие его не захотели. Мне один из отдела рассказывал, что большой завод против нас. Ничего я не понимаю, голова кругом идет!..»

Шла голова кругом и у меня.

18 ноября в Хельсинки состоялось расширенное заседание Бюро Всемирного Совета. Я видел немало сессий и заседаний, происходивших и в трудных условиях, но ничего похожего на то заседание не мог себе представить. Нужно было сохранить единство движения, хотя приехавшие не только по-разному рассматривали венгерские события, но неприязненно поглядывали друг на друга. В западных странах чуть ли не ежедневно происходили антисоветские демонстрации. Я знал, что Эррио, Мориак и Сартр вышли из Общества франко-советской дружбы. 18 ноября рано утром ко мне пришел д'Астье. Я позвал Корнейчука. Д'Астье сказал, что необходимо предотвратить раскол, предложил компромиссную формулу. Мы посоветовались и решили согласиться.

Началось длительное и хаотическое обсуждение венгерских событий. Итальянские социалисты требовали решительного осуждения Советского Союза. Австралийцы их поддерживали, но в более мягкой форме. Были и другие представители Запада, которые осуждали советское вмешательство. Бог ты мой, сколько пылких речей и гневных реплик я выслушал! Мы пообедали, а вечером поужинали в том же помещении. Настала ночь, споры разгорались. Наконец в восемь часов утра мы проголосовали единогласно за резолюцию, которую составил д'Астье: вот абзац, где шла речь о том, что нас разделяло: «Совещание обсудило прискорбные события в Венгрии. Совещание признает, что как во Всемирном Совете, так и в национальных движениях за мир по этому вопросу существуют серьезные разногласия и есть противоположные концепции, что не позволяет сформулировать общую оценку. Несмотря на эти расхождения, совещание единогласно признало, что первой причиной венгерской трагедии были, с одной стороны, «холодная война» с долгими годами ненависти и недоверия, политика блоков и, с другой стороны, ошибки предшествующих правителей Венгрии и использование этих ошибок зарубежной пропагандой. Совещание единодушно сожалеет о трагическом кровопролитии в октябрьские и ноябрьские дни и выражает венгерскому народу в этих испытаниях свою братскую симпатию...»

Итальянские социалисты не участвовали в голосовании — они приехали, чтобы обосновать свой уход из Движения. Все остальные проголосовали за текст д'Астье — и советские делегаты, и польские, и австралийские, и генерал Карденас, и Марк Жакье, и Китчлу.

Когда я возвращался в гостиницу, было темно. Блистала огнями большая предрождественская елка. Финны шли в банки, в учреждения, в магазины. Я заказал в гостинице кофе. Не хотелось спать, да и трудно было себе представить, как провести день в этом чужом городе. На столике стояла нелепая ваза начала нашего века, в нее милая секретарша финского комитета мира поставила две хризантемы. Ваза была с трещиной, скатерка оказалась промокшей. Я сидел и думал: что-то изменилось не только в нашем движении, но и в каждом из нас.

Мысли путались — от усталости и от глубокой невыразимой печали. Я понимал, что Венгрия — расплата за прошлое, но она стала преградой к будущему, и в то утро мне казалось, что преграду не сломить.

Мне повезло, я на час задремал: можно было не думать.

Когда я вернулся в Москву, я увидел в «Литературной газете» письмо: ответ советских писателей французским. Текст мне не очень понравился — был пространным и порой недостаточно убедительным. Однако шла война, и рассуждать о том, что мы обороняемся не тем оружием, было глупо. Вместе с Паустовским и другими писателями я присоединился к письму.

Я видел имена французских, итальянских писателей под различными обращениями, связанными с событиями Венгрии: Сартр, Клод Руа, А. Шамсон, Симона Бовуар, Моравиа, Пратолини, Битторини, Вайян, Веркор, Ж. Мадоль, Моруа, Ж. Превер, Клод Морган, Кассу, Доменак, Пьер Эммануэль и другие протестовали против действий Советского Союза; среди них были и наши вчерашние союзники, и люди умеренных воззрений, еще вчера стоявшие за расширение культурных связей, мои друзья, и лица, которых я едва знал. После оттепели, показавшейся не только мне, но и миллионам людей началом весны, наступали заморозки. Я пытался сделать все, что мог, для того, чтобы помешать возобновлению «холодной войны». 1 декабря «Литературная газета» поместила мое «Письмо в редакцию», я кончал его словами: «Мне кажется, нужно уметь отделить наших друзей, которые в том или ином вопросе расходятся с нами, от людей, призывающих к разрыву с Советским Союзом и с коммунистами. Некоторые круги Запада теперь стремятся возродить климат «холодной войны» и разъединить деятелей культуры, преданных делу мира и прогрессу. Я считаю, что в наших интересах, в интересах мира сделать все, чтобы этому воспрепятствовать».

Еще летом я предложил от имени «Секции друзей французской культуры» писателю Веркору привезти в Москву выставку современной художественной репродукции. Веркор, как я упоминал, подписал один из протестов. Он думал, что мы отложим выставку до лучших времен. Я предложил ему, наоборот, ускорить свой приезд в Москву и открытие выставки. Он согласился. Обмен письмами был опубликован во Франции и у нас.

Жолио-Кюри решил собрать в Париже вице-президентов Всемирного Совета Мира — обсудить, что дальше делать. Французское правительство дало визу Корнейчуку, а меня в Париж не впустили. Видимо, боялись не жесткости, а мягкости.

Зимой тоскливо просыпаться по утрам в маленьком домике, сдавленном сугробами. Ни куцые, кругом никого, только синицы и воробьи прилетают, соблазненные крошками хлеба. Я вылечился от недавнего простодушия: понял, что понадобятся долгие годы, может быть, десятилетия, прежде чем мы окончательно растопим огромные льдины «холодной войны», прежде чем у нас весна войдет в свои права. Я думал, что вряд ли до этого доживу, но этим нужно жить, за это бороться.

Продолжение следует.

Публикация Ирины ЭРЕНБУРГ.

БУДЕМ ТЕ

В конце минувшего года («Огонек» № 49) мы опубликовали письмо читателя из Вологды А. Яснова. Оно появилось под заголовком «Раскрепостить мужчин и... ограничить женщин», по поводу женской эмансипации. Можно было предположить, что тема, предложенная автором к обсуждению, вызовет противоречивые мнения. Публикуем несколько откликов из сотен, пришедших в редакцию.

НА РАСПУТЬЕ

Я во многом солидарен с автором статьи «Раскрепостить мужчин и... ограничить женщин». Только напрасно он предрекает беду. Все, что могло произойти страшного,— уже произошло. Общество пожинает горькие плоды эмансипации. Семья переживает кризис. Разводы стали приметой нашего времени. Женщины переняли все мужское с устрашающей быстротой. Манеры, стиль поведения, одежду. И в новом качестве почувствовали себя полноправными хозяйками. Хорошо, если внешние атрибуты не заслоняют такта, культуры, чуткости. А если душа пуста? Отравлена сигаретным дымом и винными парами?

Недавно посмотрел художественный фильм «Прости». Главная героиня, которую играет Н. Андрейченко,— как раз яркий образчик современной эмансипированной женщины. Ироничная, самоуверенная, подчас бесцеремонная в поведении с сотрудницами по работе, категоричная в суждениях. По-мужски грубоватая. Кажется, ничто ее «не может вышибить из седла». И вдруг сбой, удар судьбы. Муж уличен в прелюбодеянии. Как же ведет себя героиня в этой ситуации? Пытается ли понять, почему муж решился на измену, борется ли за семью? Ничего подобного...

Как вернуть женщинам женственность — вот над чем должны думать сегодня мужчины. Мы говорим: прекрасная половина человечества, подразумевая тех, кто служит нам надеждой и опорой в испытаниях, дарит счастье и веру в себя.

Баку. **Капитан А. Н. СЫРОВ**

ДАВАЙТЕ ВМЕСТЕ ИСПРАВЛЯТЬ НАШИ ОШИБКИ!

Меня тоже взволновали «Заметки провинциала», потому что я и есть тот эмансипированный элемент, который учится в институте, который хочет идеального мужа и который готов «пилить» его за каждый недостаток, но который в то же время поддерживает автора заметок в том, что равноправие зашло слишком далеко, и, подобно автору, хочет видеть наших мужчин сильными, независимыми, самостоятельными, ответственными, а еще внимательными и заботливыми. А еще хочет, чтобы ее носили на руках. А для этого нужно так мало — быть просто женщиной, слабой, нежной, преданной, ведь именно этого так не хватает мужчинам. Тов. Яснов, я вас правильно поняла? Но имею ли я право быть слабой, когда рядом нет сильного? А вдруг агрессивность женщин — это их самозащита?

Мне кажется, что найдутся люди, и их будет большинство, которые обвинят автора в том, что он хочет ограничить женщин. Товарищи, не надо! Я голосую «за». Давайте уступим, уступим при условии, чтобы наши мужчины стали снова рыцарями, а женщины наконец почувствовали себя женщинами. Ведь это противоестественно, когда ты чувствуешь себя каким-то существом среднего рода.

Нам надо стать слабыми, чтобы они стали сильными. Я бы хотела спросить автора, который говорит только о женщинах: что думают мужчины о себе? Может, они, опустив руки, переживая самоуправство жен, плачут от жалости к себе? А может быть, именно им нужно сделать первый шаг? Тогда женщинам будет из чего выбирать: собственная сила и независимость — или муж, за которым как за каменной стеной, и «совет да любовь». Вот, кажется, даже тут я ставлю условие мужчинам, а ведь их надо беречь, как говорят в народе. А не значит ли это снова свалить все на женщин? Так и хочется крикнуть громко, чтоб все услышали: «Товарищи! Будьте взаимно вежливы. Давайте вместе исправлять наши общие ошибки. Девушки и юноши, давайте посмотрим каждый на себя и станем теми, кем должны и кем давно хотим». И я первая готова сбросить с себя спесь, отказаться от «злобы и желчи», преданно посмотреть в глаза и пойти на край света, было бы за кем. Тогда, хочется верить, всем станет хорошо.

Не знаю, произойдет ли страшная беда, о которой предупреждает автор, но я верю в наших мужчин.

ЯМЩИКОВА Марина,
Иркутск. **21 год, студентка 4-го курса**

А ПРОКОРМЯТ ЛИ ОНИ НАС, НАШИ ДОБЫТЧИКИ!

Да, мы стали грамотными. Некоторые — не в меру образованными. Вот сижу за пишущей машинкой и тоже пытаюсь отыграться... Как не вспомнить Некрасова: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!» Это и о нас, современных женщинах, знаменитые строки. Все так же тащим воз, да еще дышим городским вредным воздухом, да работаем с утра до вечера на предприятиях. А на работе — мысли о детях, на воспитание которых времени не хватает до слез.

РПИМЕЕ

Муж мой — ответственный творческий работник. Утром чуть свет — за порог, а домой — только поздно вечером, когда дети спят или такие уставшие, что с ними уже не о чем беседовать. А мои нервы не железные, на самотек пустить нашу жизнь не могу. Стараюсь успеть все: домашние дела, проверить уроки, почитать... Под конец мечтаешь лишь добраться до кровати.

Как я жду выходных и праздничных дней, чтобы в свое удовольствие заняться домом и побыть с детьми! Словно в награду — лес на берегу Иртыша, лыжи, бег, баня. В чем меня ограничивать? Жизнь и так ограничила до предела все уголочки моей свободы. Очень хочу быть женственной, со спокойным и ласковым лицом, плавными движениями, тихим голосом, но я совсем не такая. И мне себя жалко: суета и спешка перевешивают.

Мне кажется, люди были раньше проще и добрее, потому что больше общались. Автор предлагает изменить женскую мораль. А чем нам мужчины помогут? Может быть, у меня особенно теплые и нежные воспоминания о детстве, потому что мама не работала и дома было тепло, вкусно и уютно. Все было спокойно, просто, без надрывов. Мы подросли, выросли, и мама пошла работать, успела пенсию хорошую заслужить и нас вырастить.

А что ждать от наших детей, если, начиная с ясельного возраста, они уже обиделись на меня? Как быть мне спокойной и женственной, если я до сих пор помню, как мой сын рыдал, когда я отрывала его от себя в яслях по утрам. Такая жестокая в его глазах, а вспоминать обо мне так радостно, как я о своей маме, он наверняка не будет. Сейчас Алешенька в третьем классе учится. Он добрый, любит птиц, кошка у нас живет. Но мне он может спокойно нагрубить, я ведь тоже срываюсь по пустякам. Вчера вечером он меня попросил: «Мама, не говори со мной таким голосом». Это значит командным. Я рада просто разговаривать, но успеваю только в основном отдавать приказания. Что делать? Уволиться? Соседка наша не выдержала, ушла с работы. По ее мнению, сыну она нужнее, чем производству. Я завидую ей: не дергается, ее-то муж не обижен на ее «мужеподобную психику», а сын не сделает ей замечания по поводу манеры разговора. Общество же получит полноценного гражданина, поскольку «человеческий фактор» неотделим от семьи.

Требуется помощь мужчин, разрешат ли они нам, некоторым из «загнанных лошадей», посвятить себя лет пятнадцать семье, прокормят ли они нас, наши добытчики?

Писала искренне! Вопрос серьезный, молчали долго! А мужчин мы любим и помним, что вы — защитники наши!

Л. ЧИРКИНА,
инженер-строитель

Омск.

ИЛИ — ИЛИ!

Есть, мне кажется, одна закономерность: если женщина преуспевает на работе, то в делах домашних она обычно безынициативна и ленива. Психология такой хозяйки сориентирована не на семью, она любит ездить в командировки, учиться на каких угодно курсах, предпочитает все то, что уводит ее из дома. При этом она может быть и женственна, но ее женственность нередко оценивается не своим мужем. Она рационально мыслит, но обделена чувством. Такая женщина есть по своей сути несостоявшийся мужчина. Она — горе для семьи, хотя именно этого и не понимает.

Не ограничивать надо женщину, к чему призывает А. Яснов, а жалеть. Жалеть и возвращать в семью, когда это возможно. Всякий раз, читая газетные и журнальные статьи о женщинах-работницах, ловлю себя на мысли: если в тексте заменить имя героини, скажем, Александры Ивановны, на Александра Ивановича, то ничего, кажется, в восприятии материала не изменится. Вот с этого прессе можно бы и начать. Пусть в женщине всегда присутствует и узнается женщина.

С. ИВАНОВ, 41 год, инженер

Кирово-Чепецк Кировской обл.

СЕМЕЙНОЙ СФЕРЕ — ОБНОВЛЕНИЕ!

Согласен со всеми рассуждениями А. Яснова. Будет плохо, если именно сейчас, в атмосфере, когда можно назвать вещи своими именами, мы не осветим семейную проблему, которую привыкли официально подавать как достижение нашего общества. Равноправие! Так почему же все практически судебные процессы решаются в пользу женщины и ущемляют отца в его правах на ребенка? Я не посягаю на права женщин, нет! Но настало время переоценки ее роли в обществе и возвращения к истокам женственности и материнства.

С. АНДРЕЕВ,
30 лет, буровик

Ухта, Коми АССР.

ОТ РЕДАКЦИИ: Публикуя эту подборку писем, мы предлагаем читателям включиться в обсуждение этой важной темы.

Я И СЕМЬЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

САША ЧЕРНЫЙ

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ГЛИКБЕРГ
1880—1932

Блестящее сатирическое дарование, полное желчи и презрения к лицемерию буржуазного общества. Маяковский, без сомнения, многому научился у Саши Черного, и некоторые их стихи близки не только интонационно, но даже по форме. Высшая точка посмертного признания Саши Черного — это создание Шостаковичем музыки на цикл его стихов.

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА

Квартирант сидит на чемодане
И задумчиво рассматривает пол:
Те же стулья, и кровать, и стол,
И такая же обивка на диване,
И такой же «бигус» на обед,—
Но на всем какой-то новый свет...

Блещут икры полной прачки Феклы.
Перегнулся сильный стан во двор.
Как нестройный, шаловливый хор,
Верещат намыленные стекла,
И заплаты голубых небес обещают
тысячи чудес.

Квартирант сидит на чемодане.
Груды книжек покрывают пол,
Злые стекла свищут: эй, осел!
Квартирант копается в кармане,
Вынимает стертый четвертак,
Ключ, сургуч, копейку и пятак...

За окном стена в сырых узорах,
Сотни ржавых труб вонзились в высоту,
А в Крыму миндаль уже в цвету...
Вешний ветер закрутился в шторах
И не может выбраться никак.
Квартирант пропьет свой четвертак!

Так пропьет, что небу станет жарко.
Стекла вымыты. Опять тоска и тишь.
Фекла, Фекла, что же ты молчишь?
Будь хоть ты решительной и яркой:
Подойди, возьми его за чуб
И ожги огнем весенних губ...

Квартирант и Фекла на диване.
О, какой торжественный момент!
«Ты — народ, а я — интеллигент,—
Говорит он ей среди лобзаний.—
Наконец-то, здесь, сейчас, вдвоем,
Я тебя, а ты меня — поймем...»

1909.

ЖИЗНЬ

У двух проституток сидят гимназисты:
Дудиленко, Барсов и Блок.
На Маше — персидская шаль и монисто,
На Даше — боа и платок.

Оплыли железнодорожные свечи.
Увлекшись азартным банчком,
Склоненные головы, шеи и плечи
Следят за чужим пятачком.

Играют без шулерства. Хочется люто
Порой игроку сплутовать.
Да жутко! В миг с хохотом бедного плута
Засунут силком под кровать.

Лежи, как в берлоге, и с завистью острой
Следи за игрой и вздыхай,—
А там на заманчивой скатерти пестрой
Баранки, и карты, и чай...

Темнеют уютными складками платья.
Две девичьих русых косы.
Как будто без взрослых здесь
сестры и братья
В тиши коротают часы.

Да только по стенкам висят офицеры...
Не много ли их для сестер?
На смятой подушке бутылка мадеры,
И страшно затоптан ковер.

Стук в двери. «Ну, други, простите,
к нам гости!»
Дудиленко, Барсов и Блок
Встают, торопясь, и без желчи и злости
Уходят готовить урок.

1910.

МОЙ РОМАН

Кто любит прачку, кто любит маркизу,
У каждого свой дурман,—
А я люблю консьержкину Лизу,
У нас — осенний роман.

Пусть Лиза в квартале слывет недотрогой,—
Смешна любовь напоказ!
Но все ж тайком от матери строгой
Она прибегает не раз.

Свою мандолину снимаю со стенки,
Кручу залихватски ус...
Я отдал ей все: портрет Короленки
И нитку зеленых бус.

Тихонько-тихонько, прижавшись друг к другу,
Грызем соленый миндаль.
Нам ветер играет ноябрьскую фугу,
Нас греет русская шаль.

А Лизин кот, прокравшись за нею,
Обходит и нюхает пол.
И вдруг, насмешливо выгнувши шею,
Садится пред нами на стол.

Каминный кактус к нам тянет колючки,
И чайник ворчит, как шмель...
У Лизы чудесные теплые ручки
И в каждом глазу — газель.

Для нас уже нет двадцатого века,
И прошлого нам не жаль:
Мы два Робинзона, мы два человека,
Грызущие тихо миндаль.

Но вот в передней скрипят половицы,
Раскрылась створка дверей...
И Лиза уходит, потупив ресницы,
За матерью строгой своей.

На старом столе перевернуты книги,
Платочек лежит на полу.
На шляпе валяются липкие фиги,
И стул опрокинут в углу.

Для ясности, после ее ухода,
Я все-таки должен сказать,
Что Лизе — три с половиною года...
Зачем нам правду скрывать?

1927.
Париж.

В Вашингтоне убита Донна Хендрикс. Любивший ее адвокат Бен Нортон начинает поиски преступника. Бен знал, что Донна оставила его, увлекшись Чарлзом Уитмором — нынешним президентом. Это подтвердила и Гвен, подруга Донны. Отставной сенатор Нолан, сосед Хендрикс в Калифорнии, где она жила последнее время, сообщил Нортону, что президент был у Донны месяца три-четыре тому назад. Но помощник президента Эд Мерфи отрицает факт встречи Уитмора и Донны в Калифорнии, а также то, что самого Эда видели в машине вместе с Донной незадолго до ее убийства. Неожиданная смерть сенатора Нолана от несчастного случая, неискреннее признание Филдса, что Донна ждала ребенка от него, и явное желание подкупить, предложив Нортону высокооплачиваемую должность, вызывают у него подозрение, что в убийстве Донны замешана администрация Уитмора.

Патрик АНДЕРСОН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

РОМАН

23

Клэй Макнейр сидел в раздумье над заявлением, в котором шеф-повар Белого дома просил увеличить бюджет на тридцать процентов и намекал, что, если не получит этой прибавки, кухонная прислуга взбунтуется. Вдруг Байрон Риддл влетел в кабинет, хлопнул дверью и включил маленький телевизор «Сони», стоявший на полке возле его стола.

Макнейр сердито поднял взгляд.

— Байрон, с твоего позволения, я хочу поработать.

Риддл пропустил его слова мимо ушей. Он неотрывно смотрел на экран телевизора, где полная женщина стояла у новенького автомобиля «додж чарджер».

— Байрон, я работаю!

— Сделай перерыв, приятель,— ответил Риддл одной стороной рта.— Знаешь, что вот-вот произойдет?

Макнейр вздохнул и отложил заявление шеф-повара.

— Нет, Байрон, а что должно произойти?

— Донни Рипли созвал пресс-конференцию,— ответил Риддл. Его самодовольство озадачило Макнейра.

— Пресс-конференцию? С какой стати? Ему еще рано баллотироваться в президенты.

— Ха! — ответил Риддл со злобной усмешкой.— Поживем — увидим.

Макнейр недовольно покачал головой. Политологи вечно размышляли, будет ли сенатор Рипли соперником президенту Уитмору на партийном выдвижении три года спустя, но этот вопрос совершенно не занимал Макнейра. К тому времени он собирался уйти из Белого дома, вернуться к относительно спокойной жизни. Более того, ему было все равно, кто занимает президентское кресло. Он давно уже решил, что политики различаются между собой не более, чем разные сорта зубной пасты: рекламируются они как нечто уникальное, но, в сущности, представляют собой одно и то же. Люди содействуют избранию своего кандидата, а потом работают на него. Макнейр начинал видеть в политическом процессе роковую уловку-22: чем больше таланта у человека при достижении должности, тем меньше таланта он проявит при ее исполнении.

— Начинайте, черт возьми, начинайте,— нетерпеливо сказал Байрон Риддл. Перед пресс-конференцией сенатора телестудия передавала бесконечную серию коммерческих фильмов. На экране пожилая женщина нагловатого вида объясняла сбитой с толку женщине помоложе достоинства какого-то стирального порошка.

— Будь у нас приличное правительство,— злобно заметил Риддл,— людям не пришлось бы смотреть такую дрянь.

— Байрон, реклама нам нужна,—возразил Макнейр.— Она не дает машине останавливаться.

— Слушай, приятель, этой стране нужно кончать с бесхребетностью, а не продавать мыло,— огрызнулся Риддл.

Он заворчал и стал искать в карманах сигареты. Не найдя, торопливо отпер ящик стола и вынул нераспечатанную пачку «Мальборо». Едва он закурил, на экране банку корма для собак сменил купол Капитолия, потом появилось растерянное лицо известного политического комментатора, он говорил:

— ...неожиданная пресс-конференция повергла Вашингтон в удивление. Старые вашингтонские зрители считают, что сенатору Рипли еще рано объявлять свою президентскую программу, однако такая возможность остается... возможной. И теперь мы готовы включить...

Появился Донован Рипли, его представительное, усталое лицо было в центре экрана, за спиной виднелся свернутый флаг, рядом сидели жена и дети. У жены, красивой женщины, был ошеломленный взгляд, словно у девочки, увидевшей катастрофу в шахте.

— Сограждане-американцы,— произнес Донован Рипли, надежда миллионов, с головы до ног будущий президент,— сегодня я здесь, чтобы объявить о нелегком решении, принятом после долгих молитв, после долгих споров с любимой женой и многими друзьями, которые поддерживали мое служение обществу...

Клэй Макнейр нахмурился, а Байрон Риддл издал радостный вопль.

— ...и каждый общественный деятель должен постоянно соизмерять свой долг перед страной с долгом перед самыми близкими людьми...

Байрон Риддл заколотил кулаками по столу и зашелся в беззвучном смехе.

— ...мучительное, но необходимое решение из-за привязанности к жене и детям ни теперь, ни в будущем не быть кандидатом в президенты Соединенных Штатов...

Риддл подскочил и как сумасшедший заплясал по кабинету. На телеэкране творилась такая же кутерьма. Учтивый политический комментатор раскрывал рот, как рыба, вытащенная из воды:

— ...будто взрыв бомбы... совершенно неожиданно... глубокая привязанность к семье... полностью меняет будущее национальной политики...

— Все! — крикнул Байрон Риддл.— Он вышел из игры!

Раздраженный Макнейр встал и выключил телевизор.

— Байрон, успокойся. Это ведь не столь уж важное дело.

— Не столь уж важное? — повторил Риддл и снова разразился смехом так, что на глазах выступили слезы.— Послушай, это одно из самых важных дел, к которым я был причастен.

— Причастен? Как так? — Макнейру показалось, что его компаньон сошел с ума.

— Просто оборот речи,— ответил Риддл, овладев собой.— Я должен идти. Это меняет все. Мне нужно поговорить с Эдом Мерфи. Пока, Макнейр.

— Байрон, а как эти докладные...— начал было Макнейр, но Риддл, хлопнув дверью, выбежал из кабинета.

Клэй Макнейр вздохнул и вернулся к столу. Это сумасшествие слишком затянулось. Он не знал, какие важные услуги оказывает Байрон Риддл Эду Мерфи и другим людям в Белом доме, знал только, что Риддл мешал ему работать. Нужно будет поговорить с Мерфи. В крайнем случае Риддлу придется перебраться в другой кабинет. Хватит.

Макнейр снова потянулся к жалобе шеф-повара, и тут ему в глаза бросилось нечто необычное. Риддл оставил ящик стола открытым. Макнейр был ошеломлен. Ведь Риддл охранял свои ящики как тигр. У него возникло почти неодолимое желание заглянуть туда.

Нет, сказал он себе, это недостойно; служащие не должны так поступать.

«Однако,— мелькнула мысль,— там может оказаться что-то компрометирующее, тогда просьба Эду Мерфи будет более обоснована». Макнейр был готов почти на все, чтобы изгнать Байрона Риддла из своего кабинета и из своей жизни.

Он быстро подошел к столу и выдвинул ящик. Там были блок сигарет «Мальборо», карта Калифорнии и два бумажных пакета. Макнейр взял тот, что лежал сверху. Пакет оказался запечатанным, на нем стояла надпись: «Пленка Д. Х.». Внутри прощупывалась круглая катушка. Пленка Д. Х.? Дэвид Халберстэм? Домовое хозяйство? Макнейр нахмурился, положил этот пакет и взял другой. Набитый, незапечатанный. Макнейр заглянул в него и с изумлением увидел деньги.

Купюры были в основном стодолларовые, несколько пятидесятидолларовых. На глаз Макнейр решил, что там не меньше десяти тысяч.

Макнейр глядел на деньги, сердце его колотилось, мысль лихорадочно работала. Он думал о том, что, перейдя на государственную службу, стал зарабатывать меньше. О расходах, более пяти тысяч в год, на обучение детей в частной школе. О жалобах жены, что он слишком много работает, что они два года не были в отпуске, и ему пришло в голову, что было бы очень хорошо съездить с семьей в Акапулько или в Кэнил-Бэй на недельку-другую. Если б только у него были деньги! Он полез в конверт. Только две тысячи, подумал он. Двадцать бумажек. Байрон не заметит. Как прекрасно он провел бы отпуск с семьей.

Внезапно распахнулась дверь, и вошел Байрон Риддл. Макнейр охнул и выронил конверт.

— Напрасно ты это, Макнейр,— прошептал Риддл.

— Ты бросил ящик открытым,— спокойно сказал Макнейр.— Я закрыл его. Нужно быть повнимательнее, Байрон.

Макнейр по-мальчишечьи улыбнулся, но улыбка тут же угасла под убийственным взглядом Риддла. Макнейр пожал плечами и направился к своему столу.

— Слушай, Байрон,— сказал он.— Кажется, нам с тобой давно пора бы поговорить. Мне уже надоело...

Кулак Риддла взлетел и угодил Макнейру в поддых. Макнейр согнулся от боли, к горлу подступила тошнота. Риддл схватил его за галстук, прижал к стене и закатил сильную пощечину. Макнейр попробовал защищаться, но получил сильный удар ребром ладони по шее, и руки его обвисли.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—22.

— Байрон, ради бога! — воскликнул он.

Риддл закатил ему еще одну пощечину.

— Как ты открыл ящик?

— Ты бросил его открытым.

Риддл снова ударил его в поддых, и Макнейр опустился на колени. «Убьет,— мелькнула у него мысль.— Этот псих убьет меня прямо здесь, в цокольном этаже Белого дома».

— Байрон,— взмолился он,— если у нас возникла проблема, давай обсудим ее, как...

Риддл так стукнул его головой о стену, что потемнело в глазах.

— Тебе нужны деньги, мразь? — злобно прошептал Риддл.— Нужны деньги? Хорошо, мы дадим тебе денег.

Он взял пакет, достал оттуда стодолларовую бумажку и сунул Макнейру в лицо.

— Жри, мразь!

— Что?

— Я сказал: жри!

Риддл снова ударил его по лицу и сунул деньги ему в рот.

— Жуй. Глотай.

Макнейр запротестовал, но, когда Риддл угрожающе занес руку, стал жевать. Деньги были грязными, он боялся, что его вырвет. И заплакал.

— Глотай, а то убью,— сказал Риддл.

Макнейр поперхнулся, потом проглотил. Сполз на четвереньки и невидяще уставился в пол.

— Что ты видел в ящике? — резко спросил Риддл.

— Ничего, Байрон, клянусь. Пожалуйста...

Риддл ударил его ногой по ребрам.

— Врешь. Что видел?

— Сигареты. Карту. Деньги.

— Еще что?

— Пакет.

— Что на нем написано?

— Не знаю.

Риддл снова пнул его.

— Что написано?

— Клянусь богом, не знаю.

Риддл опустился на колени и зашептал ему в ухо:

— Скажешь хоть кому-то, что видел в ящике,— убью. Понял?

— Да, Байрон.

— Не сразу. Буду убивать медленно. Жену и детей тоже. Думаешь, я шучу?

— Нет, Байрон,— прошептал Макнейр.— Теперь можно встать?

— Лежи на месте.

— Байрон, нам теперь нельзя иметь один кабинет.

— Наконец-то слышу что-то разумное. Так скажи Мерфи, что хочешь перебраться. Идет?

— Идет, Байрон. Как скажешь.

— Это уже лучше. Теперь можешь встать.

Макнейр с трудом поднялся на ноги.

Риддл прислонился к стене и закурил.

— Мне неприятно так обходиться с тобой,— сказал он.— Это не в моем стиле. Но ты должен понять, я выполняю секретные поручения больших людей, и никакой утечки не должно быть. Так что помалкивай. И больше не будет никаких проблем. Договорились?

— Договорились,— ответил Макнейр. От сильного пинка у него болел бок. Он подумал, что, видимо, сломано ребро.

— И вот что, Байрон... извини, что я заглянул в твой стол. Этого делать не следовало.

— Вот это по-мужски,— сказал Риддл и неожиданно протянул руку. Ошеломленный Макнейр и его мучитель обменялись рукопожатием.

— У нас с тобой не должно быть проблем,— сказал Риддл.— Ты игрок команды, Макнейр, для таких, как ты, существует свое место. А Байрон Риддл — волк-одиночка, он действует на свой страх и риск, выполняя тяжелую работу, за которую никто больше не желает браться. Впредь тебе лучше держаться от меня подальше.

— Согласен,— сказал Макнейр.

— Отлично! А теперь повернись лицом к стене.

— Что?

— Ты слышал. Лицом к стене. Быстро!

Макнейр быстро повернулся и услышал, как Риддл открывает ящики стола и перекладывает их содержимое в портфель.

— Пока, Макнейр,— сказал Риддл через минуту.— Помни, о чем я тебя предупреждал. Помалкивай, и все будет хорошо.

Дверь закрылась. Макнейр медленно обернулся, увидел, что Риддла нет, и торопливо запер ее. Будто какой-то замок мог защитить его от Байрона Риддла. Кривясь от боли, он сел за свой стол и стал думать, как быть дальше. Придется все рассказать Эду Мерфи. Работать и дальше рядом с маньяком, грозившим убить его, нельзя.

И все же... что, если Риддл сказал правду? Что,

если он выполняет секретные задания Эда Мерфи или даже самого президента? Вдруг он скажет, что Макнейр поставил под угрозу их секретность? Что, если уволят не Риддла, а его? Тогда все планы рухнут. Ни одна корпорация не даст ему той работы, какую он хочет. Может, лучше промолчать, перебраться в другой кабинет и избегать Байрона? Даже если для этого придется ходить через другую дверь? Знать только свое дело, так, видимо, будет лучше всего. Но все же любопытство его не угасало. Почему Риддл так разозлился? Что такое важное в этих конвертах?

Пленка Д. Х.

«Донны Хендрикс».

Эта мысль пришла внезапно и перепугала его. Какое отношение имел Риддл к убитой? Что это за пленка? Какие на ней могли быть секреты, чтобы угрожать из-за них убийством? Макнейра одолевали мысли, над которыми не хотелось задумываться. Он хотел только делать свою работу, угождать начальству, продвигаться в жизни. Но теперь почему-то имел дело с сумасшедшим, грозящим убить его и всю семью. Макнейр закрыл лицо руками. Ребра болели от пинка, его поташнивало. На съеденных деньгах могли быть всевозможные микробы. Может, пойти к врачу? Но как объяснить, почему он проглотил стодолларовую бумажку? Зазвонил телефон, но Макнейр не снял трубку. Ему не хотелось ни с кем говорить. Хотелось оказаться подальше от Вашингтона. Даже, может быть, умереть.

24

По пути в аэропорт Нортон и Энни спорили.

— Не доверяй Гейбу Пинкусу,— сказала она.

— Я ему не доверяю,— ответил Нортон.— Но он мне нужен.

— Он обманет тебя,— сказала Энни.— Он думает только о своих сенсациях. О славе. Контролировать его ты не можешь.

— От него есть толк. Половину сведений об этой истории сообщил мне он.

— Ну и много ты узнал? Так много, что теперь наудачу летишь в Калифорнию?

— Энни, это единственное, что мне остается,— устало сказал он.— Где-то должно быть слабое звено. Макнейр не хочет говорить со мной. Риддл исчез. Так что я попробую еще раз поговорить с Джеффом Филдсом.

— Ты мог бы обратиться к общественности,— сказала она.— Созови пресс-конференцию. Выложи все, что знаешь. Заставь *их* объяснить все, а не бейся головой о стену.

Нортон свернул с Белтвэя на Даллес Эксесс Роуд и упрямо покачал головой.

— К этому я еще не готов. Так можно навредить Уитмору, а я не сделаю этого, пока не буду убежден, что он причастен к убийству Донны.

— Убежден? Чего еще тебе нужно? — воскликнула она.— Ты знаешь, что он сделал ей ребенка. Знаешь, что кто-то убил сенатора Нолана. Знаешь, что они заставили Джеффа Филдса сказать, будто Донна забеременела от *него*. Чего ты еще хочешь, признания?

Их обогнало такси на скорости 80 миль в час.

— Какой-то бедняга опаздывает на самолет,— сказал Нортон.— Послушай, я же вчера вечером объяснял тебе, это все может быть совпадением. Пока что против Уитмора лишь косвенные улики. Есть разница между тем, что я *подозреваю* и *знаю*. Будь я присяжным, я не смог бы сказать, что безоговорочно убежден в причастности Уитмора.

— О господи! — воскликнула Энни.— *Юристы!*

Остановив машину возле аэропорта, Нортон взял Энни за руку.

— Вечером позвоню.

— Отдохни там,— сказала она.— Полежи у бассейна, позагорай.

— Постараюсь,— сказал он.— Слушай, извини меня за вчерашнее.

Энни придвинулась и поцеловала его.

— Вчера все было хорошо,— сказала она.— Отдохни там. Я съем тебя, когда вернешься.

Он торопливо поцеловал ее и поспешил к вокзалу.

Полчаса спустя, когда самолет поднялся, Нортон подумал, что еще ниоткуда не улетал с таким удовольствием, как сейчас из Вашингтона. Даже если это означало улетать от Энни. Последнюю неделю у него было ощущение, будто вокруг него сдвигаются стены. Он стал приглядываться к людям на улице, хотя раньше не делал этого. Теперь ему казалось, что они наблюдают за ним, следят, строят заговоры. Он считал, что все телефоны прослушиваются, все разговоры подслушиваются, все письма вскрываются.

Последней соломинкой была прошлая ночь, когда они впервые легли в постель и с ним произошло нечто ужасное. Казалось, импотенция — один из последних симптомов этой паранойи. Лежа рядом с Энни, он слышал шорохи за дверью, видел тени за окнами, ему мерещились шпики, спрятанные кинокамеры, потайные микрофоны. В конце концов он сдался и, надеясь, что она поймет, поделился своими опасениями. Конечно, даже когда он шептал ей о смерти Донны, где-то в глубине души гнездился страх, что и она может оказаться участницей этого заговора, но довериться кому-то было необходимо.

Когда он стал рассказывать, Энни села в постели, включила свет и с полчаса расспрашивала его. Она думала, что он слишком неосторожен, слишком доверчив. У нее не было никаких сомнений в причастности Уитмора. Но, конечно, Энни была на десять решающих лет моложе. Он достиг возраста, когда доверяешь своему правительству, а она нет еще. В конце концов, когда он ответил на ее вопросы, она погасила свет, обняла его и притянула к себе. Заснул он, обнявшись с ней.

— Хотите коктейль, сэр?

Нортон открыл глаза. Голубоглазая стюардесса держалась развязно. Вспомнив о Пенни, он подумал, что, видимо, и эта ее коллега накурилась гашиша.

— Две «кровавые Мери», пожалуйста,— попросил он. У него был план: выпить два коктейля и проспать до самой Калифорнии.

Плосколицый по-прежнему охранял ворота Филдса, но на сей раз никаких проблем не возникло.

— Босс ожидает вас,— сказал он не очень приветливо.— Возле бассейна.

Нортон поставил взятый напрокат «форд» перед особняком, рядом с блестящим светло-желтым «ягуаром», обошел дом и спустился по широкому зеленому газону к бассейну. В прошлый раз в бассейне и вокруг него резвились гости. Теперь здесь был только Джефф Филдс, он лежал в шезлонге, на воде чуть покачивался большой белый надувной матрац.

— Привет, Нортон,— не вставая, сказал актер.

— Привет, Джефф. Спасибо за гостеприимство.

— Я должен был принять тебя после той истории. Только не повторяй свою чушь, будто приехал насчет работы. Выпьешь пива?

— С удовольствием.

— Сейчас принесу,— сказал Филдс.— У меня в кабине холодильник.

Он пошел в кабину и через минуту вернулся с двумя холодными банками пива.

— Ты, кажется, южанин?—спросил он Нортона.

— Да. Из Северной Каролины.

— Как ты говоришь — «холодильник» или «ледник»?

— В детстве говорил «ледник». У нас в буквальном смысле был ящик, куда клался лед. И до сих пор иногда так говорю. А почему ты спросил?

— Я как-то снимался в фильме, где действие происходит в Миссисипи в тридцатые годы. И с трудом убедил режиссера, что мне надо говорить «ледник».

— Этот фильм я видел. Ты играл там бутлегера[1]. И притом отлично. Мне надоели картины о Юге, где исполнители главных ролей говорят с бруклинским акцентом.

Филдс улыбнулся.

— Слушай, Джефф,—сказал Нортон,—тогда, на Лафайет-сквер, я был с тобой очень груб. Я не поверил твоим россказням. Хочешь, для начала скажу тебе, в чем, на мой взгляд, тут дело?

— Конечно. Валяй.

— Прежде всего я сразу не поверил, что Донна забеременела от тебя. По-моему, в этом повинен Уитмор, и тебя принудили явиться ко мне с этой выдумкой. Я только не могу понять, как ты пошел на такую глупость.

— Почему глупость?

— Почему? Во-первых, глупо без необходимости впутываться в дело об убийстве. К тому же, изложив эту историю под присягой, а дойти до этого могло бы, ты рисковал попасть в тюрьму за лжесвидетельство. Когда выгораживаешь других, Джефф, всегда есть опасность, что они скажут правду и повернутся к тебе спиной.

Актер пожал плечами и стал втирать в грудь лосьон для загара.

— Я не мог понять, какой нажим на тебя оказали,— продолжал Нортон.— Потом ко мне как-то заглянула стюардесса по имени Пенни. Помнишь ее?

— Помню.

— Так вот, в прокуратуре на нее давили, пока она не рассказала все, что знает о наркотиках на твоих вечеринках. Насколько я понимаю, то же самое проделывали и с другими, пока не набралось достаточно показаний против тебя в употреблении кокаина. Все дело в этом? Так они и скрутили тебя?

— Я вот что скажу тебе, Нортон. Просто теоретически. С такими, как я, правительство может расправиться и без суда. Мне даже могли не предъявлять обвинения. Достаточно было кое-что сообщить в газеты. «Актер обвиняется в распространении кокаина». «Дикие оргии в усадьбе актера». Кокаин сгубил бы мне карьеру, как марихуана Бобу Митчему тридцать лет назад.

— Значит, по-твоему, ты полностью в их руках?

— А по-твоему, нет?

— Нет. Я считаю, что ты совершаешь большую ошибку.

— Послушай, Нортон, если ты сошлешься где-то на мои слова, я буду все отрицать. Но ты недалек от истины. Меня попросили о небольшом одолжении, я отказался, и тут же целая армия агентов по борьбе с наркотиками кинулась с расспросами к моим знакомым. Я поговорил со своим адвокатом. Совет его был очень краток: «Делайте, что вам говорят». Я сделал. И расследование тут же прекратилось. Так что, видимо, я был не так уж глуп.

— Эй, босс!— окликнул с террасы плосколицый.— Я еду в город. Поручения будут?

— Привези еще пива!—крикнул в ответ Филдс. Тот помахал рукой и скрылся.

— Сейчас здесь только ты и он, Джефф? — спросил Нортон.— Ни шикарных девочек? Ни музыки? Ни вечеринок?

— Вечеринка окончена,— сказал Филдс.— Теперь объясни, в чем, по-твоему, не прав мой адвокат?

— Не прав он в том, что напрасно позволил тебе влезть в неприятности. Что недооценивает твое положение. Конечно, Уитмор может навредить тебе, но и ты ему тоже, а потеряет он больше, чем ты.

— Это — гиблое дело.

— Гиблое дело — это то, чем ты занялся. Послушай, я думаю, тебе известно кое-что о связи Уитмора с Донной, почему она отправилась в Вашингтон повидать его и, может, как она погибла. А если ты знаешь хоть что-то, то незачем поддаваться им. Это *они* оказались в беде, а не ты. *Ты* не убивал никого. Зачем тебе покрывать их?

— Потому что они могут испортить мне жизнь, черт возьми.

— Испортить жизнь можно не только тебе. Ты знаешь, кто такой Фрэнк Кифнер?

— Знаю.

— Это он грозил тебе преследованием за наркотики?

— Один из его помощников.

— Хорошо. По возвращении в Вашингтон я повидаюсь с Кифнером. Скажу, что знаю: на Пенни он давил лишь из-за политического нажима Белого дома. И на тебя тоже. Они не имеют на это *права*, Джефф. Нельзя попирать людей безнаказанно. Нельзя использовать судопроизводство для шантажа. Фрэнк умен, честолюбив и прислушается ко мне. Он вынужден блюсти свои интересы, а я хочу внушить ему, что в его интересах выяснить истину об убийстве Донны. Посоветую побеседовать кое с кем, в том числе и с тобой. Надеюсь, ты поумнеешь и скажешь ему правду.

Филдс медленно, словно под бременем нерешительности, поднялся.

— Выпьешь еще пива? — спросил он.

— Конечно.

Филдс вернулся с двумя банками и протянул одну Нортону.

— Слушай, я хочу задать тебе пару вопросов.

— Спрашивай.

— Для чего ты говоришь мне все это? Что, по-твоему, Уитмор обрюхатил Донну и знает, кто ее убил? Что собираешься идти к Кифнеру? Не боишься, что я позвоню Уитмору, или Эду Мерфи, или кто там заправляет всем этим и передам все, что ты сказал?

— С Мерфи я разговаривал. Он знает, что я думаю. Сейчас мы играем в покер. Они ставят на то, что я не смогу доказать свою правоту, я ставлю на то, что смогу. А ты находишься между нами.

Солнце клонилось к закату, и от пальм на траву падали длинные тени. Филдс встал и передвинул шезлонг на освещенное место. Нортон остался в тени.

[1] Торговец контрабандными спиртными напитками.

— Бен, у тебя не было ощущения, что ты сражаешься с ветряными мельницами? Что в руках твоего противника полиция, ФБР и прокуратура и что тебе никак не пробить эту стену? Не ведешь ли ты игру — вовлекая в нее и меня — с очень малой надеждой на выигрыш?

— Конечно, такое ощущение было,— ответил Нортон.— В Вашингтоне я давно и знаю, какой порочной и продажной может быть наша политическая система. Однако, Джефф, в глубине души я в нее верю. На мой взгляд, она похожа на старого мула. Он ленив и упрям, эгоистичен и глуп, но эта проклятая тварь может работать! И если дать ей хорошего пинка, то будет. Вот и все, что я хочу сделать,— дать пинка и заставить этого старого мула двигаться в нужном направлении.

— А если мул будет лягаться, Бен?

— Пусть лягается. Я так же упрям, как и он.

— Я не шучу. По-моему, кое-кто хочет заткнуть тебе рот, и, если не удастся сделать это одним способом, они прибегнут к другому. На твоем месте я бы думал, куда иду и к кому поворачиваюсь спиной. У меня был друг, кинорежиссер, он не поладил с мафией. Мелочь, карточный долг, восемь или десять тысяч долларов. Полиция обнаружила его в мусорном ящике за Браун-дерби, на теле было восемьдесят три раны, нанесенные пешней.

— Мы имеем дело не с мафией, Джефф.

— Вот как? А тот старик сенатор? Думаешь, он упал с обрыва случайно?

— Не знаю,— признался Нортон.— Хочется думать, да.

Филдс горько рассмеялся.

— Тогда не называй меня дураком, приятель. Может, ты еще глупее меня. Если это возможно.

— Может быть,— сказал Нортон.— В конце концов мы это выясним. Сейчас я хочу знать, будешь ли ты меня поддерживать. Хочу знать, кто в Белом доме велел тебе сочинить эту выдумку. И зачем Донна отправилась в Вашингтон. И что ты знаешь об убийстве. Без умолчаний. Что скажешь?

Филдс смял банку из-под пива и швырнул в сторону. Она упала в траву и лежала, поблескивая на солнце.

— Черт возьми, не знаю, как и быть,— сказал он.

— Расскажи правду, Джефф. Правдой нельзя причинить зло.

Актер чуть заметно улыбнулся.

— Хочешь, скажу тебе смешную вещь? Я верю в Уитмора. И вовсе не хочу создавать ему проблем. По-моему, если кто и может исправить нашу свихнувшуюся страну, то это он.

— Я тоже так думаю,— сказал Нортон.— Но мы не создаем ему проблем. Он создал их себе сам. Тебе надо подумать о своих интересах. О проблемах Уитмора заботятся многие.

Филдс поднялся и стал расхаживать вдоль бассейна.

— Черт побери,— сказал он.— Я ни на что не напрашивался. Это не моя забота. Все из-за той проклятой пленки.

Нортон замер.

— Какой пленки, Джефф? — негромко спросил он.

Актер остановился и, казалось, вышел из транса.

— Что? А, ерунда. Забудь.

— Джефф, какой пленки? О чем ты говоришь?

Филдс сел на край шезлонга и обхватил голову руками.

— Сейчас ничего не скажу,— пробормотал он.— Мне надо подумать. Надо поговорить с адвокатом. Не знаю, как и быть!

— Времени у нас мало,— сказал Нортон.— Завтра я возвращаюсь в Вашингтон. Мне нужно знать, куда ты повернешь.

— Приезжай утром в девять,— сказал Филдс.— К тому времени я все решу.

Нортон встал, потом сделал последнюю попытку.

— Пленка, Джефф. Скажи, что ты имел в виду?

— Утром,— ответил актер, и Нортон сдался.

Он поднялся по склону, потом остановился у особняка и взглянул на бассейн. Филдс стал купаться. Немного проплыв, он влез на белый надувной матрац, качавшийся на воде, и теперь лежал вверх лицом, словно в полном покое. Это было приятное зрелище: худощавый, загорелый молодой человек на белом матраце в бирюзовой воде, фоном были кабина, пальмы, горы и бесконечное небо; Нортон подумал, что этот вид был бы хорошей концовкой фильма, если б в кино еще существовали хорошие концовки.

Филдс открыл глаза, увидел Нортона и помахал на прощание рукой.

— Плывешь своим путем, Джефф? — крикнул Нортон.

— Может быть,— ответил актер.— А может, по течению.

«А может, и то, и другое»,— подумал Нортон, помахал рукой и пошел к своей машине.

25

Возвратясь в отель, Нортон зашел в бар, заказал джин с тоником и попросил бармена включить вечерние новости. Без новостей Нортон не мог жить: в тот вечер, когда пропускал Уолта Кронкайта, он начинал дрожать и потеть, как наркоман без своей дозы. Бармен как-то странно поглядел на него, но включил большой цветной телевизор над стойкой. Никто больше в маленьком темном зале не интересовался новостями, и Нортон заметил, что несколько человек хмуро поглядели на него.

Почти все новости в тот вечер были из Вашингтона, и все были скверными. Цены растут, безработица увеличивается, продовольствия не хватает, специалисты в недоумении. Еще один конгрессмен обвинен в сокрытии доходов, сенат скован обструкцией. Госдепартамент предвещал новый взрыв насилия на Ближнем Востоке, Пентагон требовал еще денег, министерство финансов намекало на очередное повышение налогов. Плохие новости одна за другой выплывали с экрана, и Нортон стал чувствовать себя неловко, стал видеть их с новой, тревожной, не вашингтонской точки зрения. В Вашингтоне он воспринимал политические мытарства нации как повседневное явление, как лос-анжелесский смог. Более того, он и большинство его знакомых либо так, либо иначе наживались на политических бедах. Но здесь, в этом шикарном небольшом баре, в пустынном раю, вашингтонские безрадостные известия казались совершенно неуместными. Он заметил, что посетители начинают ворчать, сердито указывать на него, и внезапно ему пришла ошеломляющая мысль: «Как же они должны ненавидеть нас!» Хемингуэй называл Париж праздником, который всегда с тобой, но Вашингтон был несчастьем, которое всегда с тобой, ежедневно рассылающим свои гнетущие сообщения на всю беспомощную, непонимающую страну.

— Послушайте, мистер, вы еще смотрите? — спросил бармен.— Кое-кому хочется посмотреть игру в гольф.

— Отличная мысль,— сказал Нортон, и Уолтера Кронкайта внезапно сменил Джонни Миллер, загоняющий мяч в лунку с тридцати футов. Общий вздох пронесся по залу, и даже Нортон почувствовал облегчение.

На другое утро, когда Джефф Филдс вышел из особняка, Нортон как раз ставил «форд» рядом с его «ягуаром». Подойдя, Нортон встретил актера у подножия лестницы. Филдс был в теннисных туфлях, белых льняных брюках и зеленой спортивной рубашке, выглядел он нервозным и рассеянным.

— Привет, Джефф.

Актер поглядел на Нортона и рассмеялся.

— Бен, на тебе лица нет.

— Я почти не спал,— согласился Нортон.— До рассвета все думал об этой истории. Да и ты выглядишь неважно.

Актер сунул руки в карманы, угрюмо уставился в подъездную аллею и рассеянно пнул камушек.

— Сейчас произошла странная вещь, Бен,— сказал он.— Едва я решил, как мне быть, произошла очень странная вещь.

— Какая?

— Слушай, я буду откровенен с тобой насколько могу. Вчера ты говорил дело. После твоего ухода я позвонил адвокату, и мы долго беседовали. Потом позвонил в Вашингтон одному человеку — кому, не скажу — и поговорил с ним. В конце концов я решил, что ты прав, что мне следует рассказать прокурору правду об этой истории, и будь что будет.

— Отлично,— сказал Нортон.

— И буквально десять минут назад этот сюрприз,— сказал Филдс.— Позвонил командир армейской базы, она тут рядом, за городом. Говорит, чтобы я немедленно приезжал, мне звонят из Белого дома.

— Что за чертовщина? — запротестовал Нортон.— Чего им нужно? И почему не позвонили сюда?

— Насколько я понял, звонит президент и хочет говорить по надежному телефону — на базе телефон надежен, а мой нет.

— Значит, ты едешь?

— А как же иначе?

— Джефф, даже если это президент, что бы он ни сказал,— ничего не может изменить.

— Видимо, нет. Но поговорить с ним хотя бы из вежливости надо.

— Да, конечно,— подтвердил Нортон.— Только не поддавайся на уловки. Твоя позиция очень проста: ты намерен рассказать правду. Не слушай всякую чушь, будто западная цивилизация рухнет, если Уитмор окажется замешанным в скандал. Это их проблема.

— Да, пожалуй,— неуверенно проговорил актер.

— Вот еще что,— сказал Нортон.— Кажется, сейчас я туго соображаю, но почему именно в это время?

— Единственное, что можно предположить после того, как я поговорил со своим адвокатом, он в Лос-Анжелесе, и с моим человеком в Вашингтоне, кто-то из них позвонил в Белый дом и донес о моих намерениях. Это — самое скверное, Бен. Все карты у них в руках. Что бы ты ни делал, они на шаг впереди тебя.

— Оставь такие мысли. Не поддавайся этим прохвостам.

— Слушай, меня ведь ждут. До базы минут двадцать езды. Хочешь поехать со мной?

Нортон развел руками.

— Не знаю. Ну, поедем.

— Думаю, нас пропустят вдвоем,— сказал Филдс.— Там какой-то центр связи. Совершенно секретный. Пошли, поедем на «ягуаре».

Они пошли к желтому «ягуару», потом Нортон остановился.

— Джефф, я не успел позавтракать и, если ты не против, останусь и выпью кофе.

— Как хочешь,— ответил актер.— Все, что тебе нужно, на кухне. Можешь сделать и «кровавую Мери».

— Обойдусь кофе и яйцами,— ответил Нортон.

— Ладно, где-то через час я вернусь. Не унывай.

Актер усмехнулся, легко подбежал к «ягуару» и грациозно влез на сиденье. Мотор завелся сразу же и негромко урчал, пока Филдс затягивал привязной ремень. Нортон смотрел с крыльца, улыбаясь картине перед собой: безупречный профиль актера, четкие очертания машины, свежеполитый, искрящийся под утренним солнцем газон, это был миг почти совершенной красоты — и вдруг он взорвался столбом пламени. Нортона сшибло с ног. По всему фасаду особняка вылетели стекла. Над газоном поднялась туча дыма. Желтый «ягуар» превратился в груду обгорелого, искореженного металла, над ним плясали языки огня. Стоявший в воротах охранник что-то крикнул и побежал к «ягуару». Нортон поднялся и побежал тоже, потом, заметив на дорожке что-то розовато-белое, остановился. Наклонясь, увидел, что это большой палец. Нортон отвернулся, и его вырвало на клумбу. Потом он заставил себя войти в дом и позвонить в полицию.

Полицейские Палм-Спрингса отпустили Нортона только во второй половине дня. Он сказал им, что приехал к Филдсу поговорить насчет работы. Упомянул и о загадочном звонке с армейской базы. Перед его уходом из отделения полицейские установили по крайней мере один факт: никто из Белого дома не звонил на базу и никто с базы не звонил Филдсу.

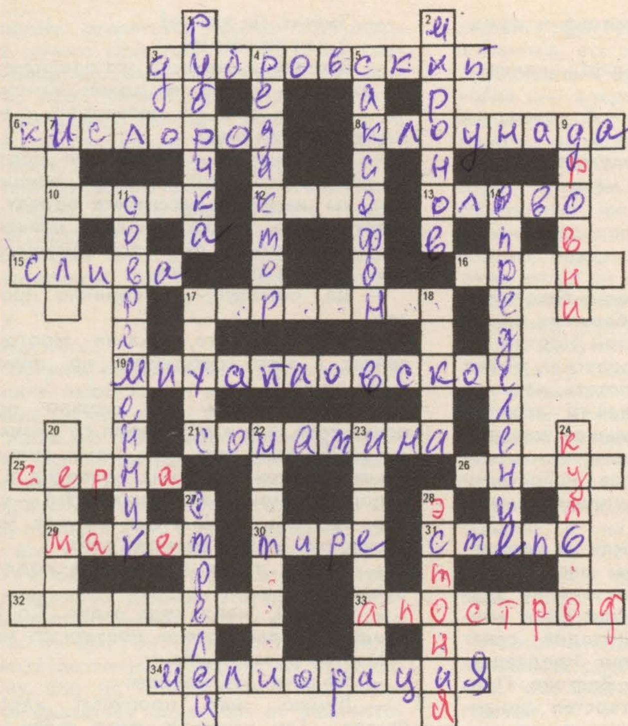
Приехав в аэропорт, Нортон еще не оправился от потрясения, но некоторые факты стали складываться в картину. Бомбу подложили ночью, охранник Филдса показал, что вечером ездил на «ягуаре». Значит, убийца как-то прознал, что Филдс намерен рассказать правду о смерти Донны. Как? Может, актер обращался за советом не к тому, кому следовало? И кто этот таинственный вашингтонский человек? Или, может, его телефон прослушивался? Так или иначе, это стало известно, кто-то тайком явился и установил бомбу. А потом в девять, как раз когда Нортон должен был приехать, раздался обманный телефонный звонок, рассчитанный на то, что Филдс бросит все и сядет в «ягуар».

Поднимаясь в самолет, Нортон был потрясен, ошеломлен. Убийство Донны могло быть непредумышленным. Смерть сенатора Нолана могла быть случайной. Но убийство Филдса было тщательно продуманным преступлением. И еще: чем больше он думал над этим, тем больше убеждался, что убийца хотел разнести на куски и его вместе с несчастным актером.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

кроссворд

По вертикали: 1. Заголовок раздела в газете, журнале. 2. Персонаж повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 4. Руководитель издания. 5. Духовой музыкальный инструмент. 7. Приток Дона. 9. Сани для перевозки грузов. 11. Журнал, основанный А. С. Пушкиным. 14. Член предложения. 17. Река на Среднесибирском плоскогорье. 18. Денежная единица Древней Руси. 20. Малая планета. 22. Кинорежиссер и оператор, народный артист СССР. 23. Жанр камерной вокальной музыки. 24. Полный переворот спортсмена, артиста в воздухе. 27. Зодиакальное созвездие. 28. Союзная советская республика.

По горизонтали: 3. Повесть А. С. Пушкина. 6. Химический элемент, газ. 8. Цирковой жанр. 10. Изолированное специальное помещение на корабле, в самолете. 12. Массовая пляска у народов Югославии. 13. Химический элемент, металл. 15. Фруктовое дерево. 16. Курорт в Армении. 17. Режиссер и актер Московского театра имени Ленинского комсомола. 19. Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина в Псковской области. 21. Музыкальная пьеса для фортепьяно. 25. Горная антилопа. 26. Тропическое дерево семейства тутовых. 29. Модель, предварительный образец. 30. Знак препинания. 31. Повесть А. П. Чехова. 32. Командное спортивное соревнование в беге, плавании. 33. Надстрочная запятая. 34. Улучшение плодородия земель орошением или осушением.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 7. Карацупа. 8. Образцов. 9. Углерод. 10. Застава. 12. «Мурзилка». 15. Фреза. 16. Некрасов. 19. Осина. 20. Ореол. 21. Неман. 24. Анапа. 25. Ефрейтор. 26. Селен. 27. Висбаден. 32. Автомат. 33. Парашют. 34. Скафандр. 35. Левинсон.

По вертикали: 1. Пацаев. 2. Снасть. 3. Факультет. 4. Гайдар. 5. Вокзал. 6. Можайский. 11. Благодать. 12. Менделеев. 13. Аквамарин. 14. Плотность. 17. Калар. 18. Сонет. 22. Балалайка. 23. «Альбатрос». 28. Сатурн. 29. Дупель. 30. Романс. 31. Калибр.

СКОРО В •ОГОНЬКЕ•

РЕПОРТАЖ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО ИЗ БРАЗИЛИИ

«Бразилия — по ее гигантскому, еще невыявленному природному и человеческому потенциалу — это страна будущего. И если сбудется мечта Симона Боливара о Соединенных Штатах Латинской Америки, то многое будет зависеть от этой великой страны.

Я проехал четыре тысячи километров на машине по Бразилии, а ведь это только ее крохотная часть. Это одна из самых красивых стран в мире, чем-то, особенно в горных местах, напоминающая Грузию. Мощь пространства ошеломляет, резкость величественных скал сочетается с нежнейшими мягкими очертаниями долин, красные факелы фрамбоянов обнимаются своим трепещущим пламенем с лиловыми гигантскими спиртовками бугенвиллей».

Прочитав в ближайшем номере очерк Евгения Евтушенко, вы познакомитесь с удивительной страной Бразилией — «спящим гигантом», как часто ее называли журналисты, которая сегодня поднимается во весь свой могучий рост. Прочтите интервью, которое президент Бразилии дал специально для «Огонька».

В связи с публикацией бразильского репортажа в № 24 не будет очередного выпуска поэтической антологии «Русская муза XX века», которую ведет Е. Евтушенко.

ЗАВТРА ВЫ МОЖЕТЕ СТАТЬ ПОДПИСЧИКАМИ!

Многие из вас, дорогие друзья, в письмах и по телефону интересуются, можно ли сейчас подписаться на журнал «Огонек».

Да, можно! В любой день и на любой срок, до первого числа предподписного месяца. Если вы оформите подписку, предположим, до 1 июля, журнал начнет приходить к вам с 1 августа. Подписавшись до 1 августа, получите его с 1 сентября. И так далее, в течение всего года.

Подписка на «Огонек» принимается без ограничений во всех отделениях связи. О каждом факте отказа в подписке просим извещать редакцию.

Если бы накануне было объявлено, что в манеже московского конноспортивного комплекса состоится знакомство с пришельцами из других миров, а не выставка кошек, большего числа людей манеж вместить все равно оказался бы не в состоянии. Очередь из желающих попасть сюда, делая многочисленные «колена», будто плавится на солнце, растекается по газонам и клумбам. Буфеты и тележки с мороженым, а было их, увы, совсем мало, быстро пустеют. После четырехчасового ожидания входим наконец в манеж.

Осмотренные врачами Тигры, Чары, Матрешки, Анжелы, Маркизы, Рики, Леси, Туссы рассажены по клеткам. Сиамские, европейские короткошерстные, бирманские, гималайские, сибирские, ангорские, картезианские и еще многие беспородные представительницы элегантного кошачьего рода со шкурами самых разнообразных сочетаний цветов и оттенков прибыли в Битцу. Впрочем, таких же, в том числе и породистых, можно встретить на наших улицах и, простите, помойках.

Сколько здесь характеров и темпераментов! Животные немного нервничают, попав в необычную обстановку. Некоторые рвутся из клеток, просовывая носы и лапы между прутьями, вопят, требуя свободы, другие, подогнув под себя лапы, преспокойно дремлют, предоставив публике любоваться их красотой.

Артистическая кошачья натура вообще с трудом переносит неволю. В Древнем Риме кошка считалась символом свободы и независимости, была непременным атрибутом богини свободы Либертас и изображалась рядом с нею. Недаром рисунок кошки-свободы был и на знаменах Спартака. А может ли кто-нибудь сказать, что кошка заискивала перед ним?

Сейчас на земле, по самым приблизительным подсчетам, полмиллиарда домашних кошек. Истребление грызунов — вот главный кошачий подвиг, но с этим таинственным и своенравным животным также связано много поверий и примет, возникших за девять тысяч лет знакомства человека с ним. Кошка считалась хранительницей дома, домашнего очага; во многих странах есть примета: прежде чем войти в новое жилище, надо пустить впереди себя кошку, она обеспечит благополучие, предохранит дом от пожара, людей от болезней и несчастий.

— Мы зарегистрировали семь пород из пятидесяти, существующих в мире,— говорит член жюри Татьяна Коваленко.— Помимо того, что выставка стала важной вехой в селекции породистых отечественных кошек, она имеет эстетическое и воспитательное значение. Интерес к ней, как вы сами видите, очень большой. Надеемся, после этого уменьшится число случаев жестокого обращения с животными и бездомных кошек поубавится.

Выставка кошек еще раз показала, что нет глухой стены между человеком и миром, из которого он когда-то вышел и к которому продолжает принадлежать, хотя и периодически забывает об этом.

И еще показала первая московская выставка кошек, что ее организаторов, спешащих продать билеты, мало заботят удобства людей и животных; они как будто забыли подумать о том, что манеж не может быстро пропустить до восьмидесяти тысяч человек — столько, по приблизительным подсчетам, побывало здесь за два дня посетителей.

Клетки были очень неудобные, их к тому же не хватило, как не хватило медалей и наградных документов. Кошки измучились, у трех от волнения и духоты начался сердечный приступ, и им пришлось давать капель. Никаких сувениров и проспектов не продавалось, так что у посетителей на память о первой кошачьей выставке остались только обрывки рублевых билетов...

КОШКИН ДЕНЬ

Александр **МИХАЙЛОВ**,
фото **Д. ДЕБАБОВА**

Любовь Михайловна Майкова живет в деревне, последние 44 года из прожитых ею 88 лет прошли в селе Селищи Калининской области.

В 79 лет она впервые начала рисовать. Да так начала, будто занималась этим всю жизнь!

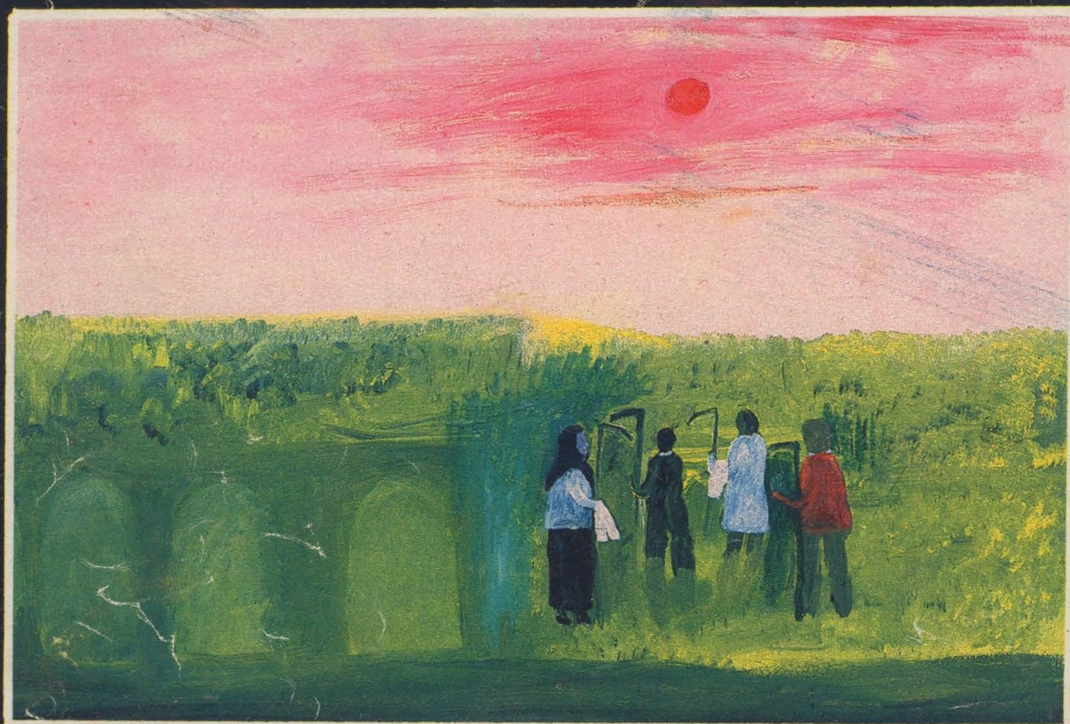
Московский художник Владимир Мороз, познакомившись с Майковой и поразившись ее живописному дарованию, привез ей краски, холсты, кисти и с большим интересом и волнением стал ожидать, что из этого получится...

О том, что из этого получилось, Владимир Мороз рассказывает в материале «Необыкновенная тетя Люба».

«Теряют счастье. Дарят жизнь напрасно».

«Дом Майковой Любови Михайловны».

ОГОНЁК

«Косцы идут».

«В островах охотника».

Цена номера 40 коп.

ISSN 0131—0097 Индекс 70663